ISSN 2414-374X (Online)
ISSN 2522-4069 (Print)

ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№ 2 (97) 2026

ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1999 году

ISSN 2414-374X (Online)
ISSN 2522-4069 (Print)

Выпуск № 2 (97) 2026 год

Учредитель – ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор *– Разумный В.В.*, к-т ист. наук (ДонГУ);
Заместитель главного редактора *– Бобровский А.С.*, к-т ист. наук;
Отв. секретарь *– Посредников Д.В.,* к-т ист. наук (ДонГУ);

Баранов А.В., д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет, г. Краснодар);
Бредихин А.В., д-р ист. наук (ДонГУ);
Выборнов А.А., д-р ист. наук (Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара);
Кияшко А.В., д-р ист. наук (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону);
Колесник А.В., д-р ист. наук (ДонГУ);
Кринко Е.Ф., д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону);
Крысенко Д.С., д-р ист. наук (Луганский государственный аграрный университет им. К. Е. Ворошилова);
Кузнецова Е.В., к-т полит. наук (ДонГУ);
Липинский В.В., д-р ист. наук (ДонГУ);
Минаев А.И., д-р ист. наук (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина);
Муза Д.Е. д-р философ. наук (ДонГУ);
Пенькова О.Б., к-т ист. наук (ДонГУ);
Цыганков П.А., д-р философ. наук (Московский государственный университет им М.В. Ломоносова, г. Москва);
Черкашин К.В., к-т полит. наук (ДонГУ);
Шендрикова С.П., д-р ист. наук (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского г. Симферополь);
Шепко Л.Г., д-р ист. наук (ДонГУ).

Индексация журнала

Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)
(Лицензионный договор № 230-11/2025 от 17 ноября 2025 г.)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 91883 от 03.07.2026

Адрес издателя: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации 125009, г. Москва, вн. тер. г. Муниципальный Округ Тверской, ул.Тверская, д. 11, стр. 1;
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Адрес редакции:
283001, г. Донецк,
ул. Университетская, 22,
исторический факультет

Тел. +7(856) 302-07-25
e-mail: v.razumnyiy@donnu.ru
razumnyi.vitalii@yandex.ru
URL: https://dongu-hipis.ru/

УДК: [94+32+327]:001.891
ББК: Т1я52+Т3(4РОС55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

Рекомендовано к печати Ученым советом
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
26.06.2026 (протокол № 13)

Ж92 **Журнал исторических, политологических и международных исследований: научный журнал. – № 2/2026 (97). – 177 с.**

В очередном выпуске научного журнала представлены статьи по истории, политологии и международным отношениям. Авторы посвятили свои работы актуальным проблемам современности. Важное место отведено изучению истории Донбасса и России как неотъемлемых частей единого русского культурно-цивилизационного пространства.

Лицензионный договор с библиографической базой данных
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
№ 230-11/2025 от 17 ноября 2025 г.

С 01.02.2025 г. научный журнал «Журнал исторических, политологических и международных исследований» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК РФ) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5.1. История и теория политики (политические науки)
5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)
5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
5.6.3. Археология (исторические науки)
5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК: [94+32+327]:001.891
ББК: Т1я52+Т3(4РОС55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2026
© Авторский коллектив выпуска, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Понурко А.Л., Данильченко А.Ю., Колесник А.В., Чуб А.А. Новые данные по среднему и позднему палеолиту местонахождения Рогожкино на Нижнем Дону....**6**
Карепин К.В. История изучения золотоордынских древностей Донбасса в 1870–1980-е гг.: от «курганной лихорадки» к формированию научного поля **17**
Шепко Л.Г. Историко-археологическая тематика в донецких изданиях на рубеже веков (1974–2014 гг.).....**37**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Разумный В.В., Кот Е.Р. Взаимоотношения России и Сиама в XIX–начале XX вв.: историографический анализ……...……..**57**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Азнабаев А.Р. Башкиро-мещерякское войско и кантонное устройство башкирских земель Оренбургской губернии в первой четверти XIX в.....**74**

Шабельников В.И. Экономические связи СССР с Германией и США как ведущими промышленно развитыми странами Запада во второй половине 20-х–30-е годы XX века.....**87**

Мишечкин Г.В. Подготовка 2-й гвардейской армии к Донбасской стратегической наступательной операции 1943 года……..……...….....…….**97**
Пенькова О.Б., Герасько В.А. Факторы реализации советской жилищной политики в годы реформ Н.С. Хрущёва (1953–1964 гг.)…..……...…**108**

Щевич К.С. Культурное возрождение Сталинской области после Великой Отечественной войны: театры и музыкальные школы в 1945–1950 гг.....**124**

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Шульга Д.П. Роль «западных жунов» в коммуникации центральной равнины Китая с горным Алтаем ….....……**133**

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Кузнецова Е.В., Загорская Е.М. Проблемы и противоречия во взаимоотношениях ШОС с ОДКБ, СНГ и АСЕАН **145**
Медовкина Л.Ю., Авилов И.И. Влияние средств массовой информации на формирование имиджа РФ и США как глобальных международных акторов..…….....**156**

ПОЛИТОЛОГИЯ

Внукова Л.Б. Патриотические взгляды студенческой молодежи Юга России...**169**

CONTENT

ARCHEOLOGY

Ponurko A.L., Danilchenko A.Yu., Kolesnik A.V., Chub A.A. New data on the Middle and Late Paleolithic of the Rogozhkino locality on the Lower Don……..……....**6**
Karepin K.V. The History of the Study of Golden Horde Antiquities in the Donbas, 1870–1980s: From "Kurgan Fever" to the Formation of a Scholarly Field ……....…**17**
Shepko L.G. The Themes of History and Archaeology in Donetsk Publications at the Turn of the Century (1974–2014)……...…**37**

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Razumnyi V.V., Kot E.R. Relations between Russia and Siam in the 19th and Early 20th Centuries: a historiographical analysis. ……..**57**

NATIONAL HISTORY

Aznabaev A.R. Bashkir-Meshcheryak troops and the cantonal structure of the Bashkir lands of the Orenburg province in the first quarter of the XIX century……....….**74**
Shabelnikov V.I. The economic relations of the USSR with Germany and the USA as the leading industrialized countries of the West in the second half of the 20s–30s of the XX th century ……....……..…….**87**
Mishechkin G.V. Preparation of the 2nd Guards Army for the 1943 Donbass Strategic Offensive operation…….……**97**
Penkova O.B., Gerasko V.A. Factors in the implementation of the Soviet housing policy during the reforms of N.S. Khrushchev (1953–1964)……...**108**
Schevich K.S. Cultural revival of the Stalin region after the Great Patriotic War: theaters and music schools in 1945-1950……..……..…**124**

THE WORLD HISTORY

Shulga D.P. Role of the «Western rong» in communication between the Central plain of China and the Altai mountains……...…….….**133**

INTERNATIONAL RELATIONS

Kuznetsova E.V., Zarorskaya E.M. Problems and contradictions in the SCO's relations with the CSTO, the CIS and ASEAN...…….……**145**
Medovkina L.Yu., Avilov I.I. The influence of mass media shaping the image of the Russian Federation and the United States as global international actors……...……..**156**

POLITOLOGY

Vnukova L.B. Patriotic views of the student youth of the South of Russia……..……...**169**

АРХЕОЛОГИЯ

УДК: 903.4″632.3/5″(282.247.36)
DOI: 10.5281/zenodo.22101789
EDN: RNLGCR

А.Л. Понурко
ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник имени А. А. Горбенко», г. Азов.
E-mail: aleksandra.ponurko@yandex.ru

А.Ю. Данильченко
ГБУК РО «Народный военно-исторический музей Великой Отечественной войны «Самбекские высоты»»
E-mail: adanil4enko@yandex.ru

А.В. Колесник
доктор исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: akolesnik2007@mail.ru

А.А. Чуб
стажер-исследователь Научно-исследовательской части
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: andrechyb2004@yandex.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО СРЕДНЕМУ И ПОЗДНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РОГОЖКИНО НА НИЖНЕМ ДОНУ

Аннотация

Немногочисленные местонахождения палеолитических каменных изделий в дельте Дона позволяют обсуждать особую тафономическую модель культурного слоя. Эта модель предполагает наличие останцев неоплейстоценовых континентальных отложений с культурными остатками среднего и позднего палеолита в пределах современной поймы реки. Судя по находкам ископаемой фауны и каменных орудий на северном берегу Таганрогского залива на уровне уреза воды в море и ниже, лессовидные породы с археологическими материалами могут залегать в дельте Дона непосредственно под голоценовыми отложениями. Перемещение древних культурных остатков вверх по профилю современной почвы в дельте Дона связано с особенностями почвообразования.

© Понурко А.Л., Данильченко А.Ю., Колесник А.В., Чуб А.А., 2026

Ключевые слова: *средний и поздний палеолит, Нижний Дон, нуклеусы, клиновидные ножи, скребла, объект археологического наследия.*

Summary

The few locations of Paleolithic stone products in the Don Delta allow us to discuss a special taphonomic model of the cultural layer. This model recognizes the presence of remnants of Pleistocene continental deposits with cultural remains of the Middle and Late Paleolithic within the modern floodplain of the river. Judging by the finds of fossil fauna and stone tools on the northern shore of Taganrog Bay at the water's edge level and below, loess-like rocks with archaeological materials may lie in the Don Delta directly under Holocene sediments. The movement of ancient cultural remains upward along the profile of modern soil in the Don Delta is associated with the peculiarities of soil formation.

Keywords: *Middle and Late Paleolithic, Lower Don, nuclei, wedge-shaped knives, scrapers, archaeological heritage object.*

В ходе многолетнего мониторинга объектов археологического наследия в дельте Дона и интенсивных строительных работ удалось выделить памятники открытого типа со специфическими культурными слоями. Эти слои содержат каменные изделия среднего и позднего палеолита во вторичном залегании, перемещенные и in situ остатки энеолита, следы эфемерных поселений бронзового века, античного времени и средневековья. Основным наполнителем культурных слоев является гумусированная супесь различной мощности, с включением галечного и мелкообломочного материала. Спецификой дельтовой части Дона следует признать также наличие многочисленных грунтовых могильников разного времени. Одним из поселенческих памятников с разновременными находками является местонахождение в окрестностях п. Рогожкино Азовского района, где на протяжении ряда лет осуществляются сборы археологического материала палеолита, энеолита и разрозненных находок более поздних периодов. Изучение этого объекта археологического наследия – составная часть истории изучения памятников археологии Нижнего Дона (рис. 1). Поисковые археологические работы непосредственно в окрестностях п. Рогожкино ведутся с 1950-х гг. [1]. В настоящее время в окрестностях поселка обнаружено 13 археологических местонахождений [3], часть из которых связана с котлованами «рыборазводных прудов» [15, с. 362]. В ходе многолетних исследований удалось установить факт залегания каменных изделий среднего палеолита в голоценовой почве дельты реки, фактически в ее пойме. Каменные изделия эпохи палеолита происходят из древних разрушенных всхолмлений, возможно, дюн. Материалы представлены поверхностными сборами на различных участках без четкой стратиграфической привязки. Сборы из местонахождения попали в различные археологические коллекции, частично опубликованы [1, рис. 1, *1, 4, 8*; 2, рис. 1; 5, рис. 5, *10-11*]. Основная часть

хранится в фондах Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника.

Цель настоящей публикации – введение в научный оборот ранее не опубликованных материалов местонахождения среднего и позднего палеолита Рогожкино как фактологической основы концепции освоения поймы палео-Дона палеолитическим населением, а также обсуждение особой региональной тафономической модели культурного слоя эпохи палеолита.

Рис. 1. Карта-схема локализации памятников палеолита в дельте Дона.
Fig. 1. Map-scheme of localization of Paleolithic monuments in the Don Delta.

Коллекция каменных изделий данного местонахождения включает продукцию разных эпох. Палеолитические изделия из пунктов Рогожкино I, III, IX частично опубликованы, как отмечено выше. Комплекс публикуемых каменных изделий разделен на отдельные культурно-хронологические группы по технико-типологическим критериям и степени сохранности. Изделия среднепалеолитического облика покрыты фарфоровидной патиной с желтым

налетом, окатанные, слегка забитые по краям. Изделия позднепалеолитического облика покрыты фарфоровидной и бело-голубой пятнистой патиной, практически не окатанные. Энеолитические кремни без патины, с острыми кромками, хорошей сохранности. В качестве сырья для изделий среднего и позднего палеолита использовался кремень, близкий к образцам кремня их геологических месторождений мелового кремня Южного Донбасса.

Набор еще не опубликованных изделий среднего палеолита невелик и включает конвергентное скребло на сколе (рис. 2, *4*), остроконечник из скола с меловой коркой (рис. 2, *7*), обломок остроконечника (рис. 2, *2*), массивное конвергентное скребло (рис. 3, *10*), небольшой тонкий бифас клиновидной формы (рис. 2, *5*), нуклевидное изделие (рис. 3, *11*), фрагмент листовидного острия с двусторонней обработкой (рис. 2, *3*), простое продольное скребло с корковым обушком (рис. 4, *2*). Нуклевидное изделие (рис. 3, *11*), скорее всего, является остаточным радиально-дисковидным ядрищем. Конвергентное скребло из сборов Н.К. Алексеева 1956 г. было опубликовано М.Д. Гвоздовер в качестве «орудия конца мустьерской эпохи» [2, рис. 1]. Культурная атрибуция находок затруднительна, но тонкий асимметричный (клиновидный) бифас (рис. 2, *5*) может иметь отношение к индустриям среднего палеолита с клиновидными ножами. Это орудие отличается симметричным профилем, изготовлено т.н. мягким отбойником, на одной из сторон сохранило участок меловой корки. Средний палеолит Донбасса, Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона не является однородным в культурном плане [16; 6; 10]. При этом индустрии с бифасами весьма выразительны [7; 13; 4] и, вероятно, составляют основу корпуса памятников среднего палеолита региона.

Позднепалеолитический комплекс более многочисленный. Он включает не менее 20 кремневых изделий и относится к одному из вариантов пластинчатого технокомплекса. Нуклевидные формы представлены изделиями типа каренэ на различной стадии сработанности – с массивными концами, обработанными удлиненными сколами (рис. 3 *5*; рис. 4, *5*). Пластины (рис. 3, *1, 3*) и пластинчатые сколы с частичной коркой (рис. 2, 3) или без нее (рис. 2, *11*; рис. 2, *6*). Часть пластин с ретушью по продольным краям (рис. 3, *2, 4, 7*). Концевые скребки представлены типичным (рис. 3, *8*) и атипичным (рис. 2, *12*) образцами, крупным экземпляром со сплошной обработкой по краям (рис. 4, *3*). Формальный срединный резец (рис. 4, *4*), скорее всего, является торцовым нуклеусом для микропластин. Коллекцию дополняют крупный вторичный скол без ретуши (рис. 3, *6*), три массивных атипичных острия с крутой ретушью по краям (рис. 2, *8-10*). Атипичные кареноидные изделия (рис. 3 *5*; рис. 4, *5*) и острия с крутой ретушью по краям (рис. 2, *8-10*) придают коллекции позднепалеолитических изделий некоторый «эпиориньякский оттенок». Как известно, поздний палеолит Северо-Восточного Приазовья и юго-восточного берега Таганрогского залива включает, как минимум, памятники двух культурных традиций пластинчатого технокомплекса – граветтоидную и эпиориньякскую. Граветтоидная традиция представлена классическими стоянками Каменная Балка II и III [12] и др., к

эпиориньякской традиции относится Каменная Балка I [17], Мураловка [14], Недвиговский клад [8], Рогожкино III [5] и др.

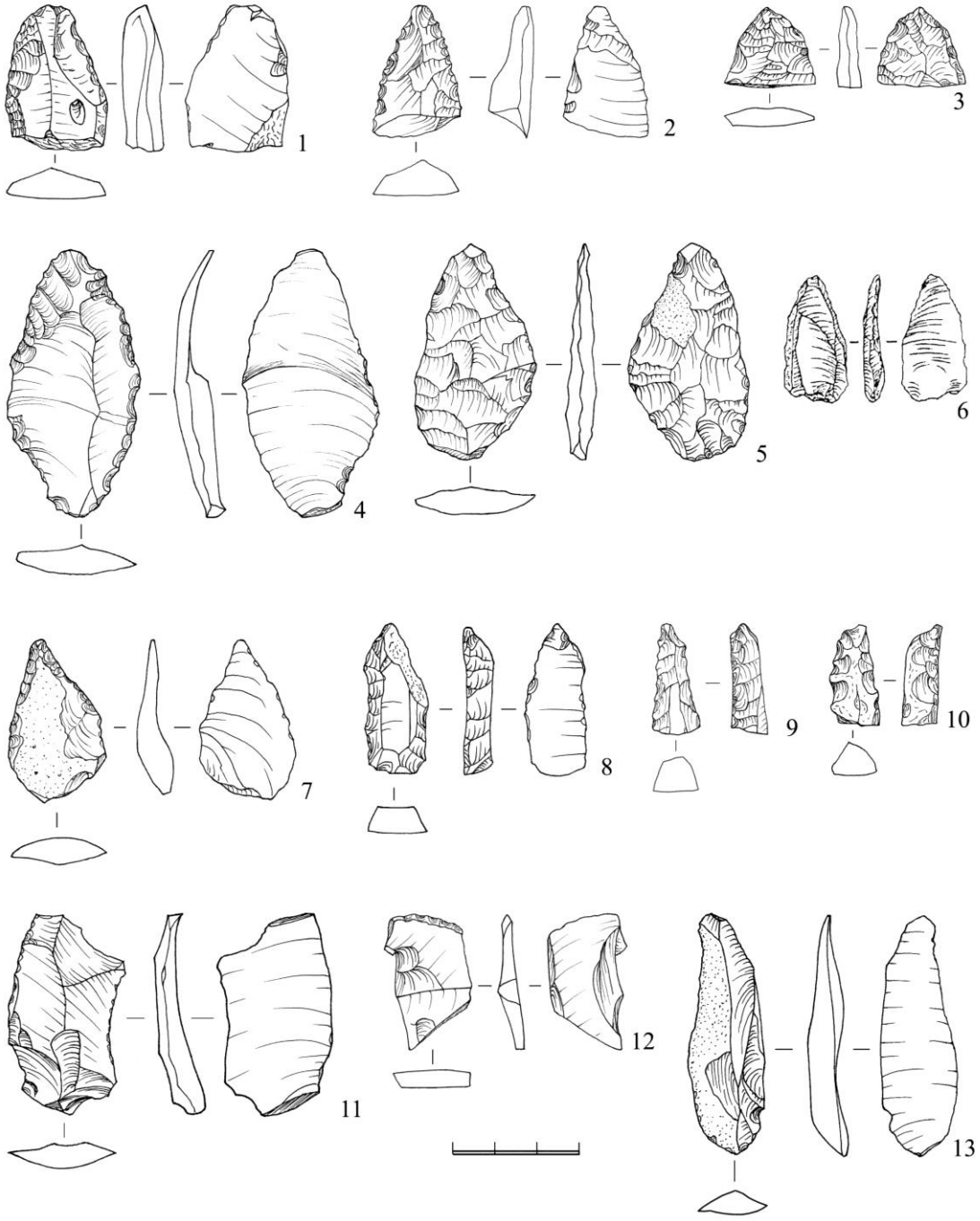

Рис. 2. Местонахождение Рогожкино. Кремневые изделия среднего (2-5, 7) и позднего (1, 6, 8-13) палеолита.

Fig. 2. Rogozhkino site. Flint production of Middle (2-5, 7) and Upper (1, 6, 8-13) Paleolithic.

Рис. 3. Местонахождение Рогожкино. Кремневые изделия среднего (10-11) и позднего (1-9) палеолита.

Fig. 3. Rogozhkino site. Flint production of Middle (10-11) and Upper (1-9) Paleolithic.

В настоящее время достаточно отчетливо вырисовывается группа местонахождений, которые отражают феномен залегания культурных остатков среднего и позднего палеолита на уровне поймы Дона. В список этих памятников входят находка остроконечника на Елизаветовском городище [17], комплекс палеолитических изделий из стоянок Батай [9], Пойменная [4], Рогожкино-1 [2]. В этой связи обратим внимание на находки позднехазарской фауны в субаквальных и субаэральных отложениях на уровне уреза моря на морском побережье, а также находки в зоне прибоя кремневых изделий среднего палеолита к западу от с. Весело-Вознесенка Неклиновского района Ростовской области [11]. Среди находок ископаемой фауны выделяются трубчатые кости

Рис. 4. Местонахождение Рогожкино. Кремневые изделия среднего (2) и позднего (1, 3-5) палеолита.

Fig. 4. Rogozhkino site. Flint production of Middle (2) and Upper (1, 3-5) Paleolithic.

бизона (определение В.В. Титова) со следами искусственной обработки. Находки фауны рубежа среднего и позднего неоплейстоцена в отложениях на уровне уреза моря и ниже в пределах Таганрогского залива связаны с размывом древних лессовидных пород и лиманно-озерных отложений, содержащих кости животных in situ, накопленные в среде их обитания, или с незначительным вторичным перемещением. По всей видимости, пойма Дона в районе дельты унаследовала древний рельеф, или врезана до уровня древнего рельефа, частично размытого основным руслом реки и рукавами и морской абразией. Археологические материалы не противоречат такой палеогеографической модели. Находки культурных остатков среднего палеолита могут быть связаны с заселением свободных от моря участков Таганрогского залива в периоды рисского и вюрмского стадиалов в связи с регрессивным падением уровня Азовского моря. Открытые в периоды максимального похолодания и падения уровня воды пространства морского дна были свободны для миграций стадных копытных и, следовательно, для охотников за ними. Ранее отмечалась

возможность нахождения палеолитических стоянок на дне современного морского бассейна [5]. Обсуждаемая особая тафономическая модель культурных слоев среднего и позднего палеолита Нижнего Дона позволяет прогнозировать подобные находки при археологическом мониторинге дельты и меняет понятие «материк»[1] при прокопке археологических шурфов в этой зоне.

Настоящие материалы служат еще одним подтверждением наличия останцев неоплейстоценовых пород в дельтовой части Дона, с сохранившимися культурными остатками среднего и позднего палеолита. Обсуждается тафономическая модель культурного слоя, объясняющая наличие палеолитических находок на низких участках современного рельефа. Кремневые изделия среднего палеолита сопоставимы с комплексами Донбасса, Северо-Восточного Приазовья, содержащими двусторонне обработанные формы. Позднепалеолитические находки близки к эпиориньякским комплексам, которые концентрируются вокруг Таганрогского залива. Находки кремневых изделий среднего палеолита на уровне низкой поймы Дона в его дельте, возможно, имеют значение палеогеографического прогноза поиска новых памятников палеолита. До сих пор находки такого рода отмечены вдоль восточного фаса дельты, по дуге от хут. Недвиговки Мясниковского района в п. Батай Азовского района Ростовской области. Насколько закономерна такая локализация, покажут дальнейшие исследования.

Работа выполнена в рамках ГЗ «Эволюция общества на землях Донбасса с древнейших времен до XVII века» (FRRE-2026-0023), а также ГЗ «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007).

Список источников и литературы:

1. Алексеев Н.К. Палеолитическое местонахождение в дельте Дона // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, вып. 37. – Москва: Наука, 1970. – С. 127-130.

2. Гвоздовер М.Д. Разведки палеолита на Нижнем Дону в 1957-1958 годах // Известия Ростовского областного музея краеведения, № 1 (3). – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1959. – С. 5-12.

3. Гуркин С.В, Гудименко И.В., Бойко А.Л. Археологические и исторические памятники в дельте реки Дон // Рубикон. Вып. 55. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 27-43.

4. Данильченко А.В., Колесник А.В., Очередной А.К., Зоров Ю.Н. Марьева Гора – памятник среднего палеолита в Северо-Восточном Приазовье // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – СПб; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2020. – № 1. – С. 201-224.

[1] В археологической лексике археологов-практиков «материком» признается уровень отложений, ниже которых археологические слои и культуросодержащие горизонты исключены.

5. Зоров Ю.Н., Колесник А.В., Очередной А.К. Следы палеолита на южном берегу Таганрогского залива и в дельте Дона // Поволжская археология. – 2018. – № 3 (25). – С. 208-220. – DOI: 10.24852/2018.3.25.208.220

6. Колесник А.В. Средний палеолит Донбасса // Археологический альманах. – Донецк, 2002. – № 12. – 294 с.

7. Колесник А.В. Памятники «Восточномикокского типа» Донбасса и Северо-Восточного Приазовья // Записки Института истории материальной культуры РАН. – 2018. – № 17. – С. 141-150. – DOI: 10.31600/2310-6557-2018-17-141-150

8. Колесник А.В., Медведев С.П. Клад кремневых изделий позднего палеолита из с. Недвиговка в бассейне Нижнего Дона // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. – 2016. – № 3. – С. 135-141.

9. Колесник А.В., Ревина Е.И., Очередной А.К., Данильченко А.Ю., Зоров Ю.Н. Новые находки палеолита на Нижнем Дону // Краткие сообщения Института археологии. – 2021. – № 264. – С. 50-59. – DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.264.50-59

10. Колесник А.В., Данильченко А.Ю. Изделия типа truncated-facetted Белокузьминовской группы памятников среднего палеолита Восточноевропейской равнины: взгляд из Центральной Азии // Жакен Таймагамбетов и проблемы палеолита Евразии. Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию академика НАН РК, доктора исторических наук, профессора Таймагамбетова Ж.К. (г. Астана, 14 декабря 2023 г.). – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2023. – С. 24-37.

11. Колесник А.В., Данильченко А.Ю., Зоров Ю.Н., Титов В.В., Гаврилов К.Н. Находки среднего палеолита на северном побережье Таганрогского залива // Cultural Heritage and Modern Technologies – 2024. – № 2. – С. 261-274. – DOI: 10.24412/2837-0759-2024-2261274

12. Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология равнинного палеолита. – М., 2006. – 342 с.

13. Очередной А.К., Воскресенская Е.В., Степанова К.Н., Вишняцкий Л.Б., Нехорошев П.Е., Ларионова А.В., Зарецкая Н.Е., Блохин Е.К., Колесник А.В. Комплексные геоархеологические исследования среднепалеолитических памятников Русской равнины // Записки Института истории материальной культуры РАН. – 2018. – № 17. – С. 74-83. – DOI: 10.31600/2310-6557-2018-17-74-83.

14. Праслов Н.Д. Некоторые специфические формы каменных орудий Мураловской палеолитической стоянки // Краткие сообщения Института археологии, вып. 131. – 1972. – С. 75-82.

15. Толочко И.В. К истории картографирования античных памятников дельты Дона // Археологические записки. Вып. 7. – Ростов-на-Дону, 2011. – С. 354-362.

16. Цвейбель Д.С., Колесник А.В. Техника первичного расщепления мустьерской стоянки Белокузьминовка в Донбассе // Советская археология. – 1987. – № 1. – С. 5-20.

17. Шилов В.П. К изучению палеолита Нижнего Подонья // КСИА, вып. 64. – Москва: Наука, 1956. – С. 62-82.

REFERENCES

1. Alekseev, N.K. (1970) [Palaeolithic site in the Don delta]. *Bulletin of the Commission for the Study of the Quaternary Period*. 37, 127-130. (In Russian).

2. Gvozdover, M.D. (1959) [Palaeolithic exploration on the Lower Don in 1957-1958]. *Proceedings of the Rostov Regional Museum of Local Lore*. 1 (3), 5-12. (In Russian).

3. Gurkin, S.V., Gudimenko, I.V. & Boyko, A.L. (2010) [Archaeological and historical sites in the Don River delta]. *Rubicon*. Vol. 55, 27-43. (In Russian).

4. Danilchenko, A.V., Kolesnik, A.V., Ocherednoy, A.K. & Zorov, Yu.N. (2020) [Mareva Gora – a Middle Palaeolithic site in the North-Eastern Azov region]. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 1, 201-224. (In Russian)

5. Zorov, Yu.N., Kolesnik, A.V. & Ocherednoy, A.K. (2018) [Paleolithic traces on the southern coast of the Taganrog Bay and in the Don Delta]. *Povolzhskaya Arkheologiya*. 3 (25), 208-220, doi: 10.24852/2018.3.25.208.220. (In Russian).

6. Kolesnik, A.V. (2002) [The Middle Palaeolithic of Donbas]. *Archaeological Almanac*. №12. Donetsk. 294 p. (In Russian).

7. Kolesnik, A.V. (2018) [Sites of the «Eastern Micoquian type» in Donbas and the North-Eastern Azov region]. *Transactions of the Institute of the History of Material Culture RAS*. 17, 141-150, doi: 10.31600/2310-6557-2018-17-141-150. (In Russian).

8. Kolesnik, A.V. & Medvedev, S.P. (2016) [A hoard of Late Palaeolithic flint artefacts from Nedvigovka village in the Lower Don basin]. *Bulletin of Moscow University. Series 23. Anthropology*. 3, 135-141. (In Russian).

9. Kolesnik, A.V., Revina, E.I., Ocherednoy, A.K., Danilchenko, A.Yu. & Zorov, Yu.N. (2021) [New Palaeolithic finds on the Lower Don]. *Brief reports from the Institute of Archaeology*. 264, 50-59, doi: 10.25681/IARAS.0130-2620.264.50-59. (In Russian).

10. Kolesnik, A.V. & Danilchenko, A.Yu. (2023) [Truncated-facetted tool types of the Belokuzminovka group of Middle Palaeolithic sites on the East European Plain: a view from Central Asia]. In: *Zhaken Taymagambetov and problems of the Eurasian Palaeolithic: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th anniversary of Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences, Professor Zh.K. Taymagambetov (Astana, December 14, 2023)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology. pp. 24-37. (In Russian).

11. Kolesnik, A.V., Danilchenko, A.Yu., Zorov, Yu.N., Titov, V.V. & Gavrilov, K.N. (2024) [Middle Palaeolithic finds on the northern coast of Taganrog

Bay]. *Cultural Heritage and Modern Technologies*. 2, 261-274, doi: 10.24412/2837-0759-2024-2261274. (In Russian).

12. Leonova, N.B., Nesmeyanov, S.A., Vinogradova, E.A., Voyekova, O.A., Gvozdover, M.D., Minkov, E.V., Spiridonova, E.A. & Sycheva, S.A. (2006) [Palaeoecology of the Lowland Palaeolithic]. Moscow. 342 p. (In Russian).

13. Ocherednoy, A.K., Voskresenskaya, E.V., Stepanova, K.N., Vishnyatsky, L.B., Nekhoroshev, P.E., Larionova, A.V., Zaretskaya, N.E., Blokhin, E.K. & Kolesnik, A.V. (2018) [Comprehensive Geoarchaeological Research of Middle Paleolithic Sites in the Russian Plain]. *Transactions of the Institute of the History of Material Culture RAS*. 17, 74-83, doi: 10.31600/2310-6557-2018-17-74-83. (In Russian).

14. Praslov, N.D. (1972) [Some specific forms of stone tools from the Muralovka Palaeolithic site]. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 131, 75-82. (In Russian).

15. Tolochko, I.V. (2011) [On the history of mapping ancient sites in the Don delta]. In: *Archaeological Notes*. Issue 7. Rostov-on-Don. pp. 354-362. (In Russian).

16. Tsveibel, D.S. & Kolesnik, A.V. (1987) [Technique of primary splitting at the Mousterian site of Belokuzminovka in the Donbass]. *Soviet Archaeology*. 1, 5-20. (In Russian).

17. Shilov, V.P. (1956) [To the Study of the Paleolithic of the Lower Don region]. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 64, 62-82. (In Russian).

Данные авторов статьи

Понурко Александра Леонидовна научный сотрудник ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник имени А. А. Горбенко», г. Азов	**Ponurko Aleksandra Leonidovna** Researcher at the SBI of Culture of the Rostov Region “Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum-Reserve named after A. A. Gorbenko”, Azov
Данильченко Алексей Юрьевич директор ГБУК РО «Народный военно-исторический музей Великой Отечественной войны «Самбекские высоты»	**Danilchenko Alexey Yurievich** Director of the SBI of Culture of the Rostov Region “People’s Military-Historical Museum of the Great Patriotic War ‘Sambek Heights’”
Колесник Александр Викторович Доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»	**Kolesnik Alexander Viktorovich** Doctor of historical sciences FSBEI HE «Donetsk State University»
Чуб Андрей Андреевич ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»	**Chub Andrey Andreevich** FSBEI HE «Donetsk State University»

УДК: 94:902"1870/1989"(477.6)
DOI: 10.5281/zenodo.22101916
EDN: SKXDFO

К.В. Карепин
ФГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия»
E-mail: karepin.kostya@mail.ru

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ДОНБАССА В 1870–1980-Е ГГ.: ОТ «КУРГАННОЙ ЛИХОРАДКИ» К ФОРМИРОВАНИЮ НАУЧНОГО ПОЛЯ

Аннотация

В статье представлен историографический очерк изучения золотоордынских древностей на территории Донбасса в 1870-1980-е гг. Автор прослеживает эволюцию археологического исследования региона от «курганной лихорадки» второй половины XIX в. с преобладанием случайных находок и кладоискательства через краеведческие работы начала XX в. и советское краеведение 1920-1950-х гг. к массовым новостроечным раскопкам в 1970-1980-е гг. К концу периода сформировалось научное поле, но осмысление материала осталось задачей постсоветского этапа.

Ключевые слова: *история археологии, курганы, позднесредневековые древности, Золотая Орда, Донбасс*

Summary

The article presents a historiographical overview of the study of Golden Horde antiquities in the Donbass region from the 1870s to the 1980s. The author traces the evolution of archaeological research in the region from the "kurgan fever" of the second half of the 19th century, dominated by accidental discoveries and treasure hunting, through local studies of the early 20th century and Soviet-era regional research in the 1920s-1950s, to large-scale rescue excavations in the 1970s-1980s. By the end of the period, a scientific field had been established, yet the meaningful interpretation of the accumulated material remained a task for the post-Soviet stage.

Keywords: *history of archaeology, kurgans, late medieval antiquities, Golden Horde, Donbass*

Изучение историко-культурных процессов, происходивших на просторах Донбасса в XIII-XIV вв., в период, когда данная территория являлась частью золотоордынского государства, возможно как при тщательном изучении комплекса письменных источников, так и путём исторических реконструкций на основе анализа археологического источника. Теоретическим посылом такого подхода являются взгляды Л.С. Клейна, согласно которому допускается

© Карепин К.В., 2026

конвертация археологических знаний в исторические [1, с. 51]. При этом именно археологический источник является преобладающей группой как для истории золотоордынского периода, так и для всей эпохи позднего средневековья, что определяет историографию по данной теме не только как историю смены основных научных парадигм, но и как историю археологического исследования региона, в особенности – средневековых памятников.

На сегодняшний день количество накопленных данных достигло того уровня, что возникла устойчивая необходимость с одной стороны проследить непосредственно процесс накопления археологического материала как доминирующего типа источника, а с другой – выявить основные теоретико-методологические подходы к трактовке этих самых материалов при реконструкции историко-культурных процессов, происходивших в период, когда территория Донбасса входила в состав Золотой Орды.

Парадоксален и тот факт, что несмотря на почти полуторавековую историю изучения золотоордынской эпохи, основополагающие концепции формируются лишь в последние десятилетия и, тем самым, процесс осмысления значительно «отстаёт» от процесса накопления данных. Учитывая это, в настоящей работе мы осветим лишь историю археологического изучения золотоордынских древностей на территории Донбасса в дореволюционный и советский периоды. Рассмотрение же основных концептуальных подходов к объяснению историко-культурных процессов XIII–XIV вв. на указанных землях требует отдельного исследования. Следует оговориться, что в данной работе мы, следуя опыту коллег [2], будем придерживаться традиционного понимания историографического факта как взглядов ученого, изложенных в одном или нескольких сочинениях [3].

История изучения археологических памятников Донбасса насчитывает более чем 150 лет. Начало научного изучения курганов на территории Донбасса исследователи датируют 1864 г. – временем приезда И.Е. Забелина для проведения разведывательных работ [4, с. 10]. После этого начинается эпопея курганной археологии Причерноморья, что и приводит к постепенному становлению археологической науки в Донбассе, одновременно с тем на долгое время формируя ее особый, «курганный», характер. Для нас же это важно прежде всего тем, что, исследуя подкурганные захоронения, археологи так или иначе встречались с погребениями кочевников доордынской и ордынской эпох. В дальнейшем история изучения памятников золотоордынской эпохи Донбасса будет следовать за периодизацией, предложенной В.Н. Никольским и А.В. Колесником [5], однако при этом она не повторяет ее, что связано как с объективными обстоятельствами, так и с определёнными подходами, напрямую связанными с идеологическими установками, о которых будет сказано ниже.

Итак, начало изучения золотоордынских памятников Донбасса было положено во второй половине XIX в. При этом изучение курганов в Причерноморье шло своеобразным образом. Зачастую раскопки курганов носили цель обнаружить античные и скифские древности. Если курган не содержал подобных погребений или были обнаружены следы ограбления –

работы останавливались. Нередко этим грешил Н.И. Веселовский, известный раскопками кургана Огуз. В его записях часто можно встретить фразу: «Встречены окрашенные костяки, поэтому раскопки пришлось свернуть» [6, с. 467]. А потому можно только догадываться, какое количество средневековых захоронений, которые чаще всего были впущены в курганы более ранних эпох, оказались попросту пропущены или не зафиксированы.

Первый отчет, в котором было отмечено средневековое погребение, был составлен Е.Х. Штидом – инженером управления Константиновской железной дороги. В 70-е годы XIX в. при раскопках кургана южнее станции Юзово (ныне Куйбышевский район г. Донецка) было зафиксировано захоронение средневекового времени в деревянном гробовище, с железными копьями, стременем и костями животных [4, с. 13].

В 1880-е годы почти синхронно в разных местах на территории нынешней Донецкой Народной Республики активизировались раскопки курганов. В августе 1888 г. неподалеку от с. Пески Э.Ю. Петри были частично раскопаны 6 курганов из группы Рясных Могил [7]. Для настоящего исследования особо важны погребение 2 из кургана 3 (C) и погребение 1 из кургана 4 (D), которые относятся к позднекочевническому времени. В более поздний период материалы раскопок Петри были неоднократно проанализированы [8, с. 139; 9, с. 163]. Г.А. Фёдоров-Давыдов, на основе анализа материального комплекса сделал вывод о том, что погребения из Рясных Могил относятся к золотоордынскому времени, а А.Н. Усачук и А.В. Колесник, учитывая, что в погребениях находились бронзовые котлы, уточняют датировку погребений первой половиной XIII века [4, с. 15]. Однако сам Э.Ю. Петри к подобным выводам не пришел, ограничившись определением раскопанных погребений средневековым временем.

Одновременно с Петри, в 1888 г. в Донбассе исследования курганов проводил заведующий Артиллерийским Историческим музеем Санкт-Петербурга генерал-лейтенант Н.Е. Бранденбург. Его целью были поиски мест исторических сражений, в частности – он искал и изучал следы сражений на реках Каяле и Калке [6, с. 369]. В рамках этих поисков им были раскопаны три кургана под Мариуполем в 1888 г., а в 1889 г. раскопки были продолжены в Северо-Восточном Приазовье, на территории нынешних Запорожской области и Донецкой Народной Республики. Причем его раскопки велись тщательным образом, что позволяло исследователю «брать» все погребения, которые находились с насыпи [4, с. 16]. Тем не менее, самое известное позднекочевническое погребение, которое раскопал Н.Е. Бранденбург и материалы которого сейчас находятся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, было найдено совершенно в другом месте – возле с. Бурты в бывшем Каневском уезде Киевской губернии.

Однако в конце XIX в. раскопки курганов велись не только научными учреждениями. «Курганная лихорадка» охватила широкие слои населения, что и не удивительно на фоне повального увлечения античными древностями. Помещики фактически проводили кладоискательские раскопки курганов на

собственных землях, поручая эти работы крестьянам. Крестьяне и сами зачастую раскапывали курганы с целью наживы на древностях. Конечно же, подобные раскопки не фиксировались и стоит лишь догадываться, сколько погребений XIII–XIV вв. было потревожено и разрушено в этот период.

И все же сведения о некоторых раскопках подобного рода дошли до нашего времени. Так, в 1881 г. недалеко от п. Гусельщиково у станицы Новониколаевской (современный г. Новоазовск) Войска Донского местный крестьянин Зозуля, добывая камень из кургана, обнаружил мраморную плиту с посвятительной надписью на арабском языке над погребением монгольского воина. В 1887 г. окружной начальник Миусского округа составил отчет казачьему атаману в г. Новочеркасск, в котором говорилось: «Посылаю при сем одну мраморную доску с неизвестными на ней письменами, найденную землевладельцем Константином Александровичем Фроловым при пос. Гусельщиковом, Павловской волости, Миусского округа, в пяти верстах от Азовского моря» [10, л. 26], а в 1890 г. эта же плита была доставлена в Донской музей. Арабский текст был переведён И.В. Волковым и гласил следующее: «Погребение покойного единственного нойона Али Бека Тимура сына Али Булата Тимура. Месяца шабана года первого и восемьдесят и семьсот» [11, с. 490].

Для осмотра местности, директор музея Х.И. Попов направил в п. Гусельщиково сотрудника Донского музея А.А. Миллера, который в октябре 1902 г. раскопал курган, где и была обнаружена плита и где тот в последствии нашел безынвентарное погребение с истлевшими костями. Также Миллером был раскопан еще один курган из группы, находившейся по соседству с курганом с плитой, где было обнаружено захоронение с конем, а также инвентарь, включавший в себя почти истлевший меч, остатки ремней и яшмовые бусы. Хотя остальные курганы раскопаны не были, тем не менее, Миллер в своём отчёте выдвинул предположение о том, что все они находились в этнической и хронологической связи [10, л. 28].

На основе перевода текста плиты И.В. Волков выдвинул предположение, что в кургане у Гусельщикова был погребен эмир Алибек, один из правителей Крыма, известный по письменным документам [11]. Если это предположение верно, то случайная находка привела к обнаружению могилы одного из наиболее высокопоставленных представителей золотоордынской аристократии.

Тем не менее, порой археологи-любители ответственно подходили к сбору и изучению древностей и их заслуги признавались официальной наукой. Здесь показателен пример Василия Феоктистовича Спесивцева, священника Архангело-Михайловской церкви Харьковской духовной консистории села Райгородок Изюмского уезда Екатеринославской губернии. В результате своих регулярных осмотров территории села Райгородок и прилежащих местностей, он смог собрать значительную коллекцию древностей разных периодов [12, с. 9-10]. Прихожане церкви, узнав об интересах священника также приносили ему находки с полей или сообщали известия, которые потом отец Василий лично

проверял. В последствии Василий Спесивцев стал членом Харьковского Историко-филологического общества.

Первый отчет отца Василия в обществе датируется 1894 г. В нем он указывает случайные находки из трёх мест, среди которых нам более всего интересно третье. Исследователь пишет, что за 2 года на городище в окрестностях урочища Желтая Могила, на юго-восток от Райгородка, он собрал «до восьмидесяти татарских золотоордынских монет, пуговки, бляшки и особенно оригинальный наконечник бронзовой булавы с восьмигранником. Медные монеты, как и раньше, больше бывают с изображениями птиц, зверей, веток растений, а иногда с надписями; обратная их сторона всегда украшена одним решетчатым узором; серебряные же только и встречаются с одними надписями и ободками на обеих сторонах» [13, с. 9]. Обнаруженные монеты были переданы монет секретарю Московского Археологического общества В.К. Трутовскому, который подтвердил предположение Спесивцева и датировал их XIV в. [13, с. 10]. Затем к Спесивцеву присоединился профессор Харьковского университета И.А. Федоровский [14, с. 72]. Совместно ими были продолжены исследования Райгородского городища – одного из крупнейших поселенческих памятников золотоордынского времени на территории Донбасса, который на сегодняшний день, к сожалению, утрачен.

В начале XX в. В.Ф. Спесивцев оказывал помощь и тесно сотрудничал с В.А. Городцовым, который прибыл на Донбасс с целью проведения работ врамках готовившихся XII (1902 г., Харьков) и XIII (1905 г., Екатеринослав) Археологических съездов. На работе этих съездов стоит остановиться подробнее.

Проведение Археологического съезда – одно из главных событий в археологической науке Российской империи. Проводя очередной съезд в новом месте, осуществлялась большая подготовительная работа, включавшая в себя проведение масштабных археологических разведок и раскопок, составление археологических карт губерний, формировался штат профессиональных ученых [15]. Работа съезда была организована по отделениям, посвященным определенной тематике, сами же темы каждого из отделений зачастую были тесно связаны с историей той местности, изучению которой был посвящён съезд. Однако часть вопросов могла быть выделена отдельно и не относиться к какому-либо отделению. Если говорить о проблематике позднесредневековых древностей, то вопросы, относящиеся к ней, в повестке дня Предварительных комитетов XII и XIII съездов встречаются разрозненно. Тем не менее, чётко выделяется три основных направления:

1. описание каменных баб, определение их этнической принадлежности [16, с. 24, 29; 18, с. 24], а также их типология [17, с. 31];
2. установление «этнической принадлежности» курганов южнорусских степей [16, с. 30];
3. поиск, по инициативе директора Артиллерийского музея в Санкт-Петербурге Н. Бранденбурга мест сражений на реках Каяла и Калка [16, с. 31].

Сразу отметим, что для поиска мест сражений Е.П. Трефильевым была организована археологическая экскурсия по рекам Кальмиус и Кальчик, в ходе которой проводились раскопки нескольких курганов, в которых были обнаружены погребения бронзового века и позднего средневековья [18, с. 367]. Там не менее, сами места сражений так и не были найдены.

Начало изучения каменных баб было положено на харьковском съезде. Именно там была предложена их атрибуция как половецких [19, с. 395], но точка в этом вопросе поставлена не была, и полемика продолжилась уже на XIII съезде [20, с. 96]. Фактически именно тогда было убедительно доказано, что каменные изваяния были оставлены половцами. Хотя на страницах научной печати споры о том, какому же народу принадлежали каменные бабы южнорусских степей, продолжились и позднее [21].

В определении же «этнической принадлежности» курганов проявились две характерные черты не только этого, но и последующих этапов изучения кочевников позднего средневековья. Во-первых, во многих докладах «половецкая» и «татарская» эпохи оказываются либо единым целым, либо синонимичны друг другу. Так, В.А. Харламов определяет найденные могилы как половецко-татарские [22, с. 582], а В.А. Городцов, описывая подкурганные погребения головой на восток, с одной стороны относит их к XII в., а с другой – указывает на то, что они были оставлены «монгольской национальностью» [23, с. 273], что фактически невозможно. Во-вторых, в докладах прослеживается нарратив, связанный с тем, что кочевники рассматриваются с точки зрения противников Руси, что автоматически представляет их в негативном ракурсе.

В целом же, единый подход к трактованию позднесредневековых древностей в дореволюционное время выработан не был, но археологические съезды подвели своеобразную черту под исследованием средневековых курганов Донбасса, определив контуры археологической проблематики в области истории средневековых кочевых народов Северного Причерноморья.

Последующее изучение золотоордынских древностей продолжилось в советское время и большую роль в этом сыграли усилия местных краеведов и масштабная полевые археологические исследования, организованные краеведческими музеями. Наиболее активно в этот период исследуется район Подонцовья, где уже в 1924 г. местным краеведом А.И. Абрамовым было обнаружено Царино городище у с. Маяки, крупнейшее на сегодняшний день городище золотоордынского времени в Донбассе. Собранный на памятнике материал А.И. Абрамов отправил в Ленинград в Институт истории материальной культуры [24, с. 33]. Вероятно, что к тому времени уже было известно и о других городищах синхронных Цариному, в частности, о Теплинском у с. Богородичное. В 1928 г. к Абрамову присоединился Н.В. Сибилёв, вместе с которым произошли повторные осмотры городищ и вероятные небольшие раскопки на территории Царина Городища [25, с. 11].

Несмотря на то, что Н.В. Сибилёв больше всего известен как первооткрыватель огромного числа стоянок каменного века, именно ему принадлежит честь введения в науку информации о городищах Царином,

Теплинском и Сидоровском (салтово-маяцкого времени). Однако ограниченность исследований и обнаружение только салтово-маяцкой керамики привело учёного к ошибочному сопоставлению упомянутых памятников с летописными городами Балином, Сугровом и Шаруканью [26, с. 11; 27]. Н.В. Сибилёву также принадлежит публикация плиты, которая была обнаружена на вершине горы Кременец в Изюме. В дневнике он описывал ее следующим образом: «Плита из светло-серого песчаника хорошо заглажена, края округлые. Размер приблизительно 35-40 × 14-15 см при толщине 4-5 см…На ней вырезана фигура человека, а ниже надпись на арабском языке. Надпись гласит: “Велел сделать это Ала ад-Дин сын Джамал ад-Дина сына Али Тарази в день шавалля из месяцев 734 г. х.”». [28, с. 10, табл. XL]. Иными словами, плита относится к 1334 г. – времени, когда территория Изюмщины находилась под контролем золотоордынских ханов.

В 1936 г. исследования Подонцовья проводила экспедиция Сталинского краеведческого музея под руководством Г.Г. Афендика. Согласно сохранившимся страницам отчёта, а также фотографиям и чертежам, осенью 1936 г. он провёл планомерные раскопки на территории Царина городища, заложив несколько раскопов, именуемых им траншеями. Четыре из них были разбиты на территории селища 2, существовавшего на протяжении X-XIV вв., ещё как минимум одна на территории селища 3, где материалы золотоордынского времени отсутствуют [29, с. 19; 30]. Примечательно, что селище 1, которое представляет собой крупнейшую часть памятника и, вместе с тем, насыщено материалами, которые датируются золотоордынским временем, не попало в зону интересов ни Сибилева, ни Афендика. Но и те материалы, которые были получены в ходе экспедиций 1928 и 1936 гг. не были опубликованы, а объем проведённых работ по отношению к общей площади памятника, был весьма мал и вряд ли позволил бы сделать какие-либо конкретные выводы.

Последним эпизодом обследования Царина городища перед началом Великой Отечественной войны стала выездная экскурсия на памятник Г.Г. Афендика, проведенная для учеников Дома пионеров города Сталино, в ходе которой в размыве оврага была обнаружена «меловая скульптура человеческой головы, каменный молоток и различные черепки» [31, с. 2-3].

Обобщающих работ по Золотой орде в этот период было мало, тем не менее именно в довоенный период было опубликовано исследование советского академика-востоковеда Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» [32], в которой впервые был сделан анализ особого общественного строя, сформировавшегося в Монгольской империи и представлявшего собой кочевой феодализм – адаптированную форму феодализма, где эксплуатация основана на контроле над мобильными ресурсами: стадами скота, пастбищами и зависимыми аратами. Автор проанализировал большое количество монгольских первоисточников, причём не только с исторической, но и с лингвистической стороны, а полевые исследования, которые он проводил в Монголии, позволили углубить понимание того, как

работали механизмы, описываемые им в своей монографии. Все это позволило монографии стать основой большинства последующих исследований кочевых сообществ, в том числе и населявших степи Днепро-Донского междуречья.

Дальнейшее изучение памятников поздних кочевников на территории Донбасса было прервано войной и следующий этап берет свое начало в 50-х годах XX века. Фактически, можно начинать отсчёт от выхода второго издания монографии Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение» в 1950 г. [33]. Переработанное, расширенное и дополненное исследование было посвящено истории Золотой Орды, ее социально-экономическому устройству и взаимодействию с древнерусскими княжествами. В то же время, книга в полной мере отображала марксистский уклон в советской историографии, трактуя Орду прежде всего как феодальное государство с классовой эксплуатацией. Эта основная мысль сформирована уже в предисловии: «Характерно, что и культура Золотой Орды, материальная и духовная, создавалась не собственными татарскими силами, а руками, знаниями и талантом покорённых народов. Такое государство, как Золотая Орда, не могло иначе существовать, как только путём насилия, путём ограбления покоренных народов» [33, с. 8]. Этот негативный нарратив был унаследован советской историографией от её дореволюционной предшественницы, а рассмотрение золотоордынского государства через призму его взаимоотношений с Русью являлось сдерживающим фактором на протяжении последующих десятилетий. Однако так или иначе, проделанная работа позволила археологам получить исторический контекст и теперь перед исследователями стояла задача взаимной корреляции исторических фактов и археологических материалов.

Случайные археологические находки встречались повсеместно. Так, в 1950-х гг. во время строительства насосной станции у села Маяки был обнаружен клад вещей, состоявший из 8 железных предметов [34, с. 7-8]. В то же время осмотр Райгородка проводился В.М. Евсеевым, в результате чего был найден топор, не имеющий аналогов в Степи [35, с. 56]. Однако непосредственно археологическое исследование края было продолжено в 1956 г., когда средневековые памятники Донбасса оказались в зоне интересов московской исследовательницы С.А. Плетнёвой. Ею было осмотрено Маяцкое городище, которое охарактеризовано как «городище с земляными валами» [36, с. 22]. Но также исследовательница провела осмотр поселений в Приазовье, где ею впервые было дано описание поселения у с. Обрыв (Обрыв-2) Новоазовского района, и ошибочно дана его характеристика как кочевья (№ 246) без следов культурного слоя [36, с. 16].

После С.А. Плетнёвой район Подонцовья начал активно осматриваться археологами из других районов. В 1960 г. разведки здесь проводил харьковский археолог Б.А. Шрамко, который осмотрел городища у с. Маяки, Сидорово и в Теплинском лесу. Будучи специалистом скифологом, Шрамко не смог обнаружить признаки наличия фортификационных укреплений на осмотренных памятниках, что привело к тому, что в своем отчете он отнес объекты у сел Маяки и Сидорово к числу неукрепленных поселений. Например, о Сидоровском

городище он писал следующее: «Сидоровское поселение. Большое и Малое городище – местные топонимы! Остатков укреплений нет. Местность для городища совсем не подходящая» [25, с. 13].

Тем не менее, 1960-е годы становятся своеобразным переломом в изучении золотоордынской эпохи как на территории Донбасса, так и в масштабах всей советской археологии. В это время на территории Подонцовья начинает свою работу средневековая археологическая экспедиция Харьковского государственного университета под руководством В.К. Михеева. Её целью становится изучение городищ Донецкой группы, хотя основные усилия были сконцентрированы на раскопках археологического комплекса у села Маяки, где в 1963-1966 и в 1968 гг. проводились масштабные работы. За пять лет исследований экспедиция вскрыла площадь более чем 4000 м^2, собрана значительная коллекция вещественного материала, которая насчитывала только 12 000 фрагментов керамики, выявлено 31 захоронение в некрополе и 8 вне его [37, с 25-26]. При этом, парадоксально то, что материалов непосредственно золотоордынского времени Михеевым почти не было встречено. На протяжении первых 4 лет работ, изучалась территория селища 2, которая не была затронута хозяйственными работами и, которая вместе с тем, является единственным участком археологического комплекса, который не был заселён в золотоордынское время. В 1968 г. работы были расширены на всю территорию памятника, за исключением селища 3, где в 1990-е гг. будет обнаружено поселение с древнерусской керамикой, относящееся непосредственно к XIII–XIV вв. [29, с. 27] Все это и объясняет выводы Михеева о салтово-маяцкой принадлежности городища.

Стоит отметить, что в ходе работ Михеевым также же был обнаружен некрополь на территории селища 2, который вошёл в литературу под номером 4. При этом его датировка золотоордынским временем была уточнена значительно позже, уже в 2000-х годах [38; 39]. А пока по результатам работы средневековой археологической экспедиции ХГУ Маяцкий археологический комплекс однозначно датировался ранним средневековьем.

Параллельно с изучением донецких городищ сохраняла своё положение традиционная для территории Донбасса курганная археология. Раскопки курганов активно проводились как в довоенное время, так и после. В приводимом А.Н. Усачуком перечне за период с 1925 по 1941 гг. учтено порядка 80 курганов, исследованных в разных частях Сталинской области. Для периода с 1951 по 1970 гг. тот же показатель сопоставим и равняется 79 курганным насыпям [40]. Однако в ходе этих раскопок были вскрыты погребения всех эпох, начиная от захоронений представителей ямной культурно-исторической общности и вплоть до кочевников эпохи позднего средневековья. Кроме того, крайне малое количество полученных материалов вышли за пределы археологических отчётов, что также не способствовало обращению внимания исследователей на золотоордынскую проблематику.

Период конца 1960-х – начала 1970-х гг. ознаменовался также выходом трех крупных исследований московского археолога Г.А. Фёдорова-Давыдова –

«Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» [9], «Кочевая орда в Улусе Джучи» [41] и «Общественный строй Золотой Орды» [42]. Наиболее значительной была первая из них. Монография обобщила материалы более чем тысячи погребений поздних кочевников со всей территории Европейской части СССР. На основе этого корпуса источников, автор создал классификацию почти всех значимых типов предметов, обнаруживаемых в погребениях кочевников, на основе их синхронной встречаемости были определены хронологические рамки бытования каждого из типов, а для некоторых из них были выстроены в том числе и эволюционные ряды (в частности, для стремян). Помимо этого, все проанализированные погребения, по совокупности признаков были соотнесены с 4 крупнейшими инвазиями в восточноевропейскую степь – печенежской, торческой, половецкой и монгольской.

Труд Г.А. Фёдорова-Давыдова стал значительным шагом вперёд, поскольку были обобщены данные, накопленные почти за столетний период изучения средневековых древностей номадов Восточной Европы. Несомненно, что далеко не все вопросы были разрешены. Другие, такие как, например, уточнение миграций отдельных кочевых сообществ в условиях постоянно меняющейся в степи исторической действительности, были лишь намечены. Однако самым важным следствием работы учёного стало появление инструментария, позволявшего стратифицировать комплексы по хронологическому принципу и тем самым выделять отдельные периоды. Это, в свою очередь привело, к окончательному осмыслению золотоордынского времени, как отдельного периода.

В конце 1960-х гг. начинается резкое увеличение масштабов археологического изучения края. Причиной тому является создание донецкого областного отделения Украинской организации охраны памятников истории и культуры (УООПИК) в декабре 1966 г. [43]. Благодаря ее деятельности к проблемам охраны памятников археологии были привлечены широкие массы интересующихся, создавались археологические кружки при школах, которые аккумулировали учащуюся молодёжь. Так, в 1968 г. под руководством студента Харьковского университета С.И. Татаринова была создана археологическая секция на базе археологического кружка СШ №11 в Артемовском районе. В том же году при посредничестве руководителя артёмовского отделения общества В.В. Дригина школьники-участники кружка приняли участие в раскопках В.К. Михеева в Маяках [44]. В следующем году в Енакиево учитель СШ №5 и член общества В.Ф. Клименко на базе археологического кружка создаёт постояннодействующую археологическую экспедицию «Эврика» [45].

В первой половине 1970-х развернулась широкомасштабная мелиорация сельскохозяйственных земель на юге Украины и начинается настоящий бум новостроечных экспедиций, который будет продолжаться почти два десятилетия. Первые подобные экспедиции возникли в Ворошиловградской области. Работы Северодонецкой и Донецкой экспедиций проводились под руководством Института археологии АН УССР на протяжении первого

десятилетия, после чего, в результате определенных субъективных обстоятельств обе экспедиции прекратили свое существование. Но даже за этот период была проделана огромная работа. По некоторым данным было раскопано более полутысячи курганов, а также разной степени исследованы раскопками несколько поселений, обнаружено разведками немало памятников от палеолита до эпохи средневековья [46, с. 27]. В последующие годы на территории Луганской области проводили работы экспедиции Киевского государственного университета, в результате чего было исследовано ещё 476 захоронений разных эпох.

В Донецкой области новостроечные экспедиции возникают также в связи с деятельностью Донецкой экспедиции ИА АН УССР в 1974 г. Однако, так как было невозможно покрыть все участки новостроечных работ, особенно на территории Приазовья, специально для расширения фронта работ была создана Вторая Северодонецкая экспедиция ИА АН УССР в 1976 г. В дальнейшем же основной объем работ осуществлялся экспедицией Донецкого государственного университета. Стоит отметить, что первые работы в зоне строительства ирригационных систем в 1976 г. были неудачными, поскольку раскопки 9 курганов с более чем сорока захоронениями бронзового века и средневековья остались безотчетными [47]. Тем не менее, уже в 1978 г. в Донецком университете была создана постоянно действующая научно-исследовательская группа, которая проводила новостроительные археологические раскопки до 1992 г.

За период существования экспедиции ее сотрудниками исследованы до 300 курганов, содержащих около 1100 захоронений от позднего энеолита до средневековья [48, с. 16]. Точное количество средневековых погребений не учтено, однако как минимум несколько десятков обнаруженных захоронений относились непосредственно к золотоордынскому или доордынскому периодам, среди которых были, например, погребения из курганов у Новониколаевки, Полкового, Мичурино, Шахтёрска и т.д. [49].

Помимо этих экспедиций в регионе активно проводили археологические исследования группы Донецкого отделения УООПИКа, получавшие финансирование от организации. В 1985 г. был создан сектор охраны памятников археологии в Донецком областном краеведческом музее (ныне Донецкий республиканский краеведческий музей). С использованием бюджетных средств и при финансовой поддержке Донецкого общества охраны памятников до 1992 г. активно проводились сплошные разведки в Амвросиевском, Володарском, Краснолиманском, Марьинском, Новоазовском, Шахтерском, Першотравневом, Старобешевском, Тельмановском, Ясиноватском и других районах, что позволило взять на учёт около 700 новых, ранее не известных курганов [50, с. 55].

Таким образом, в 1970-80-е гг. археология Донбасса вернулась к тому, с чего она зародилась – к курганной археологии. Исследования курганов действительно были доминирующим видом работ, однако новостройки затронули и территории поселенческих памятников. В 1976 и 1978 гг. в связи со строительными работами в пределах Царина городища на памятнике проводила

работы экспедиция Артемовского краеведческого музея, осматривался памятник и сотрудником ДРКМ А.И. Приваловым. В последующем памятник подвергался раскопкам в 1980-е гг. [29, с. 25-26] На юге поселение у н.п. Обрыв осматривалось В.С. Флеровым в 1976 и И.В. Волковым в 1988 гг., однако никаких конкретных выводов сделано не было [51].

В 1980-е также окончательно складывается представление о Донбассе, как одном из регионов административно подчинённом Золотой Орде. В 1985 г. В.Л. Егоров опубликовал работу «Историческая география Золотой Орды» [52]. Здесь было прослежено формирование и эволюция административной системы, возникновение и функционирование долговременных поселений и территориям, лежащим между Днепром и Доном, было уделено отдельное внимание.

И все же к концу 1980-х гг. количество новостроечных экспедиций снижалось, финансирование уменьшалось, а вместе с ним и снижались масштабы исследований. Клонилась к закату советская эпоха, а вместе с ней завершался и длительный период накопления данных по позднесредневековым кочевникам Донбасса. Близилось новое время, которое ставило перед исследователями задачу осмыслить накопленный материал и заполнить лакуну в понимании историко-культурных процессов в Донбассе в XIII–XIV вв.

Анализ истории изучения золотоордынской проблематики на территории Донбасса в 1870-е – 1980-е гг. позволяет сделать ряд промежуточных выводов:

1. Исследование археологических памятников Донбасса в последней трети XIX в. не было систематическим и зачастую не отличалось высоким методологическим уровнем, что и приводило к весьма обобщенным выводам. Чёткого понимания различий между доордынским и непосредственно ордынским периодами у исследователей не было.

2. В начале XX в. в рамках Археологических съездов были установлены важные направления работы в области средневековой истории, а также определены контуры археологической проблематики средневековых кочевых народов юга Русской равнины.

3. Проводимые в 20-60-е гг. XX века раскопки и разведки на территории крупных поселений Донецкой группы по стечению обстоятельств обнажали преимущественно слои салтово-маяцкого периода, что не позволяло исследователям разглядеть за ними золотоордынские древности.

4. 1966 г. стал рубежной датой в изучении поздних кочевников Донбасса. Издание монографии Г.А. Фёдорова-Давыдова предоставило исследователям мощный инструментарий, позволявший точно соотносить погребения с отдельными периодами заселения Восточно-Европейской степи разными группами кочевников, а создание Донецкого областного отделения УООПИК и начавшийся в последующем бум новостроечных экспедиций резко увеличил количество материалов, доступных для изучения. Научное поле было фактически сформировано, и все же, из-за масштабов проводимых работ, у специалистов зачастую не оставалось времени для глубокого осмысления полученной информации, а потому стройных концепций касательно историко-культурных процессов, происходивших в Днепро-Донском междуречье в XIII–

XIV вв. в дореволюционной и советской археологии так и не появилось, что стало задачей постсоветского периода.

Список источников и литературы:

1. Клейн Л.С. Феномен советской археологии / Л.С. Клейн. – СПб: Изд-во «ФАРН», 1993. – 128 с.

2. Колесник А.В. Историография истории земель Донбасса в VII-V тыс. до н.э. / А.В. Колесник, Н.В. Манько, С.М. Дегерменджи // Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки. – Донецк, 2021. – № 1. – С. 24–33.

3. Камынин В.Д. Теоретические проблемы историографии как научной и учебной дисциплины на рубеже XX–XXI столетий / В.Д. Камынин // Известия Уральского университета. – 2010. – № 3 (78). – С. 54–56.

4. Усачук А.Н. Очерк истории изучения курганов Донбасса в XVIII-XIX веках / А.Н. Усачук, А.В. Колесник // Літопис Донбасу. – № 12. – Донецк, 2004. – С. 5–29.

5. Никольский В.Н. Основы периодизации археологии Донбасса / В.Н. Никольский, А.В. Колесник // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – Донецк: ДонНУ, 2015. – № 1 (1). – С. 7–18.

6. Клейн Л.С. История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время / Л.С. Клейн. – СПб: Евразия, 2014. – 701 с.

7. Дело ИАК. О раскопках профессора Э. Петри в Екатеринославской и Таврической губерниях // Архив ИИМК РАН, №34/1888.

8. Толстой И.И. Русские древности в памятниках искусства / И.И. Толстой, Н.П. Кондаков. – СПб, 1897. – Вып. 5. Курганные древности и клады домонгольского периода. – 168 с.

9. Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники / Г.А. Фёдоров-Давыдов. – М. : Изд-во МГУ, 1966. – 276 с.

10. Государственный архив Ростовской области, ф-55-1-910.

11. Волков И.В. Надгробие золотоордынского времени из Новочеркасского музея / И.В. Волков // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. – Азов: Азовский музей-заповедник, 2008. – Вып. 23. – С. 478–496.

12. Косиков В.А. Священнослужитель-краевед Василий Феоктистович Спесивцев (1861-1905 гг.) / В.А. Косиков, Е.В. Косикова // Донецкий археологический сборник. – Донецк: Изд-во «Юго-Восток», 1997. – Вып. 7. – С. 5–14.

13. Спесивцев В.Ф. Случайные археологические находки / В.Ф. Спесивцев // Сборник Харьковского Историко-филологического общества. – Харьков, 1894. – Т.6. – С. 1–10.

14. Федоровский И.А. Древности окрестности с. Райгородка Изюмского уезда / И.А. Федоровский // Труды Харьковского Предварительного Комитета по

устройству XII Археологического съезда. Приложения к протоколу шестого заседания. – Харьков, 1902. – Т.1. – С. 72–74.

15. Карепин К.В. Проблематика позднесредневековых древностей на XII и XIII археологических съездах / К.В. Карепин // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17-18 ноября 2020 г.). Том 7: Исторические и политические науки. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 226–228.

16. Двенадцатый Археологический съезд в Харькове в 1902 г. – М. : Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1900. – 35 с.

17. Правила XIII Археологического съезда в Екатеринославле в 1905 г. и протоколы заседаний Предварительного комитета 4-6 января 1903 г. – М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1903. – 51 с.

18. Трифильев Е.П. Археологическая экскурсия по течению рр. Кальмиуса и Кальчика в пределах Мариупольского уезда, Екатеринославской губернии летом 1904 года / Е.П. Трефильев // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославле 1905 г. – М. : Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. – Т. 1. – С. 366–368.

19. Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г. – М. : Типография О-ва распростр. пол. книг, аренд. В. И. Вороновым, 1905. – Том 3. – 427 с.

20. Известия XIII Археологического съезда в Екатеринославле. 15–27 авг. 1905 г. – Харьков, 1905. – 158 с.

21. Чхаидзе В.Н. Полемика о «каменных бабах» – как поссорился Николай Иванович с Василием Алексеевичем / В.Н. Чхаидзе // Краткие сообщения института археологии. – М. : Издательский дом ЯСК, 2017. – № 247. – С. 418–428.

22. Труды XII археологического съезда в Харькове 1902. – М. : Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. – Том 2. – 612 с.

23. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года / В.А. Городцов // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославле 1905 г. – М. : Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. – Т. 1. – С. 211–285.

24. Колесник А.В. Археологическое краеведение Донбасса (А.И. Абрамов. Штрихи к портрету) / А.В. Колесник, В.В. Давыденко, А.В. Шамрай // Святогірський альманах 2010. – Донецк Вид. «Донбас», ТОВ «РА Ваш імідж», 2010. – С. 29–36.

25. Кравченко Э.Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец / Э.Е, Кравченко // Археология Евразийских степей. Выпуск 4. – Казань, 2020. – 344 с.

26. Сібільов М.В. Старовинності Ізюмщини / М.В. Сибильов. – Ізюм: Ізюмський окружний музей, 1930. – Вип. 4. – 28 с.

27. Сібільов М.В. Археологічні пам'ятки на Дінці у зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Новгород Сіверського / М.В. Сібільов // Археологія, Вип. IV. – К. : Вид. АН УССР, 1950. – С. 99–114.

28. Сибилёв Н.В. Древности Изюмщины / Н.В. Сибилёв. – Изюм, 1926. – Вып. I. – 10 с.

29. Кравченко Э.Е. Царино Городище: формирование поселенческой структуры / Э.Е. Кравченко. – Симферополь, 2024. – 208 с.

30. Гриб В.К. История и материалы одной экспедиции на Донце / В.К. Гриб, Э.Е. Кравченко, Л.И. Кучугура // Святогірський альманах 2014. – Донецьк, 2014. – С. 64–96.

31. Евсеев В.М. Рукопись статьи в газету «Сталинский рабочий» / В.М. Евсеев. // Фонды ДРКМ. – Донецк, 1949. – С. 2–3.

32. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б.Я. Владимирцов. – Л. : Издательство ан СССР, 1934. – 236 с.

33. Греков Б.Д. Золотая Орда и ее падение / Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 478 с.

34. Михеев В.К. Результаты археологических работ на Маяцком городище в 1963 г. / В.К. Михеев // Архив музея истории и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета. Ф. 1, оп.2, ед. хр. 4.

35. Археологический Альманах №1: Каталог случайных находок / Гл. ред. Колесник А.В. – Донецк, 1993. – 236 с.

36. Плетнёва С.А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура / С.А. Плетнёва // МИА. – М.: Наука, 1967. – Вып. 142. – 209 с.

37 Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях поселения салтово-маяцкой культуры у с. Маяки в 1968 г. / В.К. Михеев // Научный Архив ИА НАНУ № 1968 / 48.

38. Ходжайов Т.К. Население Подонцовья эпохи Золотой Орды (по материалам могильников у села Маяки) / Т.К. Ходжайов, М.Л. Швецов, Г.К. Ходжайова, С.Ю. Фризен // Степи Европы в эпоху средневековья: Сб. научн. тр. – Донецк: ДонНУ, 2012. – Т. 11. Золотоордынское время. – С. 125–192.

39. Ходжайов Т.К. Археолого-антропологическое исследование Маяк XIII–XIV вв. / Т.К. Ходжайов, М.Л. Швецов // Евразийская Степь и Донбасс в эпоху Средневековья. Сборник избранных статей Михаила Львовича Швецова. К 75-летию со дня рождения. – Донецк, 2018. – С. 77–79.

40. Усачук А.Н. Свод данных об исследованиях курганов на территории Донецкой области в XX в., 2003 / А.Н. Усачук, Ю.Б. Полидович, В.В. Цимиданов и др. // Археологический альманах. – Донецк, 2013. – № 14. – С. 110–132.

41. Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевая орда в улусе Джучи / Г.А. Фёдоров-Давыдов. – Вестн. МГУ, История, 1970. – № 5. – С.75–86.

42. Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды / Г.А. Фёдоров-Давыдов. – М. : Издательство МГУ, 1973. – 180 с.

43. Карепин К.В. Деятельность археологической секции Донецкого отделения Украинского общества охраны памятников истории и культуры в

1966-1970 гг. / К.В. Карепин // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – Донецк, 2023. – № 2 (85). – С. 37–45.

44. Татаринов С.И. Дорога, длиною в 50 лет, продолжается… / С.И. Татаринов // Біографія та бібліографічний покажчик наукових та науково-популярних праць Татаринова Сергія Йосиповича. – Харків, 2019. – С. 34–42.

45. Клименко В.Ф. Мой путь в археологии: Романтика и реальность / В.Ф. Клименко. – Донецк, 2008. – 39 с.

46. Братченко С.Н. Катакомбные культуры Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья / С.Н. Братченко // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. – Донецк, 1989. – С. 27–29.

47. Косиков В.А. Исследования курганов на территории Донецкой области / В.А. Косиков // Археологические открытия 1976 г. – М., 1977. – С. 310–311.

48. Косиков В.А. Археология в Донецком университете / В.А. Косиков // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Вып. 10: Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. – Воронеж, 1997. – С. 14–19.

49. Евглевский А.В. Погребения золотоордынского времени из раскопок Новостроечной экспедиции Донецкого университета / А.В. Евглевский // Донецкий археологический сборник. – Донецк, 1992. – № 1. – С. 107–116.

50. Шепко Л.Г. Формы и условия историко-археологического изучения Северного Приазовья и Подонцовья в 60-80-х гг. XX в. / Л.Г. Шепко // Черноморско-средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура: Материалы Международной научно-практической конференции, Судак, 13-15 мая 2022 года. – Краснодар: КубГУ, 2022. – С. 52–58.

51. Кравченко Э.Е. Поселение у с. Обрыв на Азовском побережье в Донбассе / Э.Е. Кравченко // Археология евразийских степей. – Казань, 2018. – № 4. – С. 88–92.

52. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды / В.Л. Егоров. – М.: «Наука», 1985. – 247 с.

REFERENCES

1. Klein, L.S. (1993*) The phenomenon of Soviet archaeology*. St. Petersburg: FARN. 128 p. (In Russian).

2. Kolesnik, A.V., Manko, N.V. & Degermendzhi, S.M. (2021) [Historiography of the Donbas lands history at VII-Vth BC] *Vestnik DonNU. Seriya B: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities.* 1, 24–33. (In Russian).

3. Kamynin, V.D. (2010) [Theoretic question of historiography as scientific and academic discipline at the turn of the XX - XXI century]. *Izvestiya Ural'skogo universiteta = Izvestia of the Ural Federal University*. 3 (78), 54–56. (In Russian).

4. Usachuk, A.N. & Kolesnik, A.V. (2004) [Essay on the history of studying Donbas kurgans in the eighteenth and nineteenth centuries]. *Litopys Donbasu = Chronicle of Donbass*. 12, 5–29. (In Russian).

5. Nikol'skiy, V.N. & Kolesnik, A.V. (2015) [Fundamentals of the periodization of Donbas archaeology]. *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovanii = Journal of Historical, Political and International Studies*. 1 (1), 7–18. (In Russian).

6. Klein, L.S. (2014) *History of Russian archaeology: doctrines, schools and personalities. Vol. 1. General survey and the pre-revolutionary period*. St. Petersburg: Evraziya. 701 p. (In Russian).

7. On the excavations of Professor E. Petri in Ekaterinoslav and Taurida provinces. Archive IHMK RAS. № 34/1888. (In Russian).

8. Tolstoi, I.I. & Kondakov, N.P. (1897) *Russian antiquities in monuments of art. Issue 5. Kurgan antiquities and treasures of the pre-Mongol period*. St. Petersburg. 168 p. (In Russian).

9. Fedorov-Davydov, G.A. (1966) *Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde khans: Archaeological monuments*. Moscow: Moscow State University Press. 276 p. (In Russian).

10. The State Archive of the Rostov Oblast (GARO). C. 55. Inv. 1. F. 910. (In Russian).

11. Volkov, I.V. (2008) [A Golden Horde period tombstone from the Novocherkassk Museum]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2006 g. = Historical and archeological investigations in Azov and the Lower Don in 2006.* Azov: Azov Museum-Reserve. 23, 478–496. (In Russian).

12. Kosikov, V.A. & Kosikova, E.V. (1997) [Local historian and clergyman Vasilii Feoktistovich Spesivtsev (1861-1905)]. *Donetskii arkheologicheskii sbornik = Donetsk Archaeological Collection*. 7, 5–14. (In Russian).

13. Spesivtsev, V.F. (1894) [Accidental archaeological finds]. *Sbornik Khar'kovskogo Istoriko-filologicheskogo obshchestva = Proceedings of the Kharkov Historical and Philological Society*. 6, 1–10. (In Russian).

14. Fedorovskiy, I.A. (1902) Antiquities of the vicinity of Raihorodok village, Izyum district. In: *Proceedings of the Kharkov Preliminary Committee for the Organization of the XII Archaeological Congress.* Appendices to the Minutes of the Sixth Meeting. Kharkov. Vol. 1, pp. 72–74. (In Russian).

15. Karepin, K.V. (2020) Problems of Late Medieval antiquities at the XII and XIII Archaeological Congresses. In: *Donetsk reading's 2020: Education, Science, Innovation, Culture and Contemporary Challenges*: Proceedings of the V International Scientific Conference, 17–18 November 2020, Donetsk. Donetsk, Donetsk National University. Vol. 7: Historical and Political Sciences, pp. 226–228. (In Russian).

16. *The Twelfth Archaeological Congress in Kharkov in 1902*. Moscow, Partnership Printing House of A.I. Mamontov. 1900. 35 p. (In Russian).

17. *Rules of the XIII Archaeological Congress in Ekaterinoslav in 1905 and minutes of the meetings of the Preliminary Committee, January 4–6, 1903*. Moscow : Printing House of G. Lissner and A. Geshel. 1903. 51 p. (In Russian).

18. Trifil'ev, E.P. (1907) Archaeological excursion along the Kalmius and Kalchik rivers within Mariupol district of Ekaterinoslav province in the summer of

1904. In: *Proceedings of the XIII Archaeological Congress in Ekaterinoslav*, *1905*. Moscow. Vol. 1, pp. 366–368. (In Russian).

19. *Proceedings of the XII Archaeological Congress in Kharkov, 1902*. Moscow: Printing House of the Society for the Dissemination of Useful Books. 1905. Vol. 3, 427 p. (In Russian).

20. *Proceedings of the XIII Archaeological Congress in Ekaterinoslav, August 15–27, 1905*. Kharkov. 1905. 158 p. (In Russian).

21. Chkhaidze, V.N. (2017) [The controversy over the "stone babas": how Nikolai Ivanovich quarreled with Vasilii Alekseevich]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii = Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 247, 418–428. (In Russian).

22. *Proceedings of the XII Archaeological Congress in Kharkov, 1902.* Moscow: Printing House of G. Lissner and D. Sobko. 1905. Vol. 2. 612 p. (In Russian).

23. Gorodtsov, V.A. (1907) Results of archaeological investigations in Bakhmut district of Ekaterinoslav province in 1903. In: *Proceedings of the XIII Archaeological Congress in Ekaterinoslav, 1905*. Moscow. Vol. 1, pp. 211–285. (In Russian).

24. Kolesnik, A.V., Davydenko, V.V. & Shamrai, A.V. (2010) [Archaeological local history studies of Donbas (A.I. Abramov: strokes for a portrait)]. *Svyatogirs'kyi al'manakh 2010 = Svyatogorsk Almanac 2010.* Donetsk, Donbas Publishing House; RA Vash Imidzh Ltd. 29–36. (In Russian).

25. Kravchenko, E.E. (2020) [The Sidorovo archaeological complex on the Seversky Donets River]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei = Archaeology of the Eurasian Steppes*. Kazan. 4, 344 p. (In Russian).

26. Sibil'ov, M.V. (1930) *Antiquities of the Izium region.* Izium : Izium District Museum. 4. 28 p. (In Ukrainian).

27. Sibil'ov, M.V. (1950) Archaeological sites on the Donets River in connection with the campaigns of Vladimir Monomakh and Igor Svyatoslavich. *Arkheolohiya = Archaeology*. 4, 99–114. (In Ukrainian).

28. Sibilyov, N.V. (1926) *Antiquities of the Izium region*. Izium : Izium District Museum. 1. 10 p. (In Russian).

29. Kravchenko, E.E. (2024) *Tsarino Gorodishche: formation of the settlement structure*. Simferopol. 208 p. (In Russian).

30. Grib, V.K., Kravchenko, E.E. & Kuchugura, L.I. (2014) [History and materials of an expedition on the Donets River]. *Svyatogirs'kyi al'manakh 2014 = Svyatogorsk Almanac 2014.* 64–96. (In Russian).

31. Evseev, V.M. (1949) *Manuscript of an article for the newspaper "Stalinsky Rabochy"*. Collections of the Donetsk Republic Museum of Local History. Donetsk, pp. 2–3. (In Russian).

32. Vladimirtsov, B.Ya. (1934) *The social system of the Mongols. Mongolian nomadic feudalism*. Leningrad, USSR Academy of Sciences Publishing House. 236 p. (In Russian).

33. Grekov, B.D. & Yakubovskii, A.Yu. (1950) *The Golden Horde and its fall*. Moscow–Leningrad : USSR Academy of Sciences Publishing House. 478 p. (In Russian).

34. Mikheev, V.K. (1963) *Results of archaeological works at the Mayatskoe Gorodishche in 1963.* Archive of the Museum of History and Ethnography of Sloboda Ukraine. C. 1, Inv. 2, F. 4. (In Russian).

35. Kolesnik, A.V. (ed.) (1993) *Archaeological Almanac № 1: Catalogue of accidental finds*. Donetsk. 236 p. (In Russian).

36. Pletneva, S.A. (1967) From nomadic camps to towns: the Saltovo-Mayaki culture. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR = Materials and Research on the Archaeology of the USSR*. 142. 209 p. (In Russian).

37. Mikheev, V.K. (1968) *Report on archaeological investigations of the Saltovo-Mayaki settlement near Mayaki village in 1968*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. № 1968/48. (In Russian).

38. Hodzhaiov, T.K., Shvetsov, M.L., Hodzhaiova, G.K. & Frizen, S.Yu. (2012) [Population of the Severskii Donets basin of Golden Horde period (based on excavations of burial grounds of Tsarino hillfort near Maiaki village)]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya. T. 11: Zolotoordynskoe vremya = The European Steppes in the Middle Ages. Vol. 11. The Golden Horde Period*. Donetsk: Donetsk National University. 11, 125–192. (In Russian).

39. Hodzhaiov, T.K. & Shvetsov, M.L. (2018) Archaeological and anthropological study of Maiaki of the thirteenth–fourteenth centuries. In: *The Eurasian Steppe and Donbas in the Middle Ages*. Selected Articles of Mikhail Lvovich Shvetsov on the Occasion of His 75th Birthday. Donetsk, pp. 77–79. (In Russian).

40. Usachuk, A.N., Polidovich, Yu.B., & Tsimidanov, V.V. (2013) [Corpus of data on investigations of kurgans in Donetsk oblast in the twentieth century]. *Arkheologicheskii al'manakh = Archaeological Almanac*. 14, 110–132. (In Russian).

41. Fedorov-Davydov, G.A. (1970) [Nomadic horde in the Ulus of Jochi]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Istoriya = Moscow University Bulletin. Series History*. 5, 75–86. (In Russian).

42. Fedorov-Davydov, G.A. (1973) *The social system of the Golden Horde*. Moscow: Moscow State University Press. 180 p. (In Russian).

43. Karepin, K.V. (2023) [Activities of the archaeological section of the Donetsk branch of the Ukrainian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments in 1966–1970]. *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovanii = Journal of Historical, Political and International Studies*. 2 (85), 37–45. (In Russian).

44. Tatarinov, S.I. (2019) [A road fifty years long continues...]. In: *Biography and Bibliographical Index of Scientific and Popular Scientific Works of Serhii Yosypovych Tatarinov*. Kharkiv, pp. 34–42. (In Russian).

45. Klimenko, V.F. (2008) *My path in archaeology: romance and reality*. Donetsk. 39 p. (In Russian).

46. Bratchenko, S.N. (1989) [Catacomb cultures of the Seversky Donets and Northeastern Azov region]. In: *Problems of Protection and Investigation of Archaeological Monuments in Donbas.* Donetsk, pp. 27–29. (In Russian).

47. Kosikov, V.A. (1977) [Investigations of kurgans on the territory of Donetsk oblast]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1976 = Archaeological Discoveries of 1976.* Moscow. 310–311. (In Russian).

48. Kosikov, V.A. (1997) [Archaeology at Donetsk University]. *Arkheologiya Vostochnoevropeiskoi lesostepi. Pyat'desyat polevykh sezonov arkheologov Voronezhskogo universiteta = Archaeology of the East European Forest-Steppe. Field Seasons of Archaeologists of Voronezh University*. Voronezh. 10, pp. 14–19. (In Russian).

49. Evglevskii, A.V. (1992) [Golden Horde burials from excavations of the New Construction Expedition of Donetsk University]. *Donetskii arkheologicheskii sbornik = Donetsk Archaeological Collection*. Donetsk, 1, 107–116. (In Russian).

50. Shepko, L.G. (2022) [Forms and conditions of historical and archaeological studies of the Northern Azov region and the Severskii Donets region in the 1960s–1980s]. In: *The Black Sea–Mediterranean Region in the Context of Russia's National Interests: History, Politics, Culture.* Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Sudak, 13–15 May 2022. Krasnodar: Kuban State University, pp. 52–58. (In Russian).

51. Kravchenko, E.E. (2018) [Settlement near Obryv village on the Azov coast in Donbas]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei = Archaeology of the Eurasian Steppes*. 4, 88–92. (In Russian).

52. Egorov, V.L. (1985) *Historical geography of the Golden Horde*. Moscow: Nauka Publishers. 247 p. (In Russian).

Данные автора статьи

Карепин Константин Владимирович ФГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия» ORCID 0000-0003-4598-9273	**Karepin Konstantin Vladimirovich** FSBEI HE “Donbass Agrarian Academy” ORCID 0000-0003-4598-9273

УДК 902:002.1(477.62) "1974/2014"
DOI: 10.5281/zenodo.22101957
EDN: TGWORK

Л. Г. Шепко
доктор исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: ppakra@mail.ru

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В ДОНЕЦКИХ ИЗДАНИЯХ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ (1974–2014 ГГ.)

Аннотация

Статья посвящена анализу донецких научных, краеведческих и специализированных изданий 1974–2014 гг. с историко-археологической тематикой. Показаны условия и факторы формирования разнотипового комплекса изданий. Отмечено, что все они выполняли несколько важных социальных функций: введение в научный оборот материалов раскопок и находок; проведение аналитических исследований и обобщений; осуществление взаимодействия и обмена опытом между археологами разных регионов; сохранение и популяризация археологического наследия Донбасса и Восточной Европы.

Ключевые слова: *Донбасс, историко-археологические издания, Донецкий государственный университет, Донецкий научный центр АН УССР, новостроечная экспедиция, публикационная активность, региональная научная школа, «Степи Европы в эпоху средневековья», «Донецкий археологический сборник», «Археологический альманах».*

Summary

The article examines the historical and archaeological themes represented in Donetsk scholarly, local/regional history, and specialized publications from 1974 to 2014. The functions of this diverse set of works are established to have been: introducing the excavation materials and finds into scientific circulation; conducting analytical research and summaries; facilitating interaction and exchange of experience between archaeologists from different regions; and preserving and popularizing the archaeological heritage of the Donbass region and Eastern Europe.

Using a three-period model (the formative stage of the 1970s–1980s, the publication surge of the 1990s, and the maturity stage of 2000–2013), the study identifies key trends in the development of regional archaeological research. It demonstrates that the formation of the archaeological school at Donetsk State

© Шепко Л. Г., 2026

University, the work of the rescue archaeology operations, and the institutional support of the Donetsk Scientific Center of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR created the foundation for the emergence of stable academic series, such as Donetsk Archaeological Bulletin, "Archaeological Almanac". Special attention is given to the factors behind the publication boom of the 1990s and the transformation of scholarly communication in the early twenty-first century. The study concludes that Donetsk archaeological publications played a significant role in preserving scientific information, reconstructing the history of archaeological research, and maintaining the cultural memory of the region.

Keywords: *Donbass, archaeology, historical-archaeological publications, Donetsk State University, Donetsk Scientific Center of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, archaeological rescue operations, publication activity, regional scholarly school, historiography, cultural heritage, «Donetsk Archaeological Bulletin», «Archaeological Almanac», «Steppes of Europe in the Middle Ages».*

Археологическое наследие Донбасса представляет собой уникальный комплекс памятников, отражающих тысячелетнюю историю региона – от палеолита до средневековья. Изучение этих памятников имеет не только научное, но и культурно-историческое значение, поскольку позволяет реконструировать долговременные процессы заселения, хозяйственной деятельности и культурных взаимодействий различных народов и цивилизаций на юго-востоке Восточной Европы.

Важным направлением современных историко-археологических исследований остается осмысление научного наследия региональных археологических школ, в деятельности которых находят отражение и социально-политические процессы.

Донецкий регион является одним из центров историко-археологических исследований. Здесь на протяжении нескольких десятилетий конца XX в. и начала XXI в. сложилась устойчивая система научных, краеведческих и специализированных изданий, в которых зафиксирована деятельность научных коллективов по археологическому изучению края. Системный и библиометрический анализ локальных изданий позволяет не только определить количественные показатели научной продуктивности регионального историко-археологического сообщества, но и проследить формирование проблемного поля донецкой археологии, эволюцию научных подходов.

В условиях физических утрат научной инфраструктуры региона последнего десятилетия анализ материальных свидетельств научной деятельности приобретает особую значимость. Материалы донецких археологических изданий содержат ценную информацию о результатах полевых исследований, описания музейных коллекций и археологических памятников, часть из которых в настоящее время утрачена в результате военных действий или продолжает находиться под угрозой исчезновения. Систематизация и анализ публикационной активности выступают важным инструментом сохранения и

актуализации этого научного наследия, создавая основу для дальнейших исследований, в т. ч. создания компьютерных баз данных по истории региональных археологических исследований. Современные цифровые методы позволяют обеспечить доступность научного наследия для широкого круга исследователей.

Целью данной работы является комплексный анализ одного из аспектов институционального развития археологии в Донбассе – формирования научного пространства и особенностей издательской деятельности. Одной из задач данной работы было выявление донецких изданий 1974–2014 гг., включавших научные публикации по историко-археологической тематике.

Некоторые вопросы, связанные с темой институционального развития археологии, археологических учреждений и научных школ в Донбассе в разные периоды, рассматривались в отдельных работах донецких исследователей (В. А. Косиков, Л. Г. Шепко, А. В. Колесник, В. Н. Никольский, Р. А. Литвиненко) [16]. Издательская деятельность как фактор формирования профессионального дискурса предметно не подвергалась анализу.

Для решения поставленной цели были предприняты следующие шаги: выявлены и рассмотрены издания донецкого региона (в границах Донецкой области с середины 1970-х гг. до 2014 г.), в которых опубликованы материалы, связанные с историко-археологическими исследованиями, составлена рабочая База Данных, которая включает более 170 издательских единиц (изданий). Они представляют несколько типов публикаций (*Таблица 1*):

- научные журналы, периодические издания;
- научные специализированные серии;
- материалы научных конференций и научно-практических семинаров;
- краеведческие издания;
- тематические сборники статей.

Таблица 1. Донецкие издания с историко-археологической тематикой в 1974–2014 гг.

	Издание	**Годы издания**	**К-во выпусков**
Научные журналы, периодические издания			
1.	Исторические и политологические исследования (русск./укр.)	1999–2014	56 4–6 вып. в год
2.	Вестник Донецкого университета. Серия Б. Гуманитарные науки (русск./укр.)	1997–2014	4 выпуска в год
3.	Вестник Мариупольского государственного университета. Сер.: История. Политология (русск./укр.)	2011–2017	2 выпуска в год

4.	Новые страницы в истории Донбасса (русск. /укр.)	1992–2013	22 1 выпуск в год
Научные специализированные серии			
5.	Донецкий археологический сборник. (ДАС/ ДАЗ)	1992–2013	17
6.	Археологический альманах (АА)	1993–2013	32
7.	Степи Европы в эпоху средневековья	2000–2014	13 выпусков
8.	Структурно-семиотические исследования в археологии	2002, 2005, 2006	3
Краеведческие издания			
9.	Летопись Донбасса. Краеведческий сборник (русск./укр.)	1992–2012	раз в год 20 выпусков
10.	Святогірський альманах. Збірник наукових праць.	2006, 2007, 2009, 2010–2012, 2013	7
11.	Древности Донецкого (родного) края. Енакиево.	1991, 1994, 1997, 1998, 2002	5

Данные Таблицы 1 демонстрируют то, что историко-археологическая тематика занимала существенное место в научной и общественной жизни Донбасса. На протяжении четырех десятилетий – с середины 1970-х до 2014 г. – в области формировалась и развивалась устойчивая система изданий, в которых публиковались результаты археологических исследований, освещалась деятельность экспедиций, обсуждались дискуссионные вопросы. Обращает на себя внимание издательская активность в 1990-е годы и ее определенная стабильность в 2000–2013 гг. Процесс формирования публикационной среды, даже с учетом деятельности инициативных и заинтересованных в развитии археологических исследований специалистов, не был спонтанным. С середины 1960-х гг. действовал ряд факторов, способствовавших позитивному развитию данного направления, – создание нормативной базы и ряд организационных мероприятий.

В 1960-е – начале 1970-х гг. происходило интенсивное промышленное развитие Донбасса. Регион достиг высоких показателей в этой сфере. Требованием времени была необходимость подготовки собственных высокопрофессиональных кадров и организация научных исследований: как экономических, так и социально-исторических. С этой целью в 1965 г. были основаны Донецкий научный центр АН УССР и Донецкий государственный университет, что стало ключевым условием в формировании региональных научных школ и направлений [7, с.19–20].

В то же время, в 1970-х гг. в Донбассе развернулось крупномасштабное строительство мелиоративных систем, стимулированное Постановлением ЦК КПСС, Совмина СССР от 02.10.1972 № 720 «О дальнейшем усилении работ по мелиорации земель и улучшении использования орошаемых и осушенных земель». Это подняло проблему спасения разрушаемых во время строительства памятников истории и культуры на новый уровень.

Государственным органам охраны памятников оказывали поддержку и содействие региональные Общества охраны памятников истории и культуры. В Донецке областная организация была создана в 1966 г. [3].

В 1967 г. решением коллегии Минкультуры СССР и Президиума АН СССР было инициировано издание Свода памятников истории и культуры народов СССР. Региональную составляющую проекта регламентировал приказ Министра культуры РСФСР «О подготовке Свода памятников истории и культуры РСФСР» от 22 января 1968 г. В течение 1968–1975 гг. в качестве нормативной базы для работы на местах были выпущены методические рекомендации по подготовке материалов «Свода памятников истории и культуры СССР» [8, с. 3]. Координатором полевых исследований и охраны памятников в области стала созданная в 1973 г. при Донецком научном центре археологическая секция. На первых этапах работа по этому направлению была сосредоточена в Донецком областном краеведческом музее.

Опыт нормативного регулирования общественных отношений в данной сфере был аккумулирован в Законе СССР 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Принятые в союзных республиках аналогичные законы активизировали краеведческое движение и охранную археологию в стране.

Факторами, подготовившими активную публикацию на рубеже XX–XXI вв. материалов по историко-археологической тематике, стали создание в 1974 г. на историческом факультете Донецкого государственного университета кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков [9, с. 66], в 1978 г. на ее базе новостроечной экспедиции, а также в 1986 г. специализированного подразделения по охране памятников археологии в Донецком областном краеведческом музее [10, с. 8].

Деятельность новостроечной экспедиции (1978–1991 гг.), задачей которой являлись охранные исследования древних памятников в зонах строительства, определила приоритетное научное направление 1980-х гг. – изучение курганных комплексов и связанных с ними исторических проблем. За время ее работы на территории области было выявлено около 100 новых курганных групп и поселений и раскопано более 300 курганов различных эпох [2]. Привлечение студентов к полевым работам позволило сформировать собственные научные кадры.

Деятельность сектора охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея была сосредоточена на учете объектов археологии, прежде всего, курганов. Это направление заметно расширилось во второй половине 1980-х гг. К 1992 г. благодаря сплошному обследованию разведками более чем 10 районов области было паспортизировано около 700 ранее неизвестных курганов [10, с. 9]. Сотрудники сектора активно взаимодействовали с широкой общественностью, решая задачи как охранного, так и просветительского характера. С 1986 г. отдел регулярно проводил областные научно-практические семинары, сопровождавшиеся публикацией материалов (*Таблица 3, № 6-8, 10*). В последствии такие мероприятия стали

прообразом международных конференций по проблемам общей и региональной археологии [5, с. 19].

Таким образом, в 1970–1980-е годы происходило организационное оформление региональной археологической школы и накопление значительного массива археологических источников. Именно в этот период создавалась источниковая база, которая определила научную тематику последующих десятилетий, а именно: древнее горное дело в Донбассе, археологическое изучение памятников энеолита-эпохи бронзы и средневековья Донецкого края, курганная археология.

В 1974–1980-е гг**.** публикационная деятельность не была высокой: материалы выходили в виде тезисов научных конференций, научно-методических семинаров и отдельных статей. Научные статьи по археологической тематике преподавателями вуза и сотрудниками музеев публиковались в центральных и республиканских периодических изданиях и сборниках, в т.ч. и таких как «Советская археология» (Москва), «Археологія» (Киев) [11–18].

В 1985–1989 гг. в области на местной издательской базе были изданы материалы пяти научно-практических семинаров, посвященных охране и исследованию памятников археологии в Донбассе [19–21]. В семинарах участвовали представители Донецкого областного управления культуры, Донецкого областного краеведческого музея, Донецкой областной организации Украинского общества охраны памятников истории культуры, Донецкого государственного университета. Доклады и сообщения освещали проблемы организации охраны памятников археологии, истории их охраны, а также результаты исследований памятников каменного, бронзового и железного веков Донбасса и смежных регионов. В научный оборот вводился новый, ранее неизвестный археологический материал.

В плане организации издательской деятельности в Донецком регионе по историко-археологической тематике следует обратить внимание на опыт подобной работы в других республиканских научных центрах. Показательными в этом направлении можно считать периодические издания Днепропетровского госуниверситета, тесно связанные с работой Новостроечной археологической экспедиции ДГУ. Материалы ее исследований составляли основу для сборников «Курганные древности Степного Поднепровья» / «Древности Степного Поднепровья», выходивших в 1977–1983 гг. [22]. Это были одни из первых изданий, положивших начало публикации материалов раскопок курганов в зонах мелиорации и строительства. С 1984 г. стал выходить межвузовский сборник «Проблемы археологии Поднепровья», продолживший традицию предыдущих [23].

В 1990-е годы публикационная активность донецкой археологии заметно возрастает. Условием этого в определенной мере стала децентрализация издательской сферы и появление малотиражных типографий, которые позволили университетам и научным коллективам самостоятельно инициировать выпуск научных серий. Накопленные в 1970–1980-х гг. материалы экспедиций

требовали глубокого изучения и введения в научных оборот. Импульс интереса к краеведческому поиску, данный в 1980-е годы, также стимулировал спрос на историко-археологическую литературу. Кафедра археологии, истории древнего мира и средних веков Донецкого государственного университета и Донецкий областной краеведческий музей в этот момент выступили центром и объединяющим началом взаимодействия научной, охранной и «школьной» археологии. Начинают выходить «Донецкий археологический сборник» (1992), «Археологический альманах» (1993), издание которых подчёркивало значимость археологии Донбасса.

В 1992 г. выходит первый выпуск «Донецкого археологического сборника» (ДАС), положивший начало серии, ставшей основной площадкой для публикации материалов раскопок [24, 25]. Инициатором издания серии был их редактор В. А. Посредников, которого поддержал коллектив Новостроечной археологической экспедиции НИЧ ДонГУ. Большую работу по организации издания сборников проводил В.А. Косиков.

«Донецкий археологический сборник» на протяжении нескольких десятилетий являлся ключевым специализированным изданием региона, ориентированным на публикацию результатов археологических исследований Донбасса и сопредельных территорий. Его отличала высокая концентрация первичных материалов: отчётов о раскопках, публикаций курганных комплексов, введение в научный оборот отдельных артефактов. Сборник служил платформой для формирования и развития донецкой археологической школы, объединяя музейных сотрудников, университетских исследователей и участников полевых экспедиций. Важной его особенностью являлась строгая научная направленность: статьи снабжены подробными описаниями методики, стратиграфии, инвентаря погребальных комплексов. Это делает сборник ценным источником для реконструкции археологической карты региона. Благодаря регулярности выпусков и устойчивой редакционной традиции, «Донецкий археологический сборник» стал фундаментальным корпусом данных по археологии степного Донбасса. С 1991 по 2013 гг. вышло 17 выпусков.

Серия стала не только инструментом систематизации и публикации накопленных за 1970–1980-е годы данных, но и местом обсуждения теоретических проблем. Среди них были дискуссионные вопросы методологии интерпретации источников (ДАС №№ 5, 8).

Следует отметить одну характерную черту ДАС. Редакционную группу и авторов отличало внимание и бережное отношение к деятельности и научному наследию археологов и краеведов, работавших в донецком регионе. Практически в каждом номере присутствуют биографические материалы об исследователях Донецкого края XX в. и информация об открытых памятниках и изучении древностей региона. На основе архивных данных освещались малоизвестные факты деятельности таких ученых и краеведов края, как П.М. Пиневич (ДАС № 8), Н.В. Сибилев (ДАС № 4), В.Ф. Спесивцев (ДАС № 7), Н.Е. Макаренко (ДАС № 3), В.Ф. Клименко (ДАС № 10) [26] и др.

Другое специализированное археологическое издание формировалось на базе Донецкого областного краеведческого музея. Инициатива подготовки и издания, с которой выступил А. В. Колесник, научный сотрудник ДОКМ, была поддержана сотрудниками музея. В 1993 г. вышел первый выпуск «Археологического альманаха» (АА), который был посвящён случайным находкам из археологических собраний Донецкой области. «Каталог…» включал также материал из разрушенных и «беспаспортных» погребений [27]. Он был подготовлен в основном сотрудниками Донецкого областного краеведческого музея и отражал научную специализацию авторов.

Во второй сборник вошли статьи по различным проблемам древнейшей истории региона – от эпохи мустье до раннего железного века. Это и публикации материалов исследований памятников Донбасса, и работы обобщающего характера [28].

С 1993 по 2013 гг. вышло 32 выпуска издания. За это время «Археологический альманах» из «Каталога…» вырос в межрегиональную серию, включавшую статьи по археологии Восточной Европы, и стал важным каналом коммуникации профессиональных археологов разных археологических школ и направлений. Публикации в альманахе отличаются широким контекстом: авторы рассматривают памятники не только как археологические объекты, но и как элементы историко-культурного наследия региона. Здесь часто появляются статьи, ориентированные на интерпретацию находок в рамках локальной идентичности, обсуждение проблем сохранения памятников. Так, три сборника (№№ 23, 24 27) посвящены проблемам археологии Крыма (хронологии античных памятников, интерпретации материалов, связанных с варварским населением полуострова).

Материалы Археологического альманаха отчётливо отразили ключевую тенденцию 2000–2013 гг. – международную интеграцию в археологических исследованиях. Он стал опорным изданием, где публиковались материалы Международных конференций, посвященных каменному веку юга Восточной Европы, проводившихся на базе Донецкого областного краеведческого музея (АА № 4, 9, 16, 19).

«Археологический альманах» на протяжении десятилетий документирует археологические открытия и исследования Восточной Европы. Он особенно ценен для изучения истории Донбасса, Приазовья и Таврики, а также для понимания культурных процессов от каменного века до средневековья.

2000-е годы отметились созданием еще двух специализированных научных серий: «Степи Европы в эпоху средневековья» и «Структурно-семиотические исследования в археологии».

С 2000 г. археологическая научно-исследовательская группа на историческом факультете Донецкого национального университета сосредоточилась на подготовке и выпуске научной серии «Степи Европы в эпоху средневековья» [29]. К 2014 г. были изданы 13 томов [30]. В качестве центральной линией серии было определено междисциплинарное изучение

археологических памятников восточноевропейской степи в эпоху средневековья с акцентом на хазарской и золотоордынской эпохах. В ее трудах представлены результаты исследований археологических памятников, палеоантропологических, и этнографических материалов Поволжья, Европейской части России и других регионов. Серия стала важным вкладом в изучение истории и культуры степей Европы в средневековый период, предоставив учёным обширный свод фактических данных для дальнейших исследований.

С 2002 г. стали выходить сборники серии «Структурно-семиотические исследования в археологии» [31]. К 2006 г. были опубликованы три тома, в которых представлены разнообразные подходы к анализу археологических материалов, а также очерчен круг современных задач, связанных с границами применения семиотических методов в археологии. Тематика статей в сборниках охватывает круг следующих проблем: семиотика погребальных обрядов; семантика орнаментов и декора; знаковая система древних изображений (в т.ч. звериного стиля); реконструкция мифологических и космологических представлений по археологическим данным; пространственно-семантические структуры в археологических памятниках. Донецкие сборники поддержали развитие семиотического направления в постсоветской археологии, систематизируя опыт применения семиотики к археологическим источникам. Авторами предлагались конкретные методики анализа знаков и кодов; реконструкция мировоззрения древних обществ с учетом археологических данных. Сборники способствовали продуктивному диалогу между археологами и представителями гуманитарных наук (лингвистами, фольклористами).

В начале XXI в. археологические издания выходили регулярно, редакционные коллективы работали стабильно, тематика сборников стала более специализированной, происходило расширение международных связей.

Помимо специализированных изданий научные статьи историко-археологической тематики публиковались в вузовских журналах, краеведческих сборниках, материалах конференций. Особую роль в исследовании и популяризации археологического наследия играли научные издания Донецкого государственного университета.

Площадками для публикации материалов историко-археологической тематики стали такие университетские издания, как «Вестник Донецкого Университета. Серия Б. Гуманитарные науки», «Новые страницы в истории Донбасса», «Вестник Мариупольского государственного университета. Сер.: История. Политология».

В 1992 г. вышла первая книга «Новые страницы в истории Донбасса», заявленная как массово-политическое издание, отражающее трансформацию исторического дискурса. В ней освещались неизученные и малоизученные темы, среди которых этапы заселения края в древности и средневековье, результаты новых археологических открытий, истоки формирования полиэтничного состава Донбасса [32].

В декабре 1999 г. основан научный журнал «Исторические и политологические исследования» [33]. Тематика научных исследований была разнообразна и включала сюжеты из отечественной и всемирной истории, социально-экономического развития отдельных регионов и стран на современном этапе, событий культурной жизни, персональной истории.

Рубрики и проблематика журнала отражали структуру факультета и результаты научного поиска коллектива, которые обсуждались один раз в два года на апрельских конференциях. В первых номерах было опубликовано три статьи по проблемам археологии и античной истории, в последующие годы тематика расширилась и стала включать работы и по средневековой истории и археологии (№№ 4; № 29/30; 33/34).

Возможность для публикации материалов по рассматриваемой тематике предоставлял научный журнал «Вестник Донецкого Университета. Серия Б. Гуманитарные науки», который был основан в 1997 г. К публикации принимались результаты исследований в области филологии, истории, педагогики и философии. Так, например, в одном из номеров, вышедших в 2008 г. в разделе «История», были опубликованы 4 статьи по интересующей нас тематике [34].

Следует отметить еще одну форму изданий ДонГУ, включающих историко-археологические материалы – сборники отчетных научных конференций Донецкого университета. Вузовские научные конференции профессорско-преподавательского состава ДонГУ по итогам научно-исследовательской и методической работы проводились с 1993 г. Доклады и сообщения за отчетные периоды публиковались в сборниках трудов научных конференций [35–39]. Материалы по археологической тематике имели как информационный, так и обобщающие характер. Несмотря на лаконичность ряда публикаций, связанных с отчетной формой изданий, данные труды и собственно заседания секций играли важную роль в научной коммуникации, объединяя заинтересованные организации и лица (школы, музеи, краеведческие общества). Для современного анализа развития исторического знания в Донбассе труды отчетных конференций являются источником информации о применяемых методиках и методологических подходах, кадровом составе авторов, научном уровне публикаций. В эти годы традиционными для коллектива кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков являлись темы исследования курганов и поселений эпохи бронзы и раннего железного века, средневековых комплексов Донбасса, методика полевых работ.

В группу научных периодических изданий следует включить и «Вестник Мариупольского государственного университета: История. Политология» (Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Історія. Політологія). Издание, основанное в 2011 г., выходило с периодичностью два раза в год до 2017 г. Журнал публиковал исследования в области исторических и политических наук широкого тематического спектра. В ряде выпусков опубликованы материалы, связанные с археологическими исследованиями [40]. Так, один из выпусков «Вестника...» практически полностью посвящен

междисциплинарным исследованиям археологических и историко-культурных процессов на территории Восточной Европы и сопредельных регионов [41]. 13 статей охватывают широкие хронологические и географические границы – от палеолита до средневековья и от Сибири до Северного Причерноморья. В сборник включены работы, посвященные изучению конкретных археологических культур и памятников, интерпретации артефактов в широком культурно-историческом контексте; анализу социальных и религиозных практик древних обществ; историографические обзоры.

Как уже было отмечено, в Донецкой области в рассматриваемый период одним из основных учреждений, которые определяли направление археологических исследований в регионе и проводили их, был Донецкий областной краеведческий музей (в настоящее время ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей»). Основанный в декабре 1924 г., он располагает и сейчас значительным фондовым собранием – более 130 тыс. предметов, этнографическими коллекциями, документальными материалами. Чрезвычайно интересны хранящиеся в нем археологические коллекции.

В музее в 1990–2010 гг. сложился плодотворно работающий коллектив квалифицированных специалистов-археологов, выпускников ДонГУ, который проводил многоплановую работу. Среди направлений его деятельности немалое место занимала подготовка и выпуск печатных изданий, связанных с историко-археологической тематикой. Кроме уже упомянутой научной специализированной серии «Археологический альманах» в 1992 г. музей начал издавать ежегодный краеведческий сборник «Летопись Донбасса» (Літопис Донбасу»), целями которого являлись распространение знаний о регионе и привлечение внимания к его культурному наследию, популяризация истории и культурного наследия региона. «Летопись Донбасса» стала одним из устойчивых региональных изданий, ориентированных на документирование историко-культурного наследия края. В нем с 1992 г. по 2012 г. регулярно публиковались материалы по историко-археологической тематике. Подготовлено 20 выпусков [42, 43].

Археологические материалы в сборнике представлены системно и охватывают широкий спектр тем: от публикации отдельных находок до обзоров экспедиций и историографических исследований. Хронологические рамки исследований: от древнейших времен до наших дней. Существенное место среди публикаций занимали статьи, отражавшие специфику заселения края в древности и средневековье, историю открытия археологических памятников, исследования жизнедеятельности ученых, краеведов, археологов, работавших в донецком регионе, документы их научного наследия.

Хроникальный характер: статьи часто фиксируют состояние памятников, результаты спасательных работ, изменения в археологическом ландшафте региона – особенность «Летописи Донбасса, благодаря которой сборник выполнял важную функцию сохранения информации о памятниках, которые могли быть утрачены вследствие хозяйственной деятельности или военных действий.

Следует обратить внимание еще на один из видов изданий, посвященных непосредственно историко-археологической тематике. Это материалы научных конференций и научно-практических семинаров. В Донецкой области в рассматриваемый период отмечалась активная научная, краеведческая, культурно-этническая коммуникация. С 1973 по 2014 гг. только по археологической тематике прошло 36 мероприятий разного уровня – от научно-практических семинаров до международных конференций (*Таблица 2, 3*) [44, с. 90–94].

Практически все они завершились публикацией материалов проведенных научных собраний. Представление о тематике и уровне научных мероприятий дает Таблица 3**.**

Таблица 2. Научные мероприятия по археологической тематике. Донецкая область в 1970-е – 2014 гг.

№	Годы	Кол-во мероприятий
1.	1970–1979	3
2.	1980–1989	5
3.	1990–1999	10
4.	2000–2009	10
5.	2010–2014	8

Таблица 3. Научные конференции и научно-практические семинары по археологической тематике. Донецкая область. 1970-е – 2014 гг.

	Название	Даты проведения
1.	Конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Н. В. Сибилёва (ДонГУ)	1973
2.	Итоги полевых археологических исследований 1977 г. (ДонГУ), научная конференция	1977 г. 8 декабря
3.	Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Всесоюзная научная конференция	1979 г. 3–6 декабря
4.	Научные конференции ДонГУ (ДонНУ) по результатам НИР	1993, 1995, 1997, 1999-2000, 2005, 2009, 2011, 2013
5.	Археология и краеведение в школе: областной семинар	1985 г. 15–16 марта
6.	Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: научно-практический семинар	1986, 1987, 1989
7.	Организация археологических экспедиций с участием школьников: областной семинар	1988

8.	Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье: международный научный семинар	1992
9.	Археологический семинар при отделе охраны памятников археологии (Донецкий ОКМ), 1991–1993 гг.	1993
10.	Палеолит Левобережной Украины: региональные конференции	1994 май (1-я) 1996 май (2-я)
11.	Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): Международная конференция	1996
12.	Палеолит Левобережной Украины: международная научная конференция	1998 октябрь (3-я), 2002 апрель (4-я), 2004 г. апрель (5-я)
13.	Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий	2000
14.	Археология и этнология Восточной Европы: Международный студенческий конгресс, Донецк (ДонНУ)	2004 г. 15–16 октября
15.	Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні: наук.-практ. конф. Слов'янськ	2005
16.	Палеолит Левобережной Украины: Шестая международная научная конференция	2007 г. 23–26 апреля
17.	Сібільовські читання / Сибилевские чтения Научно-практический семинар, Святогорск	2008–2014
18.	Научно-практическая конференция, посвященная 60-летию со дня рождения В. К. Кульбаки (1954-2009), г. Мариуполь	2014 г. 11–12 апреля

Историко-археологическая тематика в донецких изданиях 1974–2014 гг. демонстрирует поступательное развитие региональной научной школы: от становления в 1970–1980-е годы через всплеск 1990-х к определенной устойчивости в 2000–2013 гг. Научные издания выполняли несколько важных социальных функций:

- введение в научный оборот материалов раскопок и находок;
- публикация аналитических исследований и обобщений;
- осуществление взаимодействия и обмена опытом между археологами разных регионов;
- сохранение и популяризация археологического наследия Донбасса и Восточной Европы.

Археологические публикации стали важнейшим инструментом сохранения научной информации, фиксации результатов экспедиций и формирования культурной памяти Донбасса.

Систематизация этих изданий имеет особое значение в условиях утраты части научной инфраструктуры региона после 2014 г. Она позволяет сохранить знания о развитии археологии Донбасса, реконструировать научные традиции и обеспечить преемственность исследований.

Донецкие археологические издания представляют собой уникальный корпус специальной литературы, формирующей целостное представление не только об археологическом наследии степного Донбасса и Приазовья, но и научных средствах его фиксации, изучения и сохранения. Благодаря устойчивой редакционной традиции и тесной связи с местными научными и музейными центрами, эти издания стали фундаментом для развития донецкой археологической школы и важным инструментом сохранения исторической памяти региона.

Такие издания, как «Донецкий археологический сборник», «Степи Европы в эпоху средневековья», «Археологический альманах», «Летопись Донбасса» объединяли результаты полевых исследований и историографических наблюдений, представляли музейные коллекции региона, обеспечивая тем самым введение в научный оборот материальных источников, многие из которых не могли быть представлены в общенациональных журналах.

Несмотря на сложные исторические и политические условия, научная публикационная традиция Донбасса сохраняет преемственность и продолжает вносить вклад в археологическую науку.

Список источников и литературы:

1. Кафедра археологии, истории Древнего мира и средних веков/ Сост. В. А. Косиков, Л. Г. Шепко. – Донецк: Истоки, 1999. – 48 с.

2. Косиков В. А. История исследования археологических памятников Донбасса. – Донецк, 2001. – 84 с.

3. Шепко Л. Г. Формы и условия историко-археологического изучения Северного Приазовья и Подонцовья В 60–80-х гг. XX в. // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура: Материалы Международной научно-практической конференции / отв. редакторы В. В. Касьянов, А. В. Баранов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. – С. 52–58.

4. Косиков В. А., Литвиненко Р. А. Археология в Донецком университете // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Вып. 10: Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. – Воронеж, 1997. – С. 14-19.

5. Kolesnik A. V. Milestones in the history of Donbass archaeology // Vestnik of Saint Petersburg University. History, 2016, issue 3, pp. 145-153. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.312

6. Колесник А. В., Шепко Л. Г., Манько Н. В., Полякова О. А. Археология в Донецком национальном университете в 2014–2022 гг. // Очерки истории Донецкой Народной Республики / Под ред. Л. Г. Шепко, В. В. Разумного, А. В. Колесника. – Донецк, Москва: Издательство «Перо», 2024. – С. 112–126.

7. Донецький державний університет / Г. Я. Пономаренко [та ін.]; відп. ред. В.П. Шевченко [та ін.]. – Донецьк: Отечество, 1998. –160 с.

8. Методические указания по подготовке материалов Свода памятников истории и культуры СССР. М., 1986. – 65 с.

9. Федюн Е. И. Организация и развитие исторической науки в Донецком государственном университете (1950-е – 1980-е гг.) дисс… канд. ист. наук по спец. 07.00.02 - отечественная история. Донецк, 2019. – 268 с.

10. Дегерменджи С. М. Кургани Донеччини: загальний стан, проблеми обліку та охорони // Археологический альманах. № 14. – Донецк: ООО «Лебедь», 2004. – С. 3–12.

11. Моруженко А. А. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII–III вв. до н.э. // Советская археология. 1985. №1. – С. 160–176.

12. Моруженко А. А. К вопросу о памятниках раннего железного века в бассейне Ворсклы // Советская археология. 1988. № 1. – С. 33–52.

13. Михлин Б. Ю. Сарматское погребение в Южном Донбассе // Советская археология. 1975. №2. – С.185–192

14. Привалова О. Я., Зарайская Н. П., Привалов А. И. Двугорбая Могила // Древности степной Скифии. – Киев: Наук. думка, 1982. – С. 148–178.

15. Цвейбель Д. С. Материалы мезолитической стоянки Кременная Гора в Донбассе // Материалы каменного века на территории Украины. – К., 1984. – С. 58–69.

16. Шаповалов Т. А. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины. – К.: Наук. думка, 1976. – С. 150–172.

17. Швецов М. Л. Стела V–VII вв. из Приазовья // Советская археология. № 4. 1980. – С. 268-269.

18. Шепко Л. Г. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // Советская археология. № 4. 1987. – С. 158–173.

19. Археология и краеведение в школе: Тез. обл. семинара. 15–16 марта 1985 г. – Донецк, 1985.

20. Областной научно-практический семинар «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе»: Тезисы докл. 10–11 апреля 1986 г. / Редкол.: В.П. Андриенко (отв. ред.) и др. – Донецк, 1986. – 68 с.

21. Областной научно-практический семинар «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе» (К Своду памятников истории и культуры народов СССР). 19–21 апреля 1989 г. Тезисы докладов. – Донецк, 1989. – 188 с.

22. Курганные древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н. э.: Сб. науч.тр./ ДнепропетрГУ, Каф. Историографии и источниковедения; Отв.ред. И.Ф. Ковалева. Вып. 1. Днепропетровск: ДГУ, 1977. – 139 с.

23. Проблемы археологии Поднепровья III-I тыс. до н. э.: Сборник научных трудов. – Днепропетровск: ДГУ, 1984. – 176 с.

24. Донецкий археологический сборник. Вып. 1 / науч. ред. В. А. Посредников. – Донецк: Аверс. Ко ЛТД, 1992. – 119 с.

25. Донецький археологічний збірник. – № 17. – Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2013. – 290 с.

26. Косиков В. А. Добров П. В. К 65-летию со дня рождения исследователя древнейшей истории Донбасса Виктора Федоровича Клименко // ДАС. № 10. 2002. – С. 3-8.

27. Археологический альманах. № 1. Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области / Главный редактор: А. В. Колесник. – Донецк, 1993. – 237 с.

28. Археологический альманах. № 2: Сборник статей / Главный редактор: А. В. Колесник. – Донецк, 1993. – 168 с.

29. Степи Европы и эпоху средневековья: Сб. науч. ст. / Гл. ред. А.В. Евглевский; Ин-т археологии НАН Украины; Донецкий гос. ун-т. Т.1. – Донецк: ДонГУ, 2000. – 399 с.

30. Степи Европы в эпоху средневековья. Т.13. Золотоордынское время. Сб. науч. работ / Гл. ред. А.В. Евглевский; Донецкий национальный ун-т. Т.13. – Донецк: ДонНУ, 2014. – 459 с.

31. Структурно-семиотические исследования в археологии/ гл. ред. А. В. Евглевский. Т. 1. – Донецк: ДонНУ, 2002. – 342 с.

32. Новые страницы в истории Донбасса: Ст. Кн. 1 / ред. З. Г. Лихолобова. – Донецк: Донбасс, 1992. – 115 с.

33. Історичні і політологічні дослідження/ Головн. ред. П. В. Добров. № 1–2. Донецк, 1999. – 254 с.

34. Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки / Гл. ред. В. П. Шевченко, 2008. – № 2. – 320 с.

35. Тезисы докладов вузовской научной конференции профессорско-преподавательского состава по итогам науч. – исслед. работы: гуманитарные науки (Донецк, апрель 1993 г.) / Ред кол.: Е. С. Отин (отв. ред), К.В. Першина (секретарь), А. В. Крапивин, М. Г. Сенив. ДонГУ. – Донецк, 1993. – 79 с.

36. Тезисы докладов вузовской научной конференции профессорско-преподавательского состава по итогам научно-исследовательской и методической работы: исторические науки. – Донецк: ДонГУ, 1995.

37. Праці наукової конференції ДонНУ за підсумками науково-дослідної роботи за період 1999–2000 рр. Історичні науки, політологія, міжнародні відносини і філософія) 18–20 квітня 2001 р. – Донецьк: ДонНУ, 2001. –200 с.

38. Праці наукової конференції ДонНУ за підсумками науково-дослідної роботи за період 2003–2004 рр. Секція історичних наук. – Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2005. – 172 с.

39. Матеріали наукової конференції професорсько–викладацького складу, наукових співробітників і аспірантів Донецького національного університету за підсумками науково–дослідної роботи за період 2007–2008 рр. Донецьк, 6 квітня

– 14 травня 2009 р. – Т.2. Суспільно–гуманітарні науки / Під ред. В. П. Шевченка, С. В. Беспалової. – Донецьк: Цифрова типографія, 2009.

40. Небрат С. Г. Охра в погребальном обряде катакомбных культур Северного Приазовья // Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Історія. Політологія, 2011. №2. С.121–125.

41. Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Історія. Політологія, 2012. № 4–5.

42. Летопись Донбасса: Краеведческий сборник. Вып. 1. – Донецк, 1992. – 113 с.

43. Літопис Донбасу: Краєзнавчий збірник. Випуск № 20 / Складання і оформления: Дєдкова О. М. – Донецьк, 2012. – 198 с.

44. Колесник А. В., Гриб В. К. Археология Донбасса: учебно-методическое пособие для студентов очной и заочной форм обучения по направлению подготовки 46.04.01 «История» / – 2-е изд., перераб. и доп. – Донецк: ГОУ ВПО «ДонНУ», 2020. – 98 с.

REFERENCES

1. *Abstracts of the University Scientific Conference of Faculty Members. Humanities Section. Donetsk State University, April 1993.* Edited by E. S. Otin et al. Donetsk, 1993.

2. *Abstracts of the University Scientific Conference of Faculty Members. Historical Sciences Section*. Donetsk: Donetsk State University, 1995. (In Russian).

3. *Archaeological Almanac. No. 1: Catalog of Chance Finds from Archaeological Collections of Donetsk Region*. Edited by A. V. Kolesnik. Donetsk, 1993. (In Russian).

4. *Archaeology and Local History in School. Abstracts of the Regional Seminar*, March 15–16, 1985. Donetsk, 1985. (In Russian).

5. *Arkheologicheskii al'manakh = Archaeological Almanac.* No. 2: Collection of Articles. Edited by A. V. Kolesnik. Donetsk, 1993. (In Russian).

6. Degermendzhi, S. M. "Kurgans of Donetsk Region: General Condition, Problems of Registration and Protection". *Arkheologicheskii al'manakh = Archaeological Almanac,* 14, 2004, Donetsk: Lebed, pp. 3–12. (In Ukrainian).

7. *Department of Archaeology, History of the Ancient World and the Middle Ages*. Compiled by V. A. Kosikov and L. G. Shepko. Donetsk: Istoki, 1999. (In Russian).

8. *Donetsk State University*. By G. Ya. Ponomarenko et al.; edited by V. P. Shevchenko et al. Donetsk: Otechestvo, 1998. (in Ukrainian).

9. *Donetskii arkheologicheskii sbornik* = Donetsk Archaeological Collection. Vol. 1. Edited by V. A. Posrednikov. Donetsk: Avers Co. Ltd., 1992. (In Russian).

10. *Donets'kyy arkheolohichnyy zbirnyk. = Donetsk Archaeological Collection*. No. 17. Donetsk: Donetsk University Press, 2013.

11. Fedyun, E. I. *Organization and Development of Historical Scholarship at Donetsk State University (1950s–1980s)*. *PhD dissertation (History)*, Donetsk, 2019.

(In Russian).

12. *Istorychni i politolohichni doslidzhennya = Historical and Political Studies.* Edited by P. V. Dobrov. Nos. 1–2. Donetsk, 1999.

13. Kolesnik, A. V. Milestones in the history of Donbass archaeology. *Vestnik of Saint Petersburg University.* History, 2016, issue 3, pp. 145-153. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.312. (In English)

14. Kolesnik, A. V., and V. K. Grib. *Archaeology of the Donbas: A Teaching Manual for Full-Time and Part-Time Students in the Field of History*. 2nd ed., revised and expanded. Donetsk: DonNU, 2020. (In Russian).

15. Kolesnik, A. V., Shepko L. G., Manko N. V., and Polyakova O. A. "Archaeology at Donetsk National University in 2014–2022." In: *Essays on the History of the Donetsk People's Republic*, edited by L. G. Shepko, V. V. Razumny, and A. V. Kolesnik, Donetsk; Moscow: Pero Publishing, 2024, pp. 112–126. (In Russian).

16. Kosikov, V. A. *History of the Study of Archaeological Sites of the Donbas*. Donetsk: Istoki, 2001. (In Russian).

17. Kosikov, V. A., and Dobrov P. V. "On the 65th Anniversary of Viktor Fedorovich Klimenko, Researcher of the Earliest History of the Donbas." *Donetskii arkheologicheskii sbornik = Donetsk Archaeological Collection* No. 10. Donetsk, 2002, pp. 3–8. (In Russian).

18. Kosikov, V. A., and R. A. Litvinenko. "Archaeology at Donetsk University." In: *Arkheologiya Vostochnoevropeiskoi lesostepi. Pyat'desyat polevykh sezonov arkheologov Voronezhskogo universiteta = Archaeology of the East European Forest-Steppe*, No. 10: *Fifty Field Seasons of Archaeologists of Voronezh University*, Voronezh, 1997, pp. 14–19.

19. *Kurgannyye drevnosti Stepnogo Podneprov'ya III–I tys. do n. e = Kurgan Antiquities of the Steppe Dnieper Region, 3rd–1st Millennia BC.* Collection of Scholarly Works. Edited by I. F. Kovaleva. Dnepropetrovsk: DGU, 1977.

20. *Litopys Donbasu. Krayevedcheskiy sbornik =Chronicle of the Donbas: Local History Collection.* Vol. 1. Donetsk, 1992.

21. *Litopys Donbasu: Krayeznavchyy zbirnyk = Chronicle of the Donbas: Local History Collection.* Vol. 20. Compiled and designed by O. M. Dedkova. Donetsk, 2012.

22. *Materials of the Scientific Conference of Faculty, Researchers, and Graduate Students of Donetsk National University, 2007–2008.* Vol. 2: Social and Humanitarian Sciences. Edited by V. P. Shevchenko and S. V. Bespalova. Donetsk: Digital Typography, 2009.

23. *Methodological Guidelines for Preparing Materials for the Corpus of Monuments of History and Culture of the USSR.* Moscow, 1986.

24. Mikhlin, B. Yu. "A Sarmatian Burial in Southern Donbas." *Soviet Archaeology.* 1975, No. 2, pp. 185–192.

25. Moruzhenko, A. A. "Hillforts of the Forest-Steppe Tribes of the Dnieper–Don Interfluve of the 7th–3rd Centuries BC." *Soviet Archaeology,* 1985, No.1, pp. 160–176.

26. Moruzhenko, A. A. "On the Question of Early Iron Age Sites in the Vorskla Basin." *Soviet Archaeology.* 1988, No.1, pp. 33–52.

27. Nebrat, S. H. “Ochre in the Funerary Rite of Catacomb Cultures of the Northern Azov Region.” *Visnyk Mariupol's'koho derzhavnoho universytetu. Ser.: Istoriya. Politolohiya*, = *Bulletin of Mariupol State University: History and Political Science,* 2011, No.2, pp. 121–125.

28. *Novyye stranitsy v istorii Donbassa* = *New Pages in the History of the Donbas.* Book 1. Edited by Z. H. Likholobova. Donetsk: Donbass, 1992.

29. Privalova, O. Ya., N. P. Zaraiskaya, and A. I. Privalov. “The Two-Humped Mound.” In: *Drevnosti stepnoy Skifii* = *Antiquities of Steppe Scythia*. Kiev: Naukova Dumka, 1982, pp. 148–178.

30. *Problems of the Archaeology of the Dnieper Region, 3rd–1st Millennia BC.* Collection of Scholarly Works. Dnepropetrovsk: DGU, 1984.

31. *Proceedings of the Donetsk National University Scientific Conference, 1999–2000. Historical Sciences, Political Science, International Relations, and Philosophy*. April 18–20, 2001. Donetsk: DonNU, 2001.

32. *Proceedings of the Donetsk National University Scientific Conference, 2003–2004. Historical Sciences Section*. Donetsk: DonNU Press, 2005.

33. *Regional Scientific-Practical Seminar “Problems of Protection and Study of Archaeological Monuments in the Donbas”.* Abstracts of Papers, April 10–11, 1986. Edited by V. P. Andrienko et al. Donetsk, 1986.

34. *Regional Scientific-Practical Seminar “Problems of Protection and Study of Archaeological Monuments in the Donbas”* (For the Corpus of Monuments of the USSR). Abstracts of Papers, April 19–21, 1989. Donetsk, 1989.

35. Shapovalov, T. A. “A Settlement of the Srubnaya Culture near the Village of Illichevka on the Seversky Donets.” In: *Eneolit i bronzovyy vek Ukrainy = The Eneolithic and Bronze Age of Ukraine*, Kyiv: Naukova Dumka, 1976, pp. 150–172.

36. Shepko, L. G. “Forms and Conditions of Historical-Archaeological Study of the Northern Azov Region and the Donets Basin in the 1960s–1980s.” In *The Black Sea–Mediterranean Region in the Context of Russia’s National Interests: History, Politics, Culture: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference*, edited by V. V. Kasyanov and A. V. Baranov. Krasnodar: Kuban State University, 2022, pp. 52–58.

37. Shepko, L. G. “Late Sarmatian Kurgans in the Northern Azov Region.” *Soviet Archaeology,* 1987, No. 4, pp. 158–173.

38. Shvetsov, M. L. “A Stele of the 5th–7th Centuries from the Azov Region.” *Soviet Archaeology* 1980, No.4, pp. 268–269.

39. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya.* = T*he Steppes of Europe in the Middle Ages.* Vol. 1. Edited by A. V. Evglevsky. Donetsk: Donetsk State University, 2000.

40. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya.* Vol. 13 *Zolotoordynskoe vremya = The Steppes of Europe in the Middle Ages*. Vol. 13: *The Golden Horde Period*. Edited by A. V. Evglevsky. Donetsk: Donetsk National University, 2014.

41. *Strukturno-semioticheskiye issledovaniya v arkheologii = Structural-Semiotic Studies in Archaeology.* Vol. 1. Edited by A. V. Evglevsky. Donetsk: Donetsk National University, 2002.

42. Tsveibel, D. S. “Materials from the Mesolithic Site of Kremennaia Gora in the Donbas.” In: *Materialy kamennogo veka na territorii Ukrainy = Materials of the Stone Age on the Territory of Ukraine*. Kiev, 1984, pp. 58–69.

43. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnyye nauki = Bulletin of Donetsk National University: Series B, Humanities*. Edited by V. P. Shevchenko. No. 2 (2008). Donetsk, 2008.

44. *Visnyk Mariupol's'koho derzhavnoho universytetu. Ser.: Istoriya. Politolohiya*, *= Bulletin of Mariupol State University: History and Political Science.* Nos. 4–5, 2012.

Данные автора статьи

Шепко Лариса Георгиевна Доктор исторических наук ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» ORCID 0000-0003-2155-7812	**Shepko Larisa Georgievna** Doctor of historical sciences FSBEI HE “Donetsk State University” ORCID 0000-0003-2155-7812

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47).083+94(593):930
DOI: 10.5281/zenodo.22102087
EDN: TWEEGW

В.В. Разумный
кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

Е.Р. Кот
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: kotelena20167@mail.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И СИАМА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация

Статья посвящена историографическому анализу развития российско-сиамских отношений в период с середины XIX – в начале XX века. В работе рассматривается эволюция подходов отечественной и зарубежной исторической науки к изучению дипломатических, политических и культурных контактов двух стран. Основное внимание уделяется смене исследовательских парадигм: от описательных и мемуарных трудов дореволюционного периода и классово-ориентированного подхода советской историографии к современному комплексному анализу в рамках теории «реальной политики» и культурного трансфера. Авторы определяют основные дискуссионные вопросы, связанные с оценкой эффективности российского влияния в Юго-Восточной Азии и характером взаимодействия правящих элит, а также выявляют лакуны для дальнейших исследований на стыке политической истории и имагологии.

Ключевые слова: *Сиам (Таиланд), внешняя политика, Российская империя, историография.*

Summary

This article is devoted to the study of historiography of the development of Russian-Siamese relations from the mid 19th century to the early 20th century. It examines the evolution of approaches in Russian and foreign historical scholarship to the study of diplomatic, political, and cultural interactions between the two countries. The article focuses on the shift in research paradigms, moving from descriptive and

© Разумный В.В., Кот Е.Р., 2026

memoir-based works in the pre-revolutionary period and the class-based approach of Soviet historiography to modern comprehensive analysis based on the theories of "realpolitik" and cultural transfer. The author identifies the main issues of discussion related to the assessment of the effectiveness of Russian influence in Southeast Asia and the nature of elite interaction, and also identifies promising gaps for further research at the intersection of political history and imagology.

Keywords: *Siam (Thailand), Foreign policy, Russian Empire, historiography.*

В начале XXI века историческая ретроспектива государств Юго-Восточной Азии, и в частности, Таиланда, долгое время известного под именем Королевство Сиам (Таиланд), превратилась в объект глубокого и систематического анализа как в отечественной, так и в мировой академической среде. Однако стоит признать, что в дореволюционный период российская наука не располагала базой для планомерного изучения этой страны, и вопросы становления российско-сиамских отношений практически не поднимались на официальном уровне. Весь массив имевшихся тогда знаний ограничивался разрозненными очерками, путевыми дневниками и краткими заметками в средствах массовой информации, которые носили скорее описательный характер и в большинстве случаев являлись вторичными компиляциями, основанными на трудах западноевропейских миссионеров, коммерсантов и мореплавателей. Поэтому, на наш взгляд, вопрос изучения историографии взаимоотношений России и Сиама в XIX – начале XX веков является актуальным и заслуживает внимания со стороны исследователей.

Цель данной статьи состоит в изучении историографии взаимоотношений Российской империи и Королевства Сиам в XIX – начале XX вв.

Приступая к рассмотрению историографии вышеуказанной проблемы, следует подчеркнуть тот факт, что авторы данной работы не ставят целью рассмотреть все работы отечественных и зарубежных историков, посвященных исследованию взаимоотношений между Россией и Сиамом в указанный хронологический период. На наш взгляд, необходимо сконцентрировать внимание на наиболее значимых исследованиях по данному вопросу.

Первой серьезной попыткой познакомить российское научное сообщество с историей и культурой Сиамского королевства стала многотомная работа выдающегося русского энциклопедиста, экономиста и этнографа второй половины XVIII века Михаила Дмитриевича Чулкова. Его монументальный труд под названием «История Российской коммерции», состоящий из двадцати одной книги, стал уникальным для того времени источником информации. Благодаря своей профессиональной деятельности в Коммерц-коллегии и Сенате, М.Д.Чулков имел доступ к закрытым административным и статистическим материалам, что позволило ему составить детальное описание многих восточных стран. В его работе Королевство Сиам представлено не как экзотическая заморская территория, а как экономически активное государство с развитой горнодобывающей промышленностью, где уже тогда функционировали предприятия по добыче и переработке олова, серебра и свинца [1].

Особую ценность представляет проведенный М.Д.Чулковым анализ международной торговли региона Юго-Восточной Азии. Он довольно подробно описывал оживленные коммерческие связи сиамских купцов не только с ближайшими азиатскими соседями, но и с ведущими европейскими державами, особо выделяя роль Нидерландов. Примечательно, что автор не просто фиксировал торговые обороты, но и обращал внимание на эксплуататорский, неравноправный характер взаимодействия европейцев с местным населением, подчеркивая, что голландские торговцы извлекали колоссальные прибыли, перепродавая сиамские металлы по всей Индии. Содержательность и глубина этого раздела в труде М.Д.Чулкова позволяют современным историкам сделать обоснованное предположение о том, что в недрах российской Коммерц-коллегии еще в период правления императрицы Екатерины Великой всерьез обсуждались возможности и способы установления прямых торговых отношений с Королевством Сиам [1].

Дальнейшее развитие научного интереса к региону Юго-Восточной Азии в России было неразрывно связано с геополитическими процессами, которые стали более активны во второй половине XIX века. Успешное продвижением русских предпринимателей в страны Востока, исследование тихоокеанских рубежей и общемировая тенденция вовлечения азиатских рынков в мировую экономическую сферу XIX столетия способствовали росту интереса к странам Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. В первой половине XIX века информация о Сиаме стала все чаще проникать на страницы массовой периодической печати и популярных литературных журналов. Несмотря на то, что большинство этих публикаций по-прежнему опиралось на иностранные источники и переводы зарубежной прессы, они сыграли критически важную роль в формировании общественного мнения. Благодаря этим статьям российская читающая аудитория постепенно получала представление о культурных традициях, менталитете, социально-политическом устройстве и повседневном быте сиамского народа, что в конечном итоге подготовило почву для более серьезного научного и дипломатического сближения двух стран.

Начиная с 1860-х годов, характер информированности российского общества о Сиамском государстве претерпел качественную трансформацию. На смену компиляциям из иностранных источников пришли аутентичные свидетельства соотечественников. Важнейшим каналом поступления актуальных сведений стали профессиональные отчеты и путевые заметки российских морских офицеров, чьи рапорты о посещении сиамских портов регулярно публиковались на страницах специализированного военно-морского издания «Морской сборник». Кроме того, участники кругосветных морских экспедиций публиковали полноценные труды, в которых не только описывали экзотическую природу, но и давали серьезную аналитическую оценку международной ситуации вокруг этой страны. Здесь следует, на наш взгляд, выделить значение работы А.Я. Максимова, которая была опубликована в 1876 году редакцией журнала «Всемирный путешественник» [2]. Его автор – известный русский писатель, который в 1870-х годах служил гардемарином на

корвете «Аскольд» российского военно-морского флота. Он оставил интересные заметки о пребывании корвета в Королевстве Сиам. Однако, на наш взгляд, его работа имела скорее публицистический характер.

В второй половине XIX века в России сформировался устойчивый интерес к процессам внутренней модернизации Королевства Сиам. В частности, в российской научной среде усилился интерес к тем масштабным административным и политическим преобразованиям, которые предпринимало Сиамское правительство для укрепления своей государственности. Об этом свидетельствовали публикации в издании «Всемирный путешественник» [3].

Свой вклад в расширение знаний о регионе Юго-Восточной Азии внес выдающийся русский путешественник и ученый-гуманист Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Он в своих работах зафиксировал ценные наблюдения о жизни города Бангкока, который посетил в 1875 году. Н.Н. Миклухо-Маклай указывал, что этот город сравнительно недавно получил столичный статус [4]. Бангкок стал столицей Королевства Сиам в 1782 году и к моменту визита Н.Н. Миклухо-Маклая был столицей страны чуть более 90 лет.

Особое место в летописи российско-сиамских контактов занял рубеж веков, ознаменованный выходом в свет фундаментального описания восточного путешествия будущего российского императора Николая II. Автором этого труда, опубликованного в 1895 году, являлся князь Эспер Эсперович Ухтомский – один из идеологов расширения влияния Российской империи в дальневосточном регионе. Будучи членом свиты Великого князя во время его зарубежной поездки в 1890–1891 годах, князь Э.Э. Ухтомский рассматривал Королевство Сиам не просто как объект для путешествия, а как важнейший геополитический узел в системе международных отношений конца XIX века. В его работе четко прослеживается критика пассивности российского внешнеполитического ведомства. Он с горечью писал об отсутствии интереса в правительственных кругах Российской империи к Сиаму. Более того, он прозорливо предостерегает о неизбежном вмешательстве Великобритании и Франции в экономические и политические дела Индокитая. Князь Ухтомский последовательно доказывал, что в интересах будущего процветания России на Дальнем Востоке необходимо всячески способствовать сохранению суверенитета и беспрепятственного развития Сиама. Учитывая тесную связь князя с влиятельным государственным деятелем Сергеем Юльевичем Витте, его суждения, на наш взгляд, можно считать отражением официальной доктрины царского правительства, видевшего в Королевстве Сиам потенциального союзника в борьбе за влияние в Азии [5].

По мнению большинства исследователей, к началу XX века в России уже был накоплен значительный объем информации о Сиаме, однако дальнейшие революционные события в России внесли свои коррективы в динамику российско-сиамских отношений. После краха Российской империи и установления власти большевистского правительства начался новый этап развития отношений между двумя странами. В советской историографии произошел процесс переосмысления истории взаимоотношений с государствами

Азии. Это переосмысление базировалось на принципах марксистско-ленинской методологии и системном анализе социально-экономических процессов. Советские ученые-востоковеды сделали ставку не на изучение отдельных внутренних процессов в Королевстве Сиам, а обратили внимание на сложные хитросплетения внешней политики, включая роль Российской империи в судьбе региона Юго-Восточной Азии.

Значительный вклад в изучение русско-сиамских отношений последней трети XIX века сделал исследователь А. Л. Попов. В своей статье он убедительно обосновал историческую детерминированность сближения Петербурга и Бангкока в конце XIX века. Эта статья была опубликована в 1924 году в журнале «Новый Восток», который был опубликован Всероссийской научной ассоциацией востоковедения при Народном комиссариате по делам национальностей [6]. Исследователь А.Л. Попов, рассматривал установление дипломатических связей через призму общих геополитических задач российского царизма. Согласно концепции А.Л. Попова, активизация контактов с Королевством Сиам была неразрывно связана с российской экспансией в Китае в конце XIX века и необходимостью защиты экономических интересов отечественного капитализма на дальневосточных рубежах [6]. При этом, следует подчеркнуть тот факт, что А.Л. Попов не ограничивался лишь российской стороной вопроса, детально раскрывая и мотивацию сиамской правящей элиты, которая настойчиво искала в лице России надежного союзника для противодействия колониальному давлению стран Запада.

В последующие десятилетия советская историческая наука, хотя и продолжала проявлять интерес к международному положению Юго-Восточной Азии и агрессивной политике капиталистических держав в этом регионе, на некоторое время оставила тему двухсторонних связей России и Сиама без должного внимания. Следует подчеркнуть тот факт, что весной 1941 года была сделана попытка установить дипломатические отношения между СССР и Королевством Таиланд, именно такое название страна получила в 1939 году. Однако, этому вновь помешали внешнеполитические факторы. Японские войска 8 декабря 1941 года вошли на территорию Таиланда, используя ее как плацдарм для вторжения в британскую Бирму и Малайзию. Благодаря этим событиям, Таиланд был вовлечен в орбиту внешней политики Японии, а уже 25 января 1942 года правительство Таиланда объявило войну США и Великобритании. В этих условиях контакты между Москвой и Бангкоком в период Второй мировой войны были ограничены. Только лишь в 1947 году были восстановлены дипломатические отношения между двумя странами и в Бангкоке была открыта дипломатическая миссия СССР.

Новый импульс исследованиям российско-сиамским отношений был дан в середине 1960-х годов после публикации фундаментальной работы Н. В. Ребриковой [7]. Она сумела четко реконструировать и сформулировать официальную позицию царского правительства в периоды наиболее драматичных международных кризисов, когда борьба великих держав за влияние над Сиамом достигала своего апогея.

Дальнейшее развитие эта тема получила в подготовленных Н. В. Ребриковой аналитических обзорах и исторических справках к масштабным публикациям архивных документов по истории Юго-Восточной Азии. Опираясь на богатый пласт первоисточников, она акцентировала внимание на динамической природе межгосударственных отношений, которые трансформировались в зависимости от конкретного исторического контекста. Тем не менее, ключевым выводом ее изысканий стало утверждение о том, что стратегической целью российской дипломатии всегда оставалось поддержание Status Quo в Сиаме. Такая позиция России, продиктованная ее собственными внешнеполитическими интересами, объективно выступала мощным фактором сдерживания колониальных аппетитов других империй и играла решающую роль в сохранении государственной независимости и территориальной целостности Королевства Сиам. Данная теоретическая концепция была воспринята и развита целым поколением советских востоковедов, став фундаментом для современного осмысления истории Таиланда [12].

Следует подчеркнуть тот факт, что к изучению темы российско-сиамских отношений в конце XIX – начале XX вв. советские историки вернулись в начале 1970-х годов, когда регион Юго-Восточной Азии вновь стал центром внимания всего мира. Это было связано с национально-освободительной борьбой народов Индокитая против американских агрессоров. В 1973 году была опубликована работа историка Э.О. Берзина «История Таиланда (краткий очерк). В этой работе очень фрагментарно была дана информация о роли России во внешней политики Сиама. Историк Э.О. Берзин указывал, что «на Россию, не имевшую непосредственных колониальных интересов в Юго-Восточной Азии, сиамское правительство возлагало большие надежды и давно пыталось установить с ней тесные контакты. Чулалонгкорн встретил в Петербурге благожелательный прием. Была достигнута договоренность об обмене посольствами» [8, с.105].

Значительный вклад в научное осмысление внешнеполитической позиции Российской империи по истории Сиама в конце XIX столетия внесли исследовательские изыскания Ю. П. Дементьева [9 – 10]. Анализируя острую конкуренцию между ведущими империалистическими державами того времени, в первую очередь Великобританией и Францией, за доминирование в Индокитае, автор акцентирует внимание на том, что колониальные амбиции этих стран неизбежно сталкивались с весомым фактором российского дипломатического присутствия в регионе. Согласно выводам Ю.П. Дементьева, стратегия Петербурга преследовала комплекс взаимосвязанных целей, направленных на сохранение баланса сил. С одной стороны, дипломатическая поддержка Франции рассматривалась как эффективный инструмент для сдерживания экспансии Великобритании, чье усиление в Азии традиционно воспринималось Россией как угроза собственным государственным интересам.

С другой стороны, российское правительство стремилось выступать гарантом стабильности, прилагая усилия для деэскалации потенциальных конфликтов в Индокитае и способствуя нормализации отношений между Бангкоком и Парижем после военного конфликта 1893 года. Такая

многовекторная и взвешенная политика России создавала уникальные условия, в которых сиамская монархия получала пространство для сложного дипломатического лавирования между двумя колониальными гигантами, что в конечном итоге позволило государству отстоять суверенитет над оставшимися территориями [9].

В 1975 году была опубликована монография «Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки», в которой раздел по историографии Таиланда написал известный ленинградский востоковед Б.Н. Мельниченко [11]. Он рассмотрел вопрос об изучении российско-сиамских отношений в конце XIX – начале XX вв. в трудах отечественных и зарубежных историков.

В 1983 году в Москве исследователь А.С. Гузин успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Русско-сиамские отношения в 1863–1917 гг.». На наш взгляд, это было первое научное исследование, в котором детально были рассмотрены вопросы взаимоотношения Российской империи и Королевства Сиам. В этой фундаментальной работе автор глубоко изучил причины возникновения дипломатических отношений между Россией и Сиамом на рубеже столетий, а также уделил внимание деятельности русских дипломатов в Сиаме в период Первой мировой войны. Он подчеркивал, что «в советской и зарубежной исторической литературе нет работ, где бы рассматривались дипломатические, политические, экономические и культурные взаимоотношения между Россией и Сиамом на всем протяжении их истории: от момента их возникновения и до Октябрьской революции. Изучение русско-сиамских отношений расширяет также знание таких важных проблем, как мотивы и особенности колониальной политики ведущих капиталистических держав в Юго-Восточной Азии, суть и значение их противоречий в этом районе» [13]. Исследователь А.С. Гузин предложил свою периодизацию русско-сиамских отношений, взяв стартовую дату с событий 1863 года, когда состоялись первые непосредственные контакты между представителями двух стран. Именно тогда, в феврале 1863 года два корабля Тихоокеанской эскадры Российского флота – винтовой клипер «Гайдамак» и корвет «Новик» – бросили якорь в устье реки Чаопрайя.

Для формирования максимально глубокого и многогранного представления о характере русско-сиамского взаимодействия и в целом о политике великих держав в этом регионе неоценимое значение имеют фундаментальные труды советских историков, посвященные общим проблемам дальневосточной политики [14 – 15]. Несмотря на то, что в данных работах вопросы взаимоотношений Петербурга и Бангкока зачастую не выделяются в качестве самостоятельного объекта исследования, они задают необходимый масштабный контекст, позволяющий понять логику действий России на международной арене. Без учета глобальных геополитических процессов того времени невозможно адекватно оценить частные эпизоды дипломатической истории Сиама.

В то же время работы советских историков-востоковедов, посвятивших себя детальному изучению внутренней социально-экономической и политической жизни Королевства Сиам, послужили важнейшей методологической и фактологической опорой для анализа внешнеполитического курса сиамских правящих кругов. Глубокое понимание процессов модернизации, происходивших внутри страны, и специфики ее государственного устройства позволило исследователям с высокой точностью выявить те объективные причины и внутренние предпосылки, которые диктовали сиамской дипломатии необходимость искать покровительства и защиты именно у Российской империи. Синтез общеисторических подходов и узкоспециализированных исследований создал прочный научный фундамент для раскрытия всей сложности и значимости российско-сиамского сближения в рассматриваемый исторический период.

Вместе с тем, критический анализ существующей литературы позволяет констатировать, что, несмотря на определенные успехи советских востоковедов, ранняя стадия развития межгосударственных связей России и Сиама до сих пор не получила исчерпывающего освещения. Это во многом обусловлено тем, что исследователи прошлого не в полной мере задействовали богатейший пласт как опубликованных, так и неопубликованных архивных материалов, а также практически не привлекали данные русской периодической печати того времени, которая могла бы пролить свет на общественное восприятие сближения двух стран. Еще более лакунарным выглядит состояние изученности вопроса применительно к эпохе империализма, которая, по сути, остается «белым пятном» в отечественной науке, требуя глубокого переосмысления роли России в сложной системе международных противоречий начала XX века.

Для создания объективной картины историографии взаимоотношений Российской империи и Королевства Сиам в XIX – начале XX вв. необходимо рассмотреть работы зарубежных исследователей. Следует выделить тот факт, что ситуация в таиландской исторической науке характеризовалась еще большим отсутствием внимания к данной проблематике. Вопросы взаимодействия Сиама с Российской империей не только не становились объектом специализированных изысканий, но и зачастую полностью игнорировались даже в фундаментальных трудах по истории внешней политики Королевства Сиам. Характерной чертой таиландской историографии является ее выраженная монархическая и националистическая направленность, что наложило глубокий отпечаток на интерпретацию исторических событий.

Этот идеологический крен стал особенно заметен в работах, увидевших свет в годы Второй мировой войны, когда внешнеполитический курс Бангкока, ориентированный на союз с императорской Японией, диктовал необходимость легитимации амбициозных планов по созданию экспансионистского государства «Великое Таи». В этот период правительственные публикации и теоретические изыскания таких авторов, как К. Субамонкала и Вичит Вадакарн, преследовали четко очерченную политическую задачу – обосновать историческую несправедливость и незаконность захватов Францией лаосских и камбоджийских

территорий, ранее находившихся под сюзеренитетом Сиама [16 – 18]. Несмотря на очевидную политическую ангажированность и пропагандистский характер подобных работ, они тем не менее представляют значительный интерес для современной науки. В частности, труд Субамонкалы, насыщенный многочисленными выдержками из документов французских архивов, парадоксальным образом служит ценным источником для понимания агрессивной и экспансионистской сущности политики Третьей Республики в Индокитае, позволяя более детально реконструировать методы колониального давления, которыми Франция пользовалась в отношении стран региона [17].

В работах зарубежных исследователей в период 1960-х годов была тенденция рассмотрения внешней политики Сиама через призму политической воли монархов этой страны, с акцентом на доминирование французской дипломатии в вопросах выборах внешнеполитических векторов развития [19 – 20].

В 1995 году в Бангкоке была опубликована монография британского историка Патрика Така «Французский волк и сиамский ягненок. Французская угроза независимости Сиама 1858 – 1907» [21]. Автор анализирует, как Франция на протяжении почти полувека после захвата Кохинхины в 1858 году постепенно подтачивала суверенитет Сиама. К 1890-м годам французские колониальные власти, под влиянием успешных колониальных завоеваний в Африке и Тихом океане, стали рассматривать возможность захвата всего Сиама. Их цель заключалась в создании «Большого Индокитая» по образцу Британской Индии. Целостность и само существование сиамского государства оказались под серьезной угрозой. В основе исследования британского историка лежит обширный массив ранее не использовавшихся французских архивных материалов. Историк Патрик Так подробно изучал, как менялись цели и методы французской экспансии в Индокитае. Ключевой вывод автора: амбиции Франции были в итоге сдержаны благодаря умелой дипломатии Великобритании.

Это мнение, на наш взгляд, является субъективным, поскольку британский историк не принимает во внимание деятельность русских дипломатов по редуцированию франко-сиамских противоречий в конце XIX века. Для объективности необходимо привести мнение российского историка А.И. Пылевой, выраженное в статье, опубликованной в журнале «Вестник Санкт-Петербургского университета»: «Во время пребывания Чулалонгкорна в России в 1897 г. российская дипломатия, располагавшая тогда существенным влиянием на внешнеполитический курс Франции, совершила ряд шагов, чтобы убедить французскую сторону «в полезности хороших отношений с Сиамом» [28].

К столетнему юбилею установления дипломатических отношений между Сиамом (Таиландом) и Россией были опубликованы несколько научных исследований, которые расширили историографию изучаемой проблемы. Здесь следует назвать работы известного историка Б.Н. Мельниченко, о котором мы уже выше упоминали [22 – 27]. Часть этих работ были написаны в соавторстве с С.Е. Трифоновым и А.И. Пылевой.

Работы Б.Н. Мельниченко отличались оригинальностью выводов, введением в научный оборот новых документов и мастерским использованием исторических источников. На наш взгляд, заслуживает внимания работа «Таиландские и отечественные публикации о визите короля Сиама (Таиланда) Рамы V Чулалонгкорна в Россию в 1897 г.», в которой на основании источников был сделан убедительный вывод о том, что «визит короля Чулалонгкорна в Россию в 1897 г. дал импульс дальнейшему развитию российско-таиландских отношений. В Таиланде имя Чулалонгкорна Великого, просвещенного монарха, короля-реформатора, окружено особым почтением. По вкладу в развитие своей страны, масштабу личности его сравнивают с Петром Великим в России» [27].

В 2017 году в журнале «Вестник Московского университета» была опубликована статья таиландского исследователя Рома Фирамонтри «Роль императора Николая II в борьбе за сохранение независимости Сиама. К 120-летию дипломатических отношений Таиланда и России». Высоко оценивая деятельность царя Николая II, он подчеркивал: «2017 г. – юбилейный для наших стран. 120-летие со времени установления дипломатических отношений отмечается наряду с другим знаменательным событием в истории Таиланда – 100-летием основания Чулалонгкорнского университета» [29, с. 61]. Центр изучения России Чулалонгкорнского университета совместно с Посольством Российской Федерации в Таиланде и Фондом Православной Церкви в Таиланде решили установить в центре Бангкока во дворце Паруссакаван памятник двум выдающимся монархам России и Сиама. Прототипом бронзового памятника послужила известная фотография, запечатлевшая двух монархов во время посещения королем Чулалонгкорном Санкт-Петербурга в 1897 г.

Вопросы изучения историографии российско-сиамских отношений на рубеже XIX и XX столетий были освещены в работах Е.А. Фомичевой. В них был сделан акцент на традициях изучения истории Сиама (Таиланда) в России [30 ; 34].

В 2019 году аспирант кафедры истории журналистики Санкт-Петербургского государственного университета Палахан Наттаноп опубликовал статью «История российско-таиландских отношений на страницах тайской версии журнала «Советский Союз»». В ней он привел интересный факт о том, что в конце XIX века русский композитор П. А. Щуровский написал гимн Сиама [31, с. 153]. На наш взгляд, это момент позволяет утверждать, что в конце 1890-х годов Российская империя имела значительное влияние в политической жизни Королевства Сиам.

В 2020 году была опубликована работа Ю.Л. Сергаева «Сиам и российский императорский флот. История становления дипломатических отношений: монография». Автор монографии утверждал, что более чем 150 лет назад Российский императорский флот сыграл уникальную роль в установлении дипломатических отношений между Россией и Таиландом. По его мнению, это случилось задолго до 1897 года, когда король этой страны договорился с российским императором об обмене дипломатическими миссиями [32]. В этой

монографии рассказывается о малоизвестных страницах истории легендарного русского крейсера «Аврора» и о его «сиамском» походе. Особый акцент сделан на изучении истории становления российско-сиамских отношений и роли в них военно-морского флота России.

Деятельности русского дипломата Г.А. Плансона в Королевстве Сиам в начале XX века была посвящена статья историка А.М. Харитоновой «Сиам глазами русского дипломата (по дневниковым записям Г. А. Плансона)», опубликованная в научном журнале Петрозаводского государственного университета в 2020 году. Автор статьи считала, что содержание дневниковых записей дипломата можно разделить на четыре тематических блока: российско-сиамские отношения, международная жизнь в Бангкоке, дипломатический досуг и фиксация входящей и исходящей корреспонденции. В работе А.М. Харитоновой подчеркивается, что проведенный анализ позволяет не только определить, каким представлялось в то время Королевство Сиам российскому дипломату, но и сделать предварительные выводы о господствующих тенденциях и настроениях в дипломатических кругах Бангкока 1910-х годов» [33, с.27].

Подводя итоги историографического анализа отношений России и Сиама в XIX – начале XX веков, можно констатировать существенную эволюцию научных взглядов. Они трансформировались от первичного накопления фактов и описания монархических визитов в дореволюционный период до глубокого концептуального осмысления геополитической роли России в Юго-Восточной Азии в современных исследованиях. Если дореволюционные авторы акцентировали внимание преимущественно на личном покровительстве Николая II и экзотическом характере контактов, то советская историческая школа внесла важный вклад в изучение антиколониального аспекта, рассматривая Россию как объективного союзника Сиама в его борьбе против англо-французской экспансии.

В современной науке сложился устойчивый консенсус относительно того, что российско-сиамское сближение стало классическим примером реализации политики «третьей силы», где Сиам мастерски использовал дипломатический авторитет Петербурга для сохранения своего государственного суверенитета. Исследователи единодушны в том, что отсутствие у Российской империи прямых колониальных амбиций в регионе сделало её идеальным партнером для Бангкока, создав уникальный для того времени прецедент бескорыстной дипломатической поддержки. При этом современный историографический дискурс выделяет характерный дисбаланс того периода: успешные политические и личные связи монархов так и не получили прочного экономического фундамента, что ограничило долгосрочное влияние России в Сиаме.

В конечном счете, изучение данной темы в исторической перспективе демонстрирует переход от узкодипломатического анализа к междисциплинарному подходу, включающему вопросы культурного трансфера, модернизации сиамской элиты через российское образование и имагологические

аспекты взаимного восприятия. Сегодняшнее состояние историографии позволяет рассматривать отношения двух стран не просто как эпизод внешней политики, а как важнейший фактор сохранения независимости единственного свободного государства в Юго-Восточной Азии на рубеже веков, что подтверждается вводом в оборот обширных архивных материалов как с российской, так и с таиландской стороны.

Список источников и литературы:

1. Чулков М.Д. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя Императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни Императрицы Екатерины Великой. – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1785. – 618 с.
2. Максимов А. Я. Вокруг света. Плавание корвета «Аскольд». От Кронштадта до Бангкока: из записок Максимова / А. Максимов. – Санкт-Петербург: Издание редакции журнала «Всемирный путешественник», 1876. – 480 с.
3. Реформы в королевстве Сиама. // Всемирный путешественник, 1874, № 4. – С. 177 - 185
4. Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений. В 5-ти т. – М.-Л., 1960, Т.2. Дневники путешествий, 1873–1887. – 416 с.
5. Ухтомский Э.Э. Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890–1891). Т. 2 / авт.-изд. кн. Э. Э. Ухтомский; иллюстрации Н. Н. Каразина. – Санкт-Петербург ; Лейпциг : Ф. А. Брокгауз, 1895. – 247 с.
6. Попов А.Л. К истории возникновения русско-сиамских отношений // Новый Восток. Журнал Всероссийской научной ассоциации востоковедения при НКН / Под ред. М. Павловича (Вельтмана). – М.: Всерос. науч. ассоц. востоковедения при НКН, 1922–1930. – 1924, № 6. – С. 182 - 209
7. Ребрикова Н.В. Очерки новой истории Таиланда 1768–1917 гг. – М.: Наука, 1966. – 302 с.
8. Берзин Э.О. История Таиланда. Краткий очерк. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973. – 177 с.
9. Дементьев Ю.П. Россия и «сиамский вопрос». // Азия и Африка сегодня. 1970. – № 7. – С. 52 - 57.
10. Дементьев Ю.П. Политика Франции в Индокитае и образование Индокитайского союза (1858 – 1907). – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. – 226 с.
11. Мельниченко Б.Н. Советская историография истории Таиланда. / Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки: [Сб.] / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1975 – Вып. 4 : посвящ.

70-летию Г. В. Ефимова / [Отв. ред.: Л. А. Березный, Г. Я. Смолин]. – 1975. – 124 с. – (С.63 - 69).

12. Ребрикова Н.В. Советская историография Таиланда. – В кн.: Советская историография Юго-Восточной Азии. – М., 1977. – 205 с.

13. Гузин А. С. Русско-сиамские отношения в 1863–1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. – Москва, 1983. – 197 с.

14. Григорцевич С. С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. – М.: Наука, 1965. – 607 с.

15. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1 с конца XVI в. по 1917 г. / акад. А.Л. Нарочницкий, акад. А.А. Губер, чл.-кор. АН СССР М.И. Сладковский, канд. ист. наук И.Я. Бурлингас. – 1973. – 324 с.

16. How Thailand lost her territories to Prance. – Bangkok: 1940. – 152 p.

17. Subamonkala K. La Thaïlande et ses relations avec la France. – Paris: 1940. – 122 p.

18. Vadakarn I.V. Thailand's case. – Bangkok: 1941. – 256 p.

19. Chakrabongse Ch. Lords of life. The paternal monarchy of Bangkok. 1782–1932. With the earlier and more recent history of Thailand. – L.,1960. – 211 p.

20. Suvanij P. Les relations entre la France et la Thailande (Siam) au XIX siecled'après les archives des Affaires Etrangères. – Bangkok, 1962. – 152 p.

21. Tuck P. The French wolf and the Siamese lamb. The French threat to Siamese independence, 1858 – 1907. – Bangkok: White Lotus, 1995. – 434 p.

22. Мельниченко Б. Н., Трифонов С. Е. Король Чулалонгкорн в России 1897 г.: к 100-летию установления гос. отношений между Россией и Таиландом / Б.Н. Мельниченко, С.Е. Трифонов; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. – 50 с.

23. Мельниченко Б. Н. Материалы архивов Санкт-Петербурга как источник для изучения российско-сиамских отношений и истории Сиама во второй половине XIX – начале XX в. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. – СПб., 2004. – Вып. 20. – С. 128-132.

24. Мельниченко Б. Н. Дом Романовых и дом Чакри (Россия и Таиланд в конце XIX – начале XX вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. – 2009. – № 3. – С. 17-33.

25. Мельниченко Б. Н., Трифонов С. Е. Король Чулалонгкорн в России. – СПб: Консульство Королевства Таиланд в СПб, 2010. – 63 с.

26. Мельниченко Б. Н., Пылева А. И. Россия – Таиланд: история взаимоотношений (XIX – начало XXI века). – СПб.: РХГА, 2011. – 295 с.

27. Мельниченко Б.Н., Трифонов С.Е. Таиландские и отечественные публикации о визите короля Сиама (Таиланда) Рамы V Чулалонгкорна в Россию в 1897 г. // Кюнеровский сборник: Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований. Вып. 7 Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. 2011–2012. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – 298

с. – Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – URL: https://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-314-9/978-5-88431-314-9_22.pdf

28. Пылева А.И. Колониальная политика Франции и деятельность католической церкви в Сиаме в XIX веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Серия 13. Вып. 3. – С. 99 - 109

29. Ром Фирамонтри. Роль императора Николая II в борьбе за сохранение независимости Сиама. К 120-летию дипломатических отношений Таиланда и России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2017. – №2. – С. 46 - 62

30. Фомичева Е.А. Из истории российско-таиландских отношений. – М.: Институт востоковедения РАН, Институт стран Востока, НОЧУ ВПО, 2018. – 284 с.

31. Палахан Наттаноп. История российско-таиландских отношений на страницах тайской версии журнала «Советский Союз» // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2019. № 4. – С. 144 - 162. – DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.144162

32. Сергаев Ю.Л. Сиам и российский императорский флот. История становления дипломатических отношений: монография. – М.: Гангут, 2020. – 88 с.

33. Харитонова А. М. Сиам глазами русского дипломата (по дневниковым записям Г. А. Плансона) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. – С. 27–33. – DOI: 10.15393/uchz.art.2020.479

34. Фомичева Е.А. Традиции изучения Таиланда в России. Часть I. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том IV, № 3 (53). С. 284–294. – DOI:10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-284-294

REFERENCES

1. Chulkov M.D. (1785) *A historical description of Russian commerce at all ports and borders from ancient times to the present and all the preferential laws of the sovereign Emperor Peter the Great and the now happily reigning Empress Catherine the Great*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences (In Russian).

2. Maksimov A.Ya. (1876) *Around the world. Sailing of the Askold corvette. From Kronstadt to Bangkok: from Maximov's notes*. - St. Petersburg: Edition of the editorial board of the World Traveler magazine (In Russian).

3. Reforms in the Kingdom of Siam (1874) *Vsemirniy puteshestvennik = The World Traveler,* 4. 177 - 185 (In Russian).

4. Miklukho-Maklay N.N. (1960) Collected works. In 5 vol. Travel diaries, 1873-1887. (In Russian).

5. Ukhtomskiy E.E. (1895) *The journey of Emperor Nicholas II to the East (in 1890-1891).* E.E. Ukhtomskiy (eds.). St. Petersburg ; Leipzig. (In Russian).

6. Popov A.L. (1924) [On the history of Russian-Siamese relations] *Zhurnal Vserossiyskoy nauchnoy associacii vostokovedeniya = Journal of the All-Russian Scientific Association of Oriental Studies,* 6. 182 - 209. (In Russian).

7. Rebrikova N.V. (1966) *Essays on the Modern History of Thailand 1768-1917.* Moscow. Nauka Publising House. (In Russian).

8. Berzin E.O. (1973) *The history of Thailand. A brief sketch*. Moscow. The main editorial office of Oriental literature of the Nauka Publishing House (In Russian).

9. Dementyev Yu. P. (1970) [*Russia and Siam question.] Aziya and Afrika segodnya = Asia and Africa Today,* 7. 52 - 57. (In Russian).

10. Dementyev Yu. P. (1975) *French policy in Indochina and the formation of the Indochina Union (1858-1907).* Moscow. The main editorial office of Oriental literature of the Nauka Publishing House (In Russian).

11. Melnichenko B.N. (1975) *Soviet historiography of the history of Thailand. / Historiography and source studies of the history of Asian and African countries*. Leningrad. Leningrad University Publishing House. (In Russian).

12. Rebrikova N.V. (1977) *Soviet historiography of Thailand. – In: Soviet Historiography of Southeast Asia*. Moscow. (In Russian).

13. Guzin A.S. (1983) Russian-Siamese relations in 1863-1917: dis. ... Candidate of Historical Sciences. Moscow. (In Russian).

14. Grigortsevich S.S. (1965) The Far Eastern Policy of the Imperialist Powers in 1906-1917. Moscow. Nauka Publishing House (In Russian).

15. International relations in the Far East. Book 1 from the end of the XVI century to 1917 (1973). A.L. Narochnitskiy, A.A. Guber, M.I. Sladkovskiy (eds.) Moscow.

16. How Thailand lost her territories to Prance (1940). – Bangkok: 152 p.

17. Subamonkala K. (1940) *La Thaïlande et ses relations avec la France.* – Paris. 122 p. (In French)

18. Vadakarn I.V. (1941). *Thailand's case*. – Bangkok. 256 p.

19. Chakrabongse Ch. (1960) *Lords of life. The paternal monarchy of Bangkok. 1782–1932. With the earlier and more recent history of Thailand*. – London. – 211 p.

20. Suvanij P. (1962) *Les relations entre la France et la Thailande (Siam) au XIX siecled'après les archives des Affaires Etrangères*. Bangkok. 152 p. (In French)

21. Tuck P. (1995) *The French wolf and the Siamese lamb. The French threat to Siamese independence, 1858 – 1907*. – Bangkok. White Lotus, 434 p.

22. Melnichenko B.N., & Trifonov S.E. (1997) *King Chulalongkorn in Russia in 1897: On the 100th anniversary of the establishment of state relations between Russia and Thailand.* St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University (In Russian).

23. Melnichenko B.N. (2004) [Materials from the archives of St. Petersburg as a source for the study of Russian-Siamese relations and the history of Siam in the second half of the XIX – early XX century] *Istoriografia i istochnikovedenie istorii stran Asii*

I Afriki = Historiography and source studies of Asian and African history. 20. 128 - 132 (In Russian).

24. Melnichenko B.N. (2009) [The House of Romanov and the House of Chakri (Russia and Thailand in the late 19th and early 20th centuries)] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser.13: Vostokovedenie. Afrikanistika = Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 13: Oriental Studies. African studies* 3. 17-33 (In Russian).

25. Melnichenko B.N., & Trifonov S.E. (2010) *King Chulalongkorn in Russia*. – St. Petersburg: Consulate of the Kingdom of Thailand in St. Petersburg.(In Russian).

26. Melnichenko B.N., & Pileva A.I. (2011) *Russia – Thailand: the history of relations (XIX – early XXI century)*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy (In Russian).

27. Melnichenko B.N., & Trifonov S.E. (2013) Thai and Russian publications on the visit of King Rama V Chulalongkorn of Siam (Thailand) to Russia in 1897. *The Kuehner Collection: Materials of East Asian and South-East Asian Studies. Issue 7 Ethnography, folklore, art, history, archeology, museology 2011 - 2012*. St. Petersburg: (In Russian). The Electronic Library of the Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences. – URL: https://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-314-9/978-5-88431-314-9_22.pdf

28. Pileva A.I. (2013) [French colonial policy and the activities of the Catholic Church in Siam in the 19th century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser.13. Vypusk 3. = Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 13. vol. 3. 99 - 109.* (In Russian).

29. Rom Firamontry (2017) [The role of Emperor Nicholas II in the struggle for the preservation of Siam's independence. On the 120th anniversary of diplomatic relations between Thailand and Russia] *Vestnik Moskovskogo Universiteta = Bulletin of the Moscow University. Ser. 12. Political sciences.* 2. 46 - 62 (In Russian).

30. Fomicheva E.A. (2018) *From the History of Russian-Thai relations*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. (In Russian).

31. Palakhan Nattanop (2019) [The history of Russian-Thai relations on the pages of the Thai version of the magazine "Soviet Union"] *Vestnik Moskovskogo Universiteta = Bulletin of the Moscow University. Ser. 10. Political sciences. 4. 144 - 162.* – doi: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.144162

32. Sergaev Yu.L. (2020) *Siam and the Russian Imperial Navy. The history of the formation of diplomatic relations: a monograph.* Moscow. Gangut Publishing House. (In Russian).

33. Kharitonova A.M. (2020) [Siam through the eyes of a Russian diplomat (according to the diary entries of G. A. Planson)] *Uchenye zapiski Petrazavodskogo gosudarstvennogo universita = Scientific notes of Petrozavodsk State University*. T. 42, 4. 27–33. doi: 10.15393/uchz.art.2020.479 (In Russian).

34. Fomicheva E.A. (2021) [Traditions of studying Thailand in Russia]. Part I. *Yugo-Vostochnaya Asiya: aktualnye problemy razvitiya = South-East Asia: current development issues* Vol. IV, 3 (53). 284 - 294. doi:10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-284-294. (In Russian).

Данные авторов статьи

Разумный Виталий Витальевич кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» ORCID: 0009-0009-2799-2365	**Razumnyi Vitalii Vitalievich** Candidate of Historical Sciences, Associate Professor FSBEI HE «Donetsk State University» ORCID 0009-0009-2799-2365
Кот Елена Руслановна ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»	**Kot Elena Ruslanovna** FSBEI HE «Donetsk State University»

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.57)[1]
DOI: 10.5281/zenodo.22102135
EDN: QPGQIR

А.Р. Азнабаев
Уфимский университет науки и технологий
E-mail: ooo.cno@mail.ru

БАШКИРО-МЕЩЕРЯКСКОЕ ВОЙСКО И КАНТОННОЕ УСТРОЙСТВО БАШКИРСКИХ ЗЕМЕЛЬ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Аннотация

В статье башкиро-мещерякское войско рассматривается как ключевое звено кантонного устройства башкирских земель Оренбургской губернии в первой четверти XIX в. Показано, что перевод башкир и мещеряков в военно-служилое состояние соединил военную повинность, территориальное деление и надзор за населением в единый порядок управления и перестроил положение старшинской верхушки. Сделан вывод о том, что войско служило не только военной силой края, но и средством подчинения местной жизни устойчивому государственному порядку.

Ключевые слова: *башкирские земли, Оренбургская губерния, башкиро-мещерякское войско, кантонная система.*

Summary

The article considers the Bashkir-Meshcheryak army as a key element of the cantonal structure of the Bashkir lands of the Orenburg province in the first quarter of the 19th century. It is shown that the transfer of the Bashkirs and Meshcheryaks to military service combined military duty, territorial division and supervision of the population into a single order of administration and reshaped the position of the elders. It is concluded that the army served not only as the military force of the region, but also as a means of subordinating local life to a stable state order.

Keywords: *Bashkir lands, Orenburg province, Bashkir-Meshcheryak army, canton system.*

История башкирских земель в составе Российского государства принадлежит к числу устойчивых сюжетов отечественной историографии. Наиболее обстоятельно изучены обстоятельства принятия подданства, судьба вотчинного землевладения, ход колонизационного движения на Южном Урале, восстания XVII–XVIII вв., практика местной администрации и постепенное

© Азнабаев А.Р., 2026

изменение правового положения коренного населения [1, с. 112–126; 2, с. 15–24; 3, с. 71–85; 4, с. 171–176; 5, с. 280–302]. Преобладание именно такой проблематики объяснимо: в земельных стеснениях, тяжести службы, нарушении прежних обязательств, произволе властей и вооружённых выступлениях наиболее зримо проступали противоречия, которыми сопровождалось вхождение башкир в состав России. Между тем первая четверть XIX в. требует иного исследовательского ракурса. Для этого времени уже недостаточно фиксировать очередное усиление государственного давления или новый этап ограничения прежних прав. Существеннее установить, каким образом после длительного периода нестабильности, волнений и земельных конфликтов в башкирских землях сложился более жёсткий и одновременно более прочный распорядок повседневного управления.

Решение этой задачи неотделимо от истории башкиро-мещерякского войска, через которое государственная власть связывала воедино военную повинность, территориальное деление, служебное подчинение и надзор за населением. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы определить историческое место башкиро-мещерякского войска в системе управления башкирскими землями Оренбургской губернии первой четверти XIX в. и показать, что это учреждение следует рассматривать не как частный эпизод военной истории края, а как один из несущих элементов всего государственного устройства региона. Научная новизна работы заключается в том, что войско анализируется в неразрывной связи с кантонным строем, перестройкой старшинской среды и механизмом повседневного надзора, а не как обособленное военное формирование.

Прежде чем обратиться к существу вопроса, необходимо уточнить административно-территориальные рамки исследования. В первой четверти XIX в. башкирские земли не образовывали отдельной административной единицы под названием «Башкирия». В государственно-административном отношении они входили в Оренбургскую губернию, центр которой с 1802 г. находился в Уфе. Внутри губернии сохранялось уездное деление — Уфимский, Бирский, Белебеевский, Стерлитамакский и иные уезды. Одновременно на территории расселения башкир и мещеряков действовала особая военно-административная организация — кантонная система, введённая в 1798 г. вслед за переводом башкир в военно-служилое сословие. Поэтому употребляемое далее наименование «Башкирия» обозначает не самостоятельную область или губернию, а историко-географическую совокупность башкирских земель в составе Оренбургской губернии. Подобное разграничение продиктовано не только стремлением к терминологической точности: без него трудно верно очертить сам предмет исследования, поскольку кантонный строй не замещал ни губернского, ни уездного управления, а накладывался на них, образуя особый порядок организации службы и надзора над военно-служилым населением.

Отдельные стороны рассматриваемой проблемы получили освещение давно, однако целостное изучение башкиро-мещерякского войска как одного из главных звеньев кантонного устройства по-прежнему нуждается в углублении.

Труды Б. А. Азнабаева [1], И. Г. Акманова [2], А. И. Акманова [3], И. М. Гвоздиковой [5], Н. Ф. Демидовой [6], Ф. А. Ишкулова [7], М. М. Кульшарипова [8] и других исследователей позволяют проследить долгую историю отношений государства с башкирским населением, увидеть динамику землевладения, положение старшин, особенности административной практики и последствия колонизационного продвижения. Вместе с тем в значительной части работ войско предстаёт либо частной страницей военной истории, либо одним из следствий преобразований рубежа XVIII–XIX вв. Однако это учреждение заслуживает самостоятельного рассмотрения, ибо именно через него государственная власть придавала башкирским землям более упорядоченный и обозримый вид, соединяя службу, учёт населения, местное начальствование и каждодневный надзор. С этой точки зрения башкиро-мещерякское войско должно изучаться не как приложение к истории военных формирований, а как существенная часть общего государственного устройства края.

Источниковую основу работы составляют несколько групп материалов. К первой относятся документы центральных и региональных архивов — материалы Сената, Военной коллегии, канцелярии оренбургского генерал-губернатора и иных учреждений, в которых отразились меры по организации службы, назначению начальников, распределению повинностей, учёту населения и поддержанию порядка [9–14]. Вторую группу образуют опубликованные документы и памятники эпохи: «Материалы по истории Башкирской АССР», сочинения П. И. Рычкова, В. Н. Витевского, В. М. Черемшанского, выпуски «Трудов Оренбургской учёной архивной комиссии», башкирские шежере и иные свидетельства, позволяющие сопоставить действия власти с состоянием местной среды [15–26]. Третью группу составляют исследования отечественных историков по истории Башкирии, землевладения, колонизации Южного Урала, восстаний, городского развития, этнографии и системы управления [1–8; 27–45]. Совокупность этих материалов даёт возможность рассматривать башкиро-мещерякское войско в прямой связи с историей местного управления, а не отвлечённо, когда за общими словами о подчинении окраины утрачивается конкретная ткань русской административной практики начала XIX в.

Понять значение башкиро-мещерякского войска невозможно без обращения к более раннему времени. Уже в XVII–XVIII вв. отношения государства с башкирским населением отличались внутренней напряженностью и недостаточной прочностью. Жалованные грамоты, подтверждение подданства, признание вотчинных прав и сохранение местных особенностей создавали определенную правовую основу для связи башкирских земель с государством [22, с. 52–66; 23, с. 201–219; 2, с. 122–139; 43, с. 15–42]. Однако одной правовой формы было недостаточно для устойчивого повседневного порядка. По мере продвижения крепостной линии, роста горнозаводского района, прихода небашкирского населения, вмешательства в земельные отношения и усиления местной администрации прежний уклад всё чаще наталкивался на внешнее давление [3, с. 71–85; 4, с. 243–260; 8, с. 54–71; 42, с. 118–134]. Складывалось

положение, при котором признанные права сохранялись в документах, но всё ощутимее стеснялись в жизни. Формальное подданство не означало действительной управляемости края: власть могла действовать через военные меры, частичные уступки или опору на отдельных старшин, однако постоянной повседневной прочности такой порядок не имел.

Слабость прежней системы особенно отчётливо обнаружилась в восстаниях XVIII в. Военные действия и наказания позволяли восстанавливать внешнее спокойствие, но не устраняли причин недовольства. Земельный вопрос, рост служебных обременений, злоупотребления администрации, колонизационное давление и память о нарушении прежних обязательств вновь и вновь порождали напряжение [5, с. 280–293; 29, с. 1–24; 35, с. 81–119; 36, с. 230–236; 39, с. 54–69]. Опора на старшин также не давала полного решения. Влияние старшины определялось не только его отношениями с властью, но и положением в собственной среде — силой рода, имущественным авторитетом, умением выступать посредником и защитником интересов общества. Государству же требовался не временный посредник, а более прочный порядок, позволяющий подчинять население повседневному надзору, не прибегая всякий раз к чрезвычайным мерам. Именно здесь и берет начало та перемена, которая особенно ясно проявилась в конце XVIII — начале XIX в.: власть стремилась уже не столько к очередному устранению беспорядка, сколько к такой перестройке управления, при которой само возникновение крупных потрясений становилось менее вероятным.

Кантонная система стала одним из важнейших средств такой перестройки. Её смысл сводился к тому, что служба, начальствование, территориальное деление и учёт населения приводились в более тесную взаимосвязь. Башкирские и мещерякские кантоны создавали новый порядок подчинения, при котором военно-служилое население охватывалось постоянным наблюдением, а обязанность службы становилась не разовой, а регулярной. В этом отношении кантонная система выступала средством придания краю большей обозримости для власти: через неё государство стремилось видеть не только отдельных служилых людей, но и целые группы населения, их хозяйственные возможности, число дворов, порядок подчинения и состояние внутренней дисциплины [7, с. 41–57; 8, с. 102–117; 34, с. 45–52]. При этом система не отменяла ни уездного деления, ни губернского управления. Речь шла о наложении одного порядка на другой — административно-территориального и военно-служилого. Такая двойная, а в известном смысле и тройная структура управления — губерния, уезд, кантон — и определяла положение башкирских земель в первой четверти XIX в.

Башкиро-мещерякское войско занимало в этом строе центральное место. Военная сторона его существования имела, разумеется, немалое значение: через войско государство получало конные части, пригодные для пограничной службы и участия в военных действиях. Однако роль учреждения не исчерпывалась выставлением людей на службу. Войско связывало военную повинность с внутренним порядком жизни — позволяло распределять обязанности, наблюдать

за исполнением службы, учитывать людские силы, влиять на распорядок местной жизни и поддерживать подчинение начальству. Служебное состояние башкир и мещеряков приобретало устойчивый, постоянно возобновляемый характер. В этом и заключалась одна из главных особенностей нового положения. Если прежде военная служба воспринималась как одна из многих сторон отношений с государством, то теперь она становилась важнейшей основой правового и административного статуса башкирского населения. Отсюда вытекали и усиление государственного надзора, и более тесное подчинение местной жизни требованиям службы, и возросшая зависимость населения от распоряжений губернской и военной администрации.

Особенно заметно перемены сказались на положении старшинской верхушки. В более раннее время старшины занимали промежуточное положение между местным обществом и русской администрацией; их влияние опиралось на происхождение, имущественный вес, родовую поддержку, знание местных условий и признание в башкирской среде. Подобный порядок давал старшинам значительную силу, но в глазах государства оставался недостаточно надёжным: старшина мог быть полезным посредником, однако пределы его власти во многом определялись местной обстановкой. В условиях кантонного строя старшинская среда постепенно подводилась под более строгий служебно-должностной порядок [6, с. 231–239; 30, с. 41–47; 7, с. 54–60]. Государству нужны были не просто влиятельные выходцы из местной среды, а начальники, поставленные в зависимость от службы, подчинения и отчетности. Влияние старшин при этом не исчезало, но меняло свой характер: источник устойчивости их положения все меньше сводился к внутреннему признанию и всё больше определялся местом в государственной иерархии. Через такую перестройку местная начальствующая среда превращалась в одну из главных опор кантонного порядка.

Перемена в положении старшин имела для башкирских земель далеко идущие последствия. Государственная власть получала возможность воздействовать на местную жизнь не только извне – через военные команды и губернские распоряжения, — но и изнутри, через начальствующую среду, уже связанную служебными обязанностями с административным строем империи. Старшины и кантонные начальники все теснее вовлекались в учет населения, раскладку повинностей, наблюдение за исполнением службы, разбор местных дел и поддержание порядка. Тем самым менялся характер внутренней власти в башкирской среде: прежний посреднический тип старшинского влияния постепенно уступал место более служебному и поднадзорному положению. В этом проявлялась одна из главных черт новой эпохи — государство стремилось опереться на местную среду, но уже в таком виде, который делал ее продолжением собственной административной воли.

Сохранение ряда прежних особенностей башкирской жизни при введении нового порядка не должно вводить в заблуждение. Родоплеменные связи, память о вотчинных правах, местные представления о внутреннем распорядке, хозяйственные обычаи и авторитет старших поколений не исчезли

одномоментно. Однако все перечисленное существовало уже в иных обстоятельствах. Военная повинность, кантонная привязка, служебная иерархия и постоянный надзор изменяли самый строй местной жизни. Башкирское общество начала XIX в. нельзя описывать ни как сохранившее прежние основания в неприкосновенности, ни как полностью утратившее историческую самобытность. Точнее будет сказать, что государственная власть поставила исторически сложившиеся особенности башкирской среды в зависимость от нового военно-служилого положения. Поэтому в научном изложении предпочтительнее говорить не об отвлечённой обособленности, а о более конкретных явлениях: о сохранении некоторых черт правового положения, о продолжении действия старшинской среды, о живучести памяти о вотчинных правах — но уже в пределах кантонной организации и служебного порядка. Такой язык ближе к материалу русской истории и не искажает его внешними схемами.

Особое значение в укреплении башкиро-мещерякского войска имели войны начала XIX в. Пока башкирская служба была связана преимущественно с охраной линии и местными нуждами, ее общий смысл оставался по преимуществу краевым. Отечественная война 1812 г. и последующие заграничные походы русской армии изменили положение: башкирские части оказались вовлечены в военные действия общеимперского масштаба. Благодаря этому само существование войска получало в глазах государства дополнительное оправдание. Башкирские земли начинали восприниматься не только как область, требующая особого надзора и особого способа управления, но и как край, способный выставлять конную силу для решения важных военных задач империи. Служба башкирских частей на широком театре военных действий усиливала значение войска, укрепляла престиж служебного состояния и тем содействовала упрочению кантонной системы. Отсюда следует и более широкий вывод: участие башкир в войнах начала XIX в. должно рассматриваться не только как военный факт, но и как одно из условий укрепления самого строя управления башкирским военно-служилым населением.

Вместе с тем новая система не устранила противоречий. Усиление службы, прикрепление к кантону, вмешательство начальства в хозяйственные дела, рост надзора и зависимость местной жизни от служебных потребностей государства не могли не тяготить население. За внешней устойчивостью кантонного строя продолжали действовать последствия прежних земельных стеснений, продвижения переселенцев, злоупотреблений администрации и исторической памяти о восстаниях XVIII в. [3, с. 91–105; 5, с. 280–293; 31, с. 44–51; 42, с. 118–134]. Однако характер напряжения изменился. Если в предшествующее столетие противоречия нередко перерастали в крупные вооружённые выступления, то в первой четверти XIX в. значительная их часть всё чаще выражалась в спорах о тяжести повинностей, жалобах на начальство, конфликтах из-за землепользования, распределения службы и пределов вмешательства в местную жизнь. Подобное смещение существенно для понимания эпохи: перед нами не исчезновение напряжения, а иной способ его

существования внутри уже сложившегося строя. Следовательно, прочность кантонной системы объяснялась не отсутствием недовольства, а способностью государства удерживать его в русле поднадзорной повседневности.

Рассмотренные обстоятельства позволяют точнее определить историческое место башкиро-мещерякского войска. Значение этого учреждения не сводилось к военной стороне дела и не исчерпывалось выставлением конных частей. Через войско государственная власть связывала военную повинность, кантонное деление, учёт населения, подчинение старшинской среды и повседневный надзор в более или менее единую систему. Именно в таком виде башкиро-мещерякское войско и должно рассматриваться в истории башкирских земель первой четверти XIX в. Кантонный строй усиливал подчинение края государственному порядку, перестраивал местное начальствование, закреплял регулярный характер службы и теснее связывал внутреннюю жизнь башкир и мещеряков с общегосударственными нуждами Российской империи. С этой точки зрения история войска выходит далеко за пределы частной военной темы: перед нами один из важнейших способов, посредством которых государство придавало башкирским землям более устойчивый, обозримый и подконтрольный характер в условиях Оренбургской губернии.

Таким образом, башкиро-мещерякское войско в первой четверти XIX в. являлось одной из главных опор кантонного устройства башкирских земель Оренбургской губернии. Его историческое значение определялось соединением нескольких начал — военной повинности, территориального деления, перестройки старшинской верхушки, учёта населения и постоянного государственного надзора. Положение башкир и мещеряков в рамках этой системы сохраняло ряд прежних особенностей, однако смысл их существования менялся: теперь они всё теснее определялись не старым укладом как таковым, а служебным положением и подчинением государственным нуждам. В этом и заключалась главная перемена эпохи. Башкирские земли оставались особой историко-географической областью в составе Оренбургской губернии, но внутренний строй их жизни всё больше подчинялся логике кантонного управления и военно-служилого порядка. Дальнейшее изучение войска на конкретном архивном материале — по составу кантонов, практике назначения начальников и раскладке повинностей — представляется перспективным направлением, необходимым для более глубокого понимания не только военной истории края, но и общего хода государственного переустройства башкирских земель в начале XIX в.

Список источников и литературы:

1. Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). –Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 238 с.

2. Акманов И. Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII века. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. – 168 с.

3. Акманов А. И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. – Уфа: Китап, 2007. –360 с.

4. История Башкортостана с древнейших времён до наших дней: в 2 т. Т. 1 / под ред. И. Г. Акманова. – Уфа: Китап, 2007. – 488 с.

5. Гвоздикова И. М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Пугачёва. – Уфа: Китап, 1999. – 248 с.

6. Демидова Н. Ф. Управление Башкирией в первой трети XVIII в. // Исторические записки. 1961. Т. 68. – С. 219–248.

7. Ишкулов Ф. А. История государства и права Башкортостана. Ч. 1. –Уфа: Китап, 1996. – 184 с.

8. Кульшарипов М. М. Политика царизма в Башкортостане (1775–1800 гг.). – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – 224 с.

9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Сенат и его учреждения.

10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Сенат и его учреждения. Крайние даты: 1685–1817.

11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Разряд IX. Кабинет Петра I и его продолжение. Крайние даты: 1673–1762; копии с 1514 г. Оп. 1–7. 527 ед. хр.

12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 20. Воинская экспедиция Военной коллегии. Крайние даты: 1720–1788. Оп. 1–2. 1641 д.

13. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 3. Оренбургская губернская канцелярия. Крайние даты: 1744–1782. 202 ед. хр.

14. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора. Крайние даты: 1735–1895. 36 603 ед. хр. Оп. 4: 1821–1865.

15. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 124.

16. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / отв. ред. А. П. Чулошников. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 631 с.

17. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3 / сост. Н. Ф. Демидова; ред. Н. В. Устюгов. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – 692 с.

18. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4, ч. 2: Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50–70-х годах XVIII в. / сост. Н. Ф. Демидова; ред. А. Н. Усманов, Н. В. Устюгов. –М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. – 666 с.

19. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 6: Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / сост. Н. Ф. Демидова. – Уфа: Китап, 2002. – 768 с.

20. Кузеев Р. Г. Башкирские шежере. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. – 304 с.

21. Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии: сборник документов / сост. Р. Г. Кузеев, Р. В. Овчинников; отв. ред. Р. Г. Кузеев, Р. В. Овчинников. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1975. – 496 с.

22. Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып. 1–35. Оренбург, 1889–1917.

23. Рычков П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа: Китап, 2001. – 296 с.

24. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Т. 3. – Казань: Типо-литография В. М. Ключникова, 1897. – 596 с.

25. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Уфа: Китап, 1998. – 472 с.

26. Филоненко В. И. Башкиры, подданство башкир России. Башкирские предания и исторические сведения об этом подданстве // Вестник Оренбургского учебного округа. 1913. № 7–8. – С. 1–32.

27. Татищев В. Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский. – Л.: Наука, 1977. – 435 с.

28. Гвоздикова И. М. Салават Юлаев: исследование документальных источников. – Уфа: Китап, 1992. – 136 с.

29. Демидова Н. Ф. Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI–XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Минск, 1964. – С. 87–110.

30. Добросмыслов А. И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г. // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. – Оренбург, 1900. Вып. 8. – С. 1–226.

31. Еникеев З. И. Правовой статус Башкортостана в составе России. – Уфа: Гилем, 2002. – 372 с.

32. Ишчериков П. Очерки из истории колонизации Башкортостана: от завоевания Башкортостана до эпохи расхищения башкирских земель. – Уфа: Китап, 2003. – 288 с.

33. Кульбахтин Н. М. Горнозаводская промышленность в Башкортостане. XVIII век. – Уфа: Китап, 2000. – 280 с.

34. Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир (родо-племенные организации башкир в XVII–XVIII вв.). – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1957. – 168 с.

35. Кузнецов В. А. Новая Закамская линия и образование ландмилиции // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 2. – С. 45–52.

36. Лебедев В. И. Башкирское восстание 1705–1711 гг. // Исторические записки. 1937. Т. 1. – С. 81–119.

37. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Пугачёва. Т. 2 / отв. ред. В. В. Мавродин. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1966.

38. Оборин В. А. Миграция местного населения и их роль в освоении Урала в XVI–XVII вв. // История СССР. 1974. № 4. – С. 112–129.

39. Панеях В. М. О степени участия народностей Башкирии в Крестьянской войне 1773–1775 гг. на первом ее этапе // Ученые записки Пермского университета. 1966. Вып. 158. – С. 133–149.

40. Пузанов В. Д. Башкирские восстания XVII–XVIII веков в Исетско-Притобольском регионе // Шадринская старина. 1999. № 7. – С. 54–69.

41. Рахматуллин У. Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв.: вопросы формирования небашкирского населения. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

42. Руденко С. И. Башкиры: историко-этнографические очерки. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. – 394 с.

43. Тарасов Ю. М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала: вторая половина XVIII – первая половина XIX в. – М.: Наука, 1984. – 175 с.

44. Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. – 195 с.

45. Янгузин Р. З. Этнография башкир (история изучения). – Уфа: Китап, 2002. – 190 с.

46. Буканова Р. Г. Города и городское население Башкирии в XVI–XVII вв. – Уфа: Башгосуниверситет, 1993. – 86 с.

REFERENCES

1. Aznabaev B. A. Integration of Bashkiria into the Administrative Structure of the Russian State (Second Half of the 16th – First Third of the 18th Centuries). Ufa: RIO BashGU, 2005. 238 p. (In Russian).

2. Akmanov I. G. Bashkiria as Part of the Russian State in the 17th – First Half of the 18th Century. Sverdlovsk: Ural University Publ., 1991. 168 p. (In Russian).

3. Akmanov A. I. Land Relations in Bashkortostan and Bashkir Landownership in the Second Half of the 16th – Early 20th Century. Ufa: Kitap, 2007. 360 p. (In Russian).

4. History of Bashkortostan from Ancient Times to the Present Day: in 2 vols. Vol. 1. Ed. by I. G. Akmanov. Ufa: Kitap, 2007. 488 p. (In Russian).

5. Gvozdikova I. M. Bashkortostan on the Eve and during the Peasant War Led by Pugachev. Ufa: Kitap, 1999. 248 p. (In Russian).

6. Demidova N. F. Administration of Bashkiria in the First Third of the 18th Century. Historical Notes. 1961. Vol. 68. P. 219–248. (In Russian).

7. Ishkulov F. A. History of State and Law of Bashkortostan. Part 1. Ufa: Kitap, 1996. 184 p. (In Russian).

8. Kulsharipov M. M. Tsarist Policy in Bashkortostan (1775–1800). Ufa: RIO BashGU, 2003. 224 p. (In Russian).

9. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 248. Senate and Its Institutions.

10. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 248. Senate and Its Institutions. Extreme dates: 1685–1817.

11. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 9. Razriad IX. Cabinet of Peter I and Its Continuation. Extreme dates: 1673–1762; copies from 1514. Inventories 1–7. 527 storage units.

12. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). F. 20. Military Expedition of the War College. Extreme dates: 1720–1788. Inventories 1–2. 1641 files.

13. State Archive of the Orenburg Region (GAOO). F. 3. Orenburg Provincial Chancellery. Extreme dates: 1744–1782. 202 storage units.

14. State Archive of the Orenburg Region (GAOO). F. 6. Chancellery of the Orenburg Governor-General. Extreme dates: 1735–1895. 36,603 storage units. Inventory 4: 1821–1865.

15. State Archive of the Orenburg Region (GAOO). F. 124.

16. Materials on the History of the Bashkir ASSR. Part 1: Bashkir Uprisings in the 17th and First Half of the 18th Centuries. Ed. by A. P. Chuloshnikov. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1936. 631 p. (In Russian).

17. Materials on the History of the Bashkir ASSR. Vol. 3. Comp. by N. F. Demidova; ed. by N. V. Ustiugov. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949. 692 p. (In Russian).

18. Materials on the History of the Bashkir ASSR. Vol. 4, Part 2: Economic and Social Relations in Bashkiria and the Administration of the Orenburg Region in the 1750s–1770s. Comp. by N. F. Demidova; ed. by A. N. Usmanov, N. V. Ustiugov. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956. 666 p. (In Russian).

19. Materials on the History of the Bashkir ASSR. Vol. 6: The Orenburg Expedition and the Bashkir Uprisings of the 1730s. Comp. by N. F. Demidova. Ufa: Kitap, 2002. 768 p. (In Russian).

20. Kuzeev R. G. Bashkir Shezhere. Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1960. 304 p. (In Russian).

21. The Peasant War of 1773–1775 on the Territory of Bashkiria: A Collection of Documents. Comp. by R. G. Kuzeev, R. V. Ovchinnikov; ed. by R. G. Kuzeev, R. V. Ovchinnikov. Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1975. 496 p. (In Russian).

22. Proceedings of the Orenburg Learned Archival Commission. Issues 1–35. Orenburg, 1889–1917. (In Russian).

23. Rychkov P. I. History of Orenburg after the Establishment of the Orenburg Province. Ufa: Kitap, 2001. 296 p. (In Russian).

24. Vitevskii V. N. I. I. Neplyuev and the Orenburg Region in Its Former Composition up to 1758. Vol. 3. Kazan: V. M. Kliuchnikov Printing House, 1897. 596 p. (In Russian).

25. Cheremshanskii V. M. Description of the Orenburg Province in Economic-Statistical, Ethnographic, and Industrial Terms. Ufa: Kitap, 1998. 472 p. (In Russian).

26. Filonenko V. I. The Bashkirs and Their Allegiance to Russia: Bashkir Legends and Historical Evidence on This Allegiance. Herald of the Orenburg Educational District. 1913. No. 7–8. P. 1–32. (In Russian).

27. Tatishchev V. N. Russian Historical, Geographical, Political and Civil Lexicon. Leningrad: Nauka, 1977. 435 p. (In Russian).

28. Gvozdikova I. M. Salavat Yulaev: A Study of Documentary Sources. Ufa: Kitap, 1992. 136 p. (In Russian).

29. Demidova N. F. Landownership and Land Use in Ufa Uezd in the 16th–17th Centuries. Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe. Minsk, 1964. P. 87–110. (In Russian).

30. Dobrosmyslov A. I. The Bashkir Revolt of 1735, 1736 and 1737. Proceedings of the Orenburg Learned Archival Commission. Orenburg, 1900. Iss. 8. P. 1–226. (In Russ.).

31. Enikeev Z. I. Legal Status of Bashkortostan within Russia. Ufa: Gilem, 2002. 372 p. (In Russian).

32. Ishcherikov P. Essays on the History of the Colonization of Bashkortostan: from the Conquest of Bashkortostan to the Era of the Plunder of Bashkir Lands. Ufa: Kitap, 2003. 288 p. (In Russian).

33. Kulbakhtin N. M. Mining Industry in Bashkortostan. 18th Century. Ufa: Kitap, 2000. 280 p. (In Russian).

34. Kuzeev R. G. Essays on the Historical Ethnography of the Bashkirs (Tribal Organizations of the Bashkirs in the 17th–18th Centuries). Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1957. 168 p. (In Russian).

35. Kuznetsov V. A. The New Trans-Kama Line and the Formation of the Land Militia. Izvestiya of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2009. Vol. 11. No. 2. P. 45–52. (In Russian).

36. Lebedev V. I. The Bashkir Uprising of 1705–1711. Historical Notes. 1937. Vol. 1. P. 81–119. (In Russian).

37. The Peasant War in Russia in 1773–1775: Pugachev's Uprising. Vol. 2. Ed. by V. V. Mavrodin. Leningrad: Leningrad University Publ., 1966. (In Russian).

38. Oborin V. A. Migration of the Local Population and Its Role in the Development of the Urals in the 16th–17th Centuries. History of the USSR. 1974. No. 4. P. 112–129. (In Russian).

39. Paneiakh V. M. On the Degree of Participation of the Peoples of Bashkiria in the Peasant War of 1773–1775 at Its First Stage. Scholarly Notes of Perm University. 1966. Iss. 158. P. 133–149. (In Russian).

40. Puzanov V. D. Bashkir Uprisings of the 17th–18th Centuries in the Iset-Pritobol Region. Shadrin Antiquities. 1999. No. 7. P. 54–69. (In Russian).

41. Rakhmatullin U. Kh. Population of Bashkiria in the 17th–18th Centuries: Issues of the Formation of the Non-Bashkir Population. Moscow: Nauka, 1988. 216 p. (In Russian).

42. Rudenko S. I. Bashkirs: Historical and Ethnographic Essays. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955. 394 p. (In Russian).

43. Tarasov Yu. M. Russian Peasant Colonization of the Southern Urals: Second Half of the 18th – First Half of the 19th Century. Moscow: Nauka, 1984. 175 p. (In Russian).

44. Usmanov A. N. The Incorporation of Bashkiria into the Russian State. Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1960. 195 p. (In Russian).

45. Yanguzin R. Z. Ethnography of the Bashkirs (History of Research). Ufa: Kitap, 2002. 190 p. (In Russian).

46. Bukanova R. G. Cities and Urban Population of Bashkiria in the 16th–17th Centuries. Ufa: Bashkir State University, 1993. 86 p. (In Russian).

Данные автора статьи

Азнабаев Айнур Разихович Аспирант ФГОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»	**Aznabaev Ainur Razikhovich** Postgraduate student Federal State Educational Institution of Higher Education “Ufa University of Science and Technology”

УДК 94:339.5/47+57/:4+7-15/
DOI: 10.5281/zenodo.22102246
EDN: VDNDUZ

В.И. Шабельников
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: Shabelnikov36@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СССР С ГЕРМАНИЕЙ И США КАК ВЕДУЩИМИ ПРОМЫШЛЕННО РАЗВИТЫМИ СТРАНАМИ ЗАПАДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х–30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Аннотация

В статье рассматриваются наиболее характерные направления и формы экономических взаимоотношений СССР с Германией и США во второй половине 20-х–30-е годы XX века в вопросах участия иностранного капитала в концессиях, строительстве советской промышленности, роли иностранных рабочих и инженерно-технических специалистов в ее становлении. Исследуются также некоторые аспекты участия Донбасса в системе советско-германских и советско-американских отношений.

Ключевые слова: *экономические связи, иностранный капитал, индустриализация, СССР, Германия, США, Донбасс, концессии, рабочие, специалисты.*

Summary

This article examines the most characteristic areas and forms of economic relations between the USSR, Germany, and the United States in the second half of the 1920s and 1930s, focusing on issues of foreign capital participation in concessions, the construction of Soviet industry, and the role of foreign workers and engineering and technical specialists in its development. It also explores some aspects of the Donbas region's participation in Soviet-German and Soviet-American relations.

Keywords: *economic ties, foreign capital, industrialization, USSR, Germany, United States, Donbass region, concessions, workers, specialists.*

В современных условиях изучения исторического опыта становления и развития экономического взаимодействия СССР с развитыми капиталистическими странами Европы и США в 20–30-е годы XX века путем поставок заводской техники, привлечения рабочей силы и специалистов имеет очень важное значение для понимания истории индустриализации, что определяет актуальность избранной темы.

© Шабельников В.И., 2026

Вопрос о роли Германии и США в развитии отечественной промышленности в годы НЭПа и довоенных пятилеток в советской и постсоветской историографии освещается по-разному. В советской историографии участие немецких и американских компаний в строительстве промышленных предприятий в СССР почти не освещалось, за исключением отдельных аспектов данной проблемы. В публикациях тех лет проводилась мысль о том, что успехи индустриализации и ее результативность являются следствием партийного руководства.

В постсоветский период интерес ученых к вопросам экономического сотрудничества СССР с зарубежными странами в годы НЭПа и первых пятилеток заметно вырос. За последние годы в отечественной историографии по данной тематике опубликованы монографии Б. М. Шпотова [1], Р.С. Кирсанова [2], защищены кандидатские диссертации А. Б. Богданова [3], Е. Н. Журиной [4], в которых предпринята попытка рассмотрения динамики развития экономических отношений между СССР и странами Запада, в том числе Германией и США, в обозначенный период на основе документов внешней политики СССР, договоров с иностранными фирмами, периодической печати, мемуаров и новых архивных источников.

Отдельные аспекты влияние иностранного капитала на экономику Донбасса проследили в своих работах донецкие историки Н. П. Троян, С. А. Андросова [5], В. Н. Никольский [6]. Однако они лишь частично затрагивают советско-германские и советско-американские экономические отношения.

Специальных работ по рассматриваемой теме очень мало. К тому же в них недостаточно отражены вопросы результативности экономического сотрудничества, рационального использования передового опыта немецких и американских специалистов. Поэтому в данной работе предпринята попытка комплексного подхода к изучению темы экономических отношений с ведущими странами Запада.

Автор ставит перед собой цель всестороннего изучения опыта экономических отношений СССР с Германией и США, участия иностранных фирм, специалистов и рабочих в реконструкции и строительстве промышленных объектов на территории Советского Союза, в том числе в Донбассе, подготовке кадров советских специалистов.

Следует отметить, что в 1920-е годы СССР существенно отставал от передовых капиталистических стран по общему объему производства и темпам развития промышленности. В стране не было необходимых денежных средств для модернизации экономики, почти отсутствовали квалифицированные и инженерно-технические специалисты. Было очевидно, что реализовать идею построения социализма невозможно без установления экономических и научно-технических связей с передовыми странами Запада. Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин, осознавая необходимость создания благоприятных условий для построения социализма, призвал «черпать обеими руками хорошее из-за границы» [7].

В числе первоочередных и неотложных задач в первые годы Советской власти одно из важнейших мест занимала политика предоставления концессий зарубежным фирмам с целью привлечения иностранного капитала для развития наиболее перспективных отраслей горнодобывающей, металлургической и машиностроительной промышленности. К тому же концессии должны были способствовать выходу страны из экономической изоляции.

Впервые вопрос о концессиях рассматривался на заседании СНК РСФСР 23 ноября 1920 года, который принял общие экономические и юридические условия концессий, где были изложены положения о привлечении в страну иностранного капитала, а уже 23 ноября 1921 года был создан концессионный комитет при СНК РСФСР во главе с Г. М. Кржижановским, который декретом СНК СССР от 21 августа 1923 года был преобразован в Главный концессионный комитет при СНК СССР, на который возлагалось общее руководство деятельностью концессий [8].

В течение 1922–1927 годов было подписано 63 договора об образовании концессий, среди них 32 в обрабатывающей промышленности, 25 – в горной и 6 в лесной промышленности. К началу 1927–1928 хозяйственного года общие вложения иностранного капитала в народное хозяйство СССР составили 52,2 млн рублей. По числу концессий первое место занимала Германия – 30 % всех сделок, за ней шли США – 19 % [9].

Договора помимо технической помощи предусматривали обмен специалистами. Советские инженеры и руководители предприятий направлялись в другие страны для изучения производственных процессов, ознакомления с современной техникой. В 1927, 1928 годах США посетили 75 советских технических групп численностью 203 человека [10]. Однако обмен специалистами в те годы еще не носил массового характера. Предприятия с привлечением иностранного каптала составляли менее 1 % от общего количества фабрик и заводов.

Концессионная политика Советской власти не оправдала ее надежд на ускоренное и масштабное строительство промышленных объектов, реконструкцию дореволюционных заводов. Так, в 1926, 1927 годах продукция концессионных предприятий составляла всего 0,64 % по сравнению с государственной промышленностью, которая оценивалась в 9,7 млрд рублей [11].

Страна нуждалась в такой политике, которая смогла бы осуществить в короткие сроки индустриализацию страны. Поэтому государственные органы приступили к вытеснению концессий путем введения новых налогов, создания разного рода административных и хозяйственных трудностей при заключении договоров о создании новых концессий и в организации их работы. В условиях возросшей конкуренции, создаваемой крупными госпредприятиями, многие концессии, особенно мелкие и средние, утрачивали на российском рынке свою привлекательность и способность выдержать конкуренцию. Кроме того, многие из них не могли выполнить условия договора о сотрудничестве в силу недостатка капитала, что в условиях жесткой конкуренции вынуждало их уходить из

российского рынка. Дальнейшее существование таких концессий было делом времени. Уже с конца 1920-х годов вместе со свертыванием НЭПа утрачивала свое предназначение концессионная политика. Это привело к тому, что из 39 немецких и 13 американских концессий, действовавших на территории СССР в 1927, 1928 годах, к 1935 году остались одна немецкая и четыре американских концессий, а в 1937 году они вообще были упразднены [12].

В конце 1920-х годов начался новый, более высокий уровень сотрудничества с зарубежными фирмами и компаниями в связи с тем, что советское руководство взяло курс на ускоренную индустриализацию и преодоление отставания СССР от передовых капиталистических стран. В резолюции XV съезда ВКП(б) в 1927 году отмечалось, что использование западноевропейского и американского научно-промышленного опыта должно быть первоочередной задачей индустриализации [13].

Заметим, что приоритетным направлением сотрудничества с иностранными фирмами и компаниями должно было стать внедрение передовых технологий и массовое привлечение инженерно-технических специалистов, в чем особенно нуждалась модернизация советской промышленности.

Экономическое сотрудничество с зарубежными странами в годы индустриализации можно условно разделить на два периода. В 1920-х годах СССР использовал послевоенную изоляцию Германии, а в 1930-х – Великую депрессию в США, вызванную общим кризисом капитализма.

После гражданской войны в России Германия и СССР оказались под санкциями и вынуждены были вступить на путь сотрудничества. Советско-германское соглашение в Рапалло 1922 года способствовало налаживанию экономических отношений между СССР и Германией. Период 1924–1933 годов характерен высокими темпами роста экономических и научно-технических связей двух стран. Можно выделить такие основные формы сотрудничества как заказы в Германии оборудования для промышленных предприятий, поездки советских специалистов с целью изучения производственного опыта, заключение договоров о технической помощи с крупнейшими немецкими концернами и фирмами. По подсчетам профессора Н. В. Ножкиной советские заказы в 1930 году составляли 400 млн марок, в 1931 – 700 млн марок, в 1932 году – 919,3 млн марок. При этом, если в общем объеме ввоза в СССР машин и оборудования на Германию в 1930 году приходилось около 25 %, то в 1932 году – 47 % [14].

В связи с возросшей ролью Донбасса в индустриализации страны советское руководство приняло решение о привлечении большого числа инженерно-технических специалистов из западных стран для работы на промышленных предприятиях региона. Только трест «Донуголь» в течение 1926–1928 годов заключил контракты с 15 немецкими фирмами на монтаж промышленного оборудования. Немецкие специалисты подготовили проекты строительства двух новых шахт в Сталино и Краснодоне, некоторые из них даже занимали высокие должности в структурах треста «Донуголь» [15].

В 1930 году немецкие рабочие и специалисты работали на шахтах Донбасса: «Американка», «Брянка», «Ирмино», имени Щекина, имени Артема, трестов «Артемуголь», «Луганскуголь», «Донбассантрацит» [16], а в 1931 году на работах по механизации угольных шахт Донбасса было задействовано около 2 000 иностранных специалистов, 80 % которых составляли немцы. В 1933 году только на Краматорском металлургическом заводе работали 500 немецких специалистов [17].

Производственная деятельность немецких специалистов, их вклад в экономическую модернизацию страны открывали перспективы для расширения советско-германского сотрудничества. За годы индустриализации в СССР было заключено более 70 договоров с немецкими фирмами, в том числе с широко известным концерном «Siemens», который осуществлял поставки оборудования и паровых турбин, консультировал советских специалистов. В 1930 году в СССР работали 2550 немецких рабочих и специалистов, или 8 % от общего количества иностранцев, работающих по контракту, а в 1932 году их численность выросла до 50 % [18].

В 1933 году после прихода к власти Гитлера СССР начал осуществлять преимущественные связи с США, которые к тому времени стали мировым лидером по внедрению прогрессивных технологий и новой техники в производство. Американские компании сотрудничали с советскими управленческими структурами в проектировании и строительстве крупных предприятий в металлургии, машиностроении и автомобилестроении. Особо следует отметить архитектурно-строительную фирму Альберта Кана, которая в 1930 году заключила договор с советской компанией «Амторг», по которому стала ведущим проектировщиком и консультантом советского правительства в области промышленности, получив при этом заказы на строительство более 500 промышленных объектов стоимостью в 2 млрд долларов [19] (по нынешнему курсу – более 250 млрд долларов).

Согласно договору в Москве был создан «Госпроектстрой», который стал филиалом фирмы Кана и обеспечивал проектирование и строительство Челябинского, Сталинградского и Харьковского тракторных заводов, металлургических заводов в Магнитогорске, Днепропетровске, автомобильных заводов в Москве и Нижнем Новгороде. В «Госпроектстрое» работали 25 американских инженеров и около 2,5 тысяч советских сотрудников. Кроме фирмы Кана в СССР сотрудничали 40 других американских фирм и компаний, которые проектировали и сооружали наиболее крупные предприятия в машиностроении, черной и цветной металлургии, автомобилестроении, электротехнике, телефонной связи с использованием готовых проектов заводов США с доставкой в СССР своего оборудования [20].

СССР в начале 1930-х годов был крупнейшим рынком для экспорта американской машинной техники и оборудования. На долю СССР в 1931 году приходилось 27,5 % всего американского экспорта оборудования стоимостью 39 млн долларов, 25 % всего экспорта металлообрабатывающих машин и 31,6 %

экспорта станков. СССР сохранял второе место в американском экспорте промышленности и оборудования [21].

В 1930-х годах иностранные компании значительно расширили свои связи с Донбассом, который играл особую роль в планах обновления советской экономики. Здесь с помощью Германии и США в 1930-х годах были построены и реконструированы «Азовсталь», Алчевский, Енакиевский, Макеевский, Краматорский металлургические заводы, Краматорский завод тяжелого машиностроения, Зуевская ГРЭС и др. Особенно масштабно осуществлялась реконструкция Луганского паровозостроительного завода в 1928–1933 годах, в которой принимали участие группа американских специалистов и рабочих с доставкой чертежей нового паровоза с учетом опыта паровозостроения в США и Англии [22].

Результаты технической помощи иностранных компаний дали очевидный экономический эффект. Если уровень механизации добычи угля в Донбассе в 1926–1927 годах составлял 19,4 %, то в 1937 году достиг 88,6 %, производство стали и чугуна только в Донецкой области выросло почти в 4 раза [23]. Однако не следует преувеличивать роль иностранцев в индустриализации Донбасса. Во-первых, их было значительно меньше, чем в годы индустриального бума в последней трети XIX века, а, во-вторых, в те годы промышленность только создавалась, а в советский период в основном реконструировались дореволюционные предприятия Донецкого региона.

Что же касается индустриализации на всей территории СССР, то она, в отличие от Донбасса, носила противоположный характер, когда большая часть предприятий была построена, а меньшая часть устаревших промышленных объектов была реконструирована.

Вместе с тем характерной особенностью двух разных периодов в истории индустриализации нашей страны являлась роль иностранных компаний, специалистов и рабочих.

Общая численность иностранных специалистов и рабочих в СССР только в 1932 году составила 25 855 человек, из которых более половины были из Германии [24]. В последующие годы на стройках индустрии преобладали американцы. Так, на строительстве Магнитогорского металлургического комбината из 800 задействованных иностранных специалистов большую часть составляли прибывшие из США [25].

Многие иностранные специалисты были достойно оценены правительством СССР. Так, за добросовестный труд при строительстве Днепрогэса Президиум ВЦИК наградил шесть американских специалистов орденами Трудового Красного Знамени [26].

Всего с помощью иностранных компаний Германии и США в СССР было построено и реконструировано около 1500 заводов и фабрик. Их общая стоимость, по разным оценкам, составила около 2–3 млрд долларов и осуществлялась в основном за счет кредиторов в обмен на золото, зерно, и природные ресурсы. Только в 1930 году СССР экспортировал 4,8 млн тонн зерна, а в 1931 году – 5,8 млн тонн [27].

К 1937 году СССР преодолел свою технико-экономическую отсталость от западных стран. К тому времени уже был накоплен опыт по организации производства и поэтому руководство страны пошло по пути свертывания экономических и научно-технических взаимосвязей с западными странами и к концу 1930-х годов они были сведены к минимуму. Большая часть иностранных специалистов к 1938 году покинули СССР.

Подводя итог по исследуемой теме, следует отметить, что без экономического сотрудничества с передовыми странами Запада, в первую очередь с Германией и США, их технической помощи СССР не смог бы в кратчайшие сроки осуществить масштабную индустриализацию и не стал бы великой державой в предвоенный период. Опыт иностранного капитала в 20–30-х годах может быть использован в создании привлекательных условий для иностранных инвестиций, определения путей расширения взаимовыгодного сотрудничества современной России с зарубежными странами.

Список источников и литературы:

1. Шпотов Б. М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы. Лабиринты экономических отношений / Б. М. Шпотов. – М.: Ленанд, 2019. – 320 с.

2. Кирсанов Р. С. Экономическое сотрудничество СССР со странами Запада в годы Сталинской индустриализации. – Монография / Р. С. Кирсанов. – Пенза: Пензенский ГАУ, 2022. – 188 с.

3. Богданов А. В. Иностранные рабочие и специалисты на предприятиях Челябинска и Магнитогорска (1929–1933): Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук / А. В. Богданов. – Челябинск, 2011. – 20 с.

4. Журина Е. Н. Советский Союз и США: движение навстречу друг другу (вторая пол. 1920-х–1933 годы): Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук / Е. Н. Журина. – Брянск, 2013. – 24 с.

5. Троян Н. П. Иностранные рабочие и специалисты в Донбассе в 1930-е годы / Н. П. Троян, С. А. Андросова // Нові сторінки історії Донбасу. – 2012. – Кн. 21. – С. 196–204.

6. Никольский В. Н. Заметки об участии иностранных специалистов и рабочих в восстановлении и развитии промышленности Донбасса (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) / В. Н. Никольский // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2016. – № 2. – С. 101–113.

7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М.: Политиздат, 1974. – Т. 36. – С. 550.

8. Собрание узаконений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). – 1923. – № 21. – Ст. 246. – № 31. – С. 244.

9. История Отечества: политический и социальный опыт (IX–XX века). Учебное пособие / под ред. А. А. Кузнецова и А. В. Медведева. – Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета, 2015. – С. 511.

10. Россия и США: экономические отношения. 1917–1933. Сборник документов. – М.: Наука, 1997. – С. 406.
11. Исторические материалы. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. Глава 3. [Электронный ресурс]. – URL: http://istmat.org>nade/47869.
12. Хромов С. С. Иностранные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы в 2-х томах / С. С. Хромов. – М.: ИРИ РАН, 2006. – Ч. 2. – С. 10–16.
13. КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1981. – Т. 1. – С. 289.
14. Ножкина Н. В. Советско-германские экономические отношения межвоенного периода (1920–1941) / Н. В. Ножкина // Вестник МГУ. Серия 6. Экономика, 1999. – № 3. – С. 45–46.
15. Струченков О. В. Іноземні спеціалісти в Донбасі за доби радянської модернізації кінця 1920–1930-х років / О. В. Струченков // Нові сторінки історії Донбасу. Збірник статей. Книга 19. – 2010.– С. 180.
16. ГА ДНР. – Ф.Р–1471. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 40–41.
17. Иностранные специалисты в СССР. Циклопедия. – 6 апреля 2022. – [Электронный ресурс]. URL: https://cyclowiki.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0
18. Дацишина М. Пролетарская вербовка / М. Дацишина, А. Сорокин. – [Электронный ресурс]. URL: https://rodina-history.ru/2020/09/16/kak-sssr-v-1930-h-verboval-inostrannyh-specialistov-na-strojki-socializma.html
19. Альберт Кан и индустриализация в СССР. История и археология Руси и соседей. – 21 июля 2020. – [Электронный ресурс]. URL: https://m.ok.ru.
20. Диунов М. Как американцы создали главные заводы СССР / М. Диунов // Деловая газета «Взгляд». – 2021. – 01 июня.
21. Россия и США: экономические отношения. 1917–1933. Сборник документов. – М.: Наука, 1997. – С. 375–378.
22. Железный «Феликс» – Наука и техника. – 08.–2012. – [Электронный ресурс]. URL: https://trtrom.narod.ru/parovoz/seriafd3.htm
23. Донецкая область за 50 лет. Статистический сборник. – Донецк: Статистика, 1967. – С. 35,37.
24. Корниенко Н. Л. Развитие интернациональных связей советского рабочего класса в годы первой пятилетки / Н. Л. Корниенко // История СССР. – 1979. – № 6. – С. 162–171.
25. Как индустриализацию СССР ковали американцы и немцы. – [Электронный ресурс]. URL: https://imperialcommiss.livejournal.com/1631434.html
26. Кузьмин М. С. Деятельность партии и Советского правительства по развитию международных и культурных связей СССР. 1917–1932. / М. С. Кузьмин. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1971. – С. 59.

27. Назаренко Н. М. Экспорт зерновых начала 30-х годов в контексте голода 1932–1933 гг. / Н. М. Назаренко, А. В. Башкин // Новейшая история России. – 2016. – №3. – С. 106 - 111.

REFERENCES

1. Shpotov B.M. (2019) American business and the Soviet Union in the 1920s and 1930s. The labyrinths of economic relations. – Moscow: Lenand Publishing House. (In Russian).

2. Kirsanov R. S. (2022) Economic cooperation of the USSR with Western countries during the years of Stalin's industrialization. – Penza: Penza State Agrarian University. (In Russian).

3. Bogdanov A. V. (2011) Foreign workers and specialists at the enterprises of Chelyabinsk and Magnitogorsk (1929–1933): Abstract of a dissertation for the degree of Cand. of History. Sciences. – Chelyabinsk. (In Russian).

4. Zhurina E. N. (2013) The Soviet Union and the USA: moving towards each other (second half of the 1920s–1933). Abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. – Bryansk. (In Russian).

5. Troyan N. P. & Androsova S. A. (2012) Foreign workers and specialists in Donbass in the 1930s. *Noví storínki ístoríЇ Donbasu = New stories about Donbass*. 21, 196–204. (In Russian).

6. Nikolsky V. N. (2016) Notes on the participation of foreign specialists and workers in the restoration and development of industry in Donbass (late 1920s – early 1930s). *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy = Journal of Historical, Political and International Studies*. 2, 101-113. (In Russian).

7. Lenin V. I. (1974) *Complete Works*. M.: Politizdat, 36, p. 550. (In Russian).

8. *Collection of Laws of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR (SU RSFSR)* 1923. No. 21. Art. 246. No. 31. P. 244. (In Russian).

9. *History of the Fatherland: political and social experience (IX–XX centuries). Textbook* (2015) In: Kuznetsov A. A. & Medvedev A. V. (eds.) Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Publishing House, p. 511. (In Russian).

10. *Russia and the USA: Economic Relations. 1917–1933. Collection of documents* (1997). Moscow: Nauka, p. 406. (In Russian).

11. *Historical materials. Foreign concessions in the national economy of the USSR. Chapter 3*. Retrieved from: http://istmat.org>nade/47869 (In Russian).

12. Khromov S. S. (2026) *Foreign concessions in the USSR. Historical essay. Documents in 2 volumes.* M.: IRI RAS, part 2, p. 10-16. (In Russian).

13. *The CPSU in resolutions of congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee* (1981). Moscow: Politizdat, vol. 1, p. 289. (In Russian).

14. Nozhkina N. V. (1999) Soviet-German economic relations of the interwar period (1920–1941) Vestnik MGU. *Seriya 6. Ekonomika = Bulletin of Moscow State University. Series 6. Economics*. 3, 45–46. (In Russian).

15. Struchenkov O. V. (2010) Foreign specialists in Donbas during the Soviet modernization of the late 1920s–1930s. *Novi storinky istoriyi Donbasu. Zbirnyk statey. = New pages of the history of Donbass. Collection of articles*. 19, 180.

16. Civil Aviation of the DPR. F.R–1471. Op. 1. D. 2. L. 40–41. (In Russian).
17. Cyclowiki (2022) Foreign specialists in the USSR. Retrieved from: https://cyclowiki.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%8B_%D0%B2_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0 (In Russian).
18. Datsishina M. & Sorokin A. (2020) *Proletarian recruitment* Retrieved from: https://rodina-history.ru/2020/09/16/kak-sssr-v-1930-h-verboval-inostrannyh-specialistov-na-strojki-socializma.html (In Russian).
19. History and Archaeology of Rus' and Its Neighbors (2020). *Albert Kahn and Industrialization in the USSR*. Retrieved from: https://m.ok.ru (In Russian).
20. Diunov M. (2021) How the Americans created the main factories of the USSR *Business newspaper "Vzglyad"*. June 1 (In Russian).
21. *Russia and the USA: Economic Relations. 1917–1933. Collection of documents* (1997). Moscow: Nauka, p. 375–378. (In Russian).
22. Science and Technology (2012) *Iron "Felix"* Retrieved from: https://trtrom.narod.ru/parovoz/seriafd3.htm (In Russian).
23. Statistical Digest (1967) *Donetsk Oblast for 50 Years*. Donetsk: Statistics, p. 35, 37. (In Russian).
24. Kornienko N. L. (1979) Development of international relations of the Soviet working class during the first five-year plan. *Istoriya SSSR = History of the USSR*. 6, 162-171. (In Russian).
25. Imperialcommiss.livejournal.com (2016) *How the Americans and Germans forged the industrialization of the USSR*. Retrieved from: https://imperialcommiss.livejournal.com/1631434.html (In Russian).
26. Kuzmin M. S. (1971) *Activities of the Party and the Soviet Government to Develop International and Cultural Relations of the USSR*. 1917–1932. Leningrad, p. 59. (In Russian).
27. Nazarenko N. M. & Bashkin A. V. (2016) Grain exports in the early 1930s in the context of the famine of 1932–1933. *Noveyshaya istoriya Rossii = Recent history of Russia*. 3, 106, 111. (In Russian).

Данные автора статьи

Шабельников Виктор Ильич Доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»	**Shabelnikov Victor Ilych** Doctor of historical sciences, Professor FSBEI HE «Donetsk State University»

УДК 94: 356.15 (477.6) «1941-1943»
DOI: 10.5281/zenodo.22102296
EDN: ALUYIO

Г.В. Мишечкин
кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»
E-mail: mishechkin2213@mail.ru

ПОДГОТОВКА 2-Й ГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ К ДОНБАССКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ 1943 ГОДА

Аннотация

В статье на основе, в первую очередь, оперативно-тактических документов, представлен анализ подготовки 2-й гвардейской армии к Донбасской стратегической наступательной операции 1943 года. Автор акцентирует внимание на особенностях и ключевых аспектах данного процесса.

Ключевые слова: *Южный фронт, 2-я гвардейская армия, Донбасская стратегическая наступательная операция, Красная армия, вермахт.*

Summary

The article presents an analysis of the 2nd Guards Army's preparation for the Donbass Strategic Offensive Operation of 1943, based primarily on operational and tactical documents. The author focuses on the specific features and key aspects of this process.

Keywords: *South Front, 2nd Guards Army, Donbass Strategic Offensive Operation, the Red Army, the Wehrmacht.*

Донбасская стратегическая наступательная операция Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее – РККА), проведённая в переломном 1943 году (канонические хронологические рамки 13 августа – 22 сентября), привела к полному освобождению Донбасса, стала ярким свидетельством значительных успехов советских войск на южном участке советско-германского фронта.

Однако, указанная операция далеко не была легкой прогулкой, вермахт за столь короткий период несколько раз на разных участках предпринимал контратакующие действия. Бойцам и командирам Юго-Западного (далее – ЮЗФ) и Южного (далее – ЮФ) фронтов часто приходилось взламывать хорошо укрепленные позиции немецкой обороны, расположенные по берегам Северского Донца, Миуса, Кальмиуса, Крынки и т. д. В журналах боевых

© Мишечкин Г.В., 2026

действий частей и соединений обозначенных нами фронтов в отношении преодоления вражеской обороны стала хрестоматийной фраза: «Ломая упорное сопротивление противника».

Сегодня, в период проведения Специальной военной операции (СВО), с освобождением населенных пунктов в Донбассе, имеются основания для сопоставления событий Великой Отечественной войны и СВО, поднимаются актуальные вопросы, связанные с боевой деятельностью в эти переломные отрезки истории.

В настоящее время у историков появилось гораздо больше возможностей для доступа и изучения документов РККА и вермахта, но не все аспекты Донбасской стратегической наступательной операции освещены в полной мере. Нуждается в дальнейшем более глубоком изучении и вопросы подготовки частей и соединений ЮЗФ под командованием генерала армии Р.Я. Малиновского и ЮФ под командованием генерал-полковника Ф.И. Толбухина к операции, в т. ч. анализ подготовительных мероприятий одного из ключевых оперативных соединений ЮФ – 2-й гвардейской армии (далее – 2 Гв. А). В интересующий нас период командовал 2 гв. А гвардии генерал-лейтенант Г.Ф. Захаров, начальником штаба был гвардии полковник П.И. Левин, членом Военного совета гвардии генерал-майор Н.Е. Субботин.

Историография анализируемого вопроса не изобилует публикациями, хотя он частично освещался в монографиях, статьях, очерках и т. д. [1-14]. Указанная тема представлена в коллективной монографии «Донбасс 1943. Освобождение индустриального сердца России» [15]. Тем не менее, часто подготовка 2 Гв. А к Донбасской операции подаётся фрагментарно. Исключение составляют мемуары генерал-лейтенанта артиллерии И.С. Стрельбицкого, который в период подготовки и проведения данной операции был начальником артиллерии 2 Гв. А [13]. В «Штурме» И.С. Стрельбицкого непосредственно раскрываются отдельные аспекты подготовки 2 Гв. А к операции, но обозначенная работа страдает общими недостатками, присущими мемуарной литературе. Особую помощь при написании работы оказало исследование А.В. Исаева «Освобождение 1943. От Курска и Орла война нас довела...» [8].

Зарубежные исследования Э. Земке, К. Пауля, К.-Х. Фризера, В. Хаупта помогают представить только общий фон Донбасской операции 1943 г. [16-19]. Интересующий нас аспект де-факто не затронут, а сами исследования характеризуются субъективностью и предвзятостью.

Источниковая база год от года пополняется документами 2 Гв. А, а также отдельных входящих в неё подразделений, прежде всего 1-го и 13-го гвардейских стрелковых корпусов (далее – 1 Гв. ск и 13 Гв. ск), 2-го гвардейского механизированного корпуса (далее – 2 Гв. мк). Определенную помощь при написании работы оказали немецкие документы 6-й полевой армии вермахта (далее – 6 А вермахта), находящиеся на Интернет-ресурсе «Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г.». В небольшой по объему работе трудно сделать полный историографический обзор

и целостно охарактеризовать источниковедческую базу анализируемой проблемы.

Опираясь на вышеприведенное, учитывая научно-практическое и идейно-теоретическое значение данной темы, в исследовании поставлена цель – выявление особенностей и анализ ключевых аспектов подготовки 2 Гв. А к Донбасской стратегической наступательной операции августа-сентября 1943 года, опираясь, прежде всего на оперативно-тактические советские документы.

Обратимся к документам, характеризующим состав и структуру 2 Гв. А накануне Донбасской стратегической наступательной операции. Напомним, что после окончания Миусской стратегической наступательной операции 2 Гв. А была выведена в резерв ЮФ, а Донбасская операция для войск ЮФ началась 18 августа 1943 года. Образовавшейся паузой и должно было воспользоваться командование 2 Гв. А.

По плану командования ЮФ, пока указанная армия находилась в резерве, её необходимо было пополнить, доведя численность дивизий до 6,5-7 тыс. состава [8, с. 424].

В докладе Военному Совету ЮФ, подготовленном командованием 2 Гв. А 17 августа, указывалось, что «на 24.00 16 августа» армия включала в себя два гвардейский стрелковых корпуса – 1 и 13 Гв. ск, а также приданный армейскому командованию 2 Гв. мк. Следует заметить, что 4 гвардейский механизированный корпус, который в Миусской стратегической наступательной операции 17 июля – 2 августа 1943 г. действовал в составе 2 Гв. А, в период с 6 по 18 августа 1943 г. находился в резерве командования ЮФ [20]. Соответственно, данные об этом соединении в документах 2 Гв. А в период подготовки к Донбасской операции отсутствуют.

Указанные выше стрелковые корпуса включали в себя по три дивизии. 24, 33 и 86 гвардейские стрелковые дивизии (далее – 24 Гв. сд, 33 Гв. сд, 86 Гв. сд) входили в состав 1 Гв. ск, а 13 Гв. ск располагал 3, 49 и 87 гвардейскими стрелковыми дивизиями (3 Гв. сд, 49 Гв. сд, 87 Гв. сд) [21]. Численность дивизий гвардейских стрелковых корпусов нам указанное выше время представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Численность дивизий 1 и 13 Гв. ск на 24.00 16 августа 1943 г. [21, л. 73].

Показатель / Наименование соединений	Численность личного состава (чел.)
24 Гв. сд	5 795
33 Гв. сд	4 626
86 Гв. сд	4 104
3 Гв. сд	6 411
49 Гв. сд	5 800
87 Гв. сд	4 131
Общая численность по дивизиям	*30 867*

Данные Таблицы 1 свидетельствуют, что средняя численность дивизий стрелковых корпусов 2 Гв. А составляла немногим более 5 140 человек.

Общая численность 2 Гв. мк, который должен был идти во втором эшелоне армии, составляла 9 967 человек [21, л. 73]. В соответствии с «Боевым составом Советской Армии» указанный мехкорпус включал 4-ю, 5-ю и 6-ю механизированные бригады, 37-й гвардейскую танковую бригаду, 99-й мотоциклетный батальон, 744-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион, 408-й отдельный гвардейский минометный дивизион реактивной артиллерии, 7-й гвардейский отдельный танковый полк, 1543-й самоходно-артиллерийский полк (1543 сап) [22, с. 197].

Кроме того, 2 Гв. А были приданы 2-я гвардейская артиллерийская дивизия прорыва, включающая 4-ю легкую артиллерийскую бригаду, 114-ю пушечную артиллерийскую бригаду, 5-ю гвардейскую гаубичную артиллерийскую бригаду, 20-ю гвардейскую гаубичную артиллерийскую бригаду большой мощности, 33-ю минометную бригаду. С начала августа среди участей усиления в армии числились 1095-й пушечный артиллерийский полк, четыре истребительно-противотанковых артиллерийских полка (иптап) – 14-й, 747-й, 1255-й и 113 гвардейский, 19-я миномётная бригада, 483-й миномётный полк, части 18-й зенитной артиллерийской дивизии (160-й и 166-й гвардейский, 297-й и 1262-й зенитный артиллерийский полк) и 1530-й зенитный артиллерийский полк.

Отечественный исследователь А.В. Исаев отмечал, что 2 Гв. А располагала такими артиллерийских средствами, что могла создать на направлении главного удара плотность до 200 орудий и минометов на 1 км фронта [8, с. 429]. Наступление 2 Гв. А должны были обеспечить 63-я инженерно-строительная бригада и 355-й отдельный инженерный батальон [22, с. 197].

Согласно армейским документам, обеспеченность основных подразделений 2 Гв. А боеприпасами на 24.00 16 августа 1943 была такой, как это отражено в Таблице 2.

Таблица 2. Обеспеченность дивизий и 2 Гв. мк боеприпасами на 24.00 16 августа 1943 года (в боекомплектах) [21, л. 73].

Показатель / Подразделение	Мины (б/к)		Снаряды (б/к)			
	82 мм	120 мм	76 мм ПА*	76 мм ДА**	122 мм	152 мм
24 Гв. сд	0.7	1.0	0.8	0.4	-	-
33 Гв. сд	0.54	0.16	-	0.6	0.07	-
86 Гв. сд	1.3	1.07	1.37	0.9	0.4	-
3 Гв. сд	0.6	1.0	1.2	1.1	0.07	-
49 Гв. сд	0.6	0.7	1.6	1.3	0.1	-
87 Гв. сд	1.2	1.0	1.4	1.9	0.07	-
2 Гв. мк	2.3	2.3	-	1.9	-	5.2

* Полковая артиллерия

** Дивизионная артиллерия

В обозначенном документе указано, что на армейской базе в наличии ещё 1,9 б/к 82 мм мин, 0,24 б/к 120 мм мин, 2,6 б/к 76 мм ПА снарядов, 0,3 б/к 76 мм ДА снарядов, 0,07 б/к 122 мм снарядов. Учитывая данные Таблицы 2, вполне

понятны выводы, сделанные в документе 2 Гв. А: «Плохо снабжены по основной номенклатуре боеприпасов – 122 и 152 мм ПГ [*ПГ – пушки-гаубицы – М.Г.В.*]» [21, л. 73].

По данным исследователей, к началу Донбасской операции 2 Гв. А имела 261 танк, при этом из них 32 в ремонте, 537 орудий и 266 минометов. Половину танкового парка составляли машины 2 Гв. мк – 118 в строю и 23 в ремонте. Кроме того, армию усилили 140-й танковой бригадой [8, с. 429].

С точки зрения подготовки к Донбасской операции в материальном отношении, интересно проследить динамику наличия боевых машин во 2 Гв. мк. Так, на 6 августа насчитывалось 43 боеготовых танка и 60 – в ремонте, исправных бронемашин – 33 ед., неисправных – 12 ед., а на 10 августа боеготовых танков было уже 63, в ремонте – 41. К 13 августа число боеготовых танков составило 82 ед., в ремонте снизилось до 15 ед. На 24.00 18 августа 1943 г. во 2 Гв. мк насчитывалось 85 боеготовых танков Т-34 и 17 в ремонте, 36 танков Т-70 боеготовыми и 3 в ремонте. Боеготовых СУ-152 насчитывалось 6 ед. [8, с. 433]. В ЖБД 2 Гв. мк отмечалось наличие еще 4 ед. КВ-14 (СУ-152) в ремонте [23]. Боеготовых бронемашин БА-64 была 31 ед., в ремонте – 13 ед. Неоднократно упомянутый А.В. Исаев констатировал: «По данным на 8 августа, наиболее многочисленными были «полуторки» ГАЗ-АА – 589 машин (427 исправных). Грузовиков 433 ЗИС-5 было 120 (94 исправных), ЗИС-5 специальных – 9 (8), «Додж» – 30 (20), «Форд» – 98 (88), «Студебекер» – 26 (25), трофейных грузовиков – 2 (2), «Шевроле» специальных – 8 (4), бензоцистерн – 68 (64). Помимо этих машин в корпусе было 38 переоборудованных под узкие задачи автомашин: штабных, санитарных, передвижных зарядных станций, раций и ремонтных летучек. Отечественных мотоциклов М-72 было 55 (54 исправных), импортных мотоциклов – 16 (11 исправных). Тракторов СТЗ- НАТИ был всего один, а трофейных тягачей – три» [8, с. 433-434]. Ленд-лизовская техника составляла меньшую часть транспортных средств 2 Гв. мк.

В соответствии с журналом боевых действий ЮФ, 2 Гв. А закончила перегруппировку 17 августа 1943 г. [24, л. 70]. К 18 августа 1943 г. увеличились и показатели стрелкового вооружения армии: 26 599 винтовок, *16 154* автоматов ППШ и ППД [*указанная цифра приведена неразборчиво, поэтому число автоматов подсчитано автором – М.Г.В.*], 1 620 пулеметов [24, л. 80]. Следовательно, показатели материальной обеспеченности 2 Гв. А были улучшены и в целом несколько превосходили соответствующие показатели 5-й Ударной армии [12, с. 85].

Необходимо указать на еще один с нашей точки зрения важный момент. Согласно журналу боевых действий 2 Гв. А, генерал-лейтенант Г.Ф. Захаров вступил в командование армией 31 июля 1943 г. [*т. е. на завершающем этапе Миусской стратегической наступательной операции, сменив на этой должности генерал-лейтенанта Я.Г. Крейзера – М.Г.В.*] [25, л. 99]. Для него в новой должности Донбасская операция была первым испытанием. На этом факте заостряли внимание специалисты, указывая, что «Новый командующий

развернул кипучую деятельность по подготовке войск к штурму вражеских укрепленных позиций» [3, с. 127].

Безусловно, успех любой войсковой операции во многом определяется результатом проведенной разведки. В послевоенных мемуарах командующий артиллерией армии И.С. Стрельбицкий утверждал, что, опираясь на показания немецких военнопленных, нашим артиллеристам были известны «два генеральских» и «около пятнадцати офицерских» командных пункта. Но по словам самого же Ивана Семеновича, именно в день, когда началась Донбасская операция, должны были провести артиллерийскую разведку минных полей, и забегая вперед, в первый день операции «не удалось полностью подавить вражескую артиллерию» [13, с. 69-72]. Данные факты свидетельствовали о том, что с разведывательными мероприятиями до конца не успели или проведены они были далеко не надлежащим образом.

В донесениях разведки 6 А вермахта за 16 августа 1943 г. констатировалось, что не видно «серьезной угрозы на текущих пунктах давления врага», все действия советской стороны принимались за сковывающие удары, предполагалось, что главный удар будет нанесен юго-восточнее Изюма [26].

Однако, уже на следующий день противник указывал на перемещения перед правым флангом XVII армейского корпуса небольших групп пехоты, «что может говорить о масштабной смене войск, либо о прибытии частей новой армии (2-я гвардейская армия) в район Русское-Дмитриевка». Оценивая обстановку, ссылаясь на показания перебежчиков, данные, обнаруженные через радиоперехват, в частности «прибытие 1-го и 13-го гвардейских стрелковых корпусов», враг осознавал, что на указанном участке что-то готовится, но резюмировал: «Какие задачи поставлены перед 2-й гвардейской армией, наступательные или оборонительные, сказать пока нельзя» [27].

Забегая вперед, процитируем записи от 18 августа 1943 г. в ЖБД 6 А: «противник…на широком фронте *мощными силами* 2-й гвардейской и 5-й ударной армией перешёл в наступление *неожиданными силами* против полос 336-й, 294-й и правого фланга 306-й *пд*» [*курсив мой –М.Г.В.; пд – пехотная дивизия*] [28].

В документе вермахта «Отчет 6-й армии: оборонительное сражение 6-й армии между Миусом и Днепром 18.8-20.9.1943», датированном 20 сентября 1943 г., сделаны следующие выводы в отношении подготовительных мероприятий ЮФ, в т. ч. 2 Гв. А к Донбасской операции, которые мы позволим себе процитировать: «Таким образом, русским в известной степени удалось достигнуть внезапности. Другой причиной этого были очень искусные меры маскировки, но они сыграли далеко не главную роль. Главный фактором оказалось то, что новые части практически не выдвигались из глубины тыла, а промежуток времени с 3 по 17.8 использовался для того, чтобы пополнить людьми и техникой потрепанные в июльском сражении соединения, оставшиеся на фронте, или отведенные в тыл на отдых. Это было как молодое вино в старых мехах. Состав русских сил все время был одним и тем же». В указанном документе констатировалось, что «средства разведки, прекрасно показавшие

себя в июле, не смогли своевременно и в полной мере выявить фактический размер сил противника» [29].

Важно также отметить, что при подготовке к Донбасской операции командование 2 Гв. А попыталось учесть опыт боевых действий в ходе Миусской операции: сложность прорыва глубокоэшелонированной укрепленной обороны противника и необходимость достаточного запаса боеприпасов; умение своевременно маневрировать резервами; более тесная координация боевых действий с соседними соединениями (прежде всего с 5-й Ударной армией)

Таким образом, у 2 Гв. А было немного времени на подготовку к Донбасской стратегической наступательной операции, еще 16-17 августа проходила смена частей и приём боевых участков. Как показали дальнейшие события и отмечалось в послевоенных мемуарах, разведывательные мероприятия не были доведены до конца, что сказалось особенно в первые дни операции.

Тем не менее, в последние предоперационные дни шла интенсивная подготовка к наступлению, численность и материальная обеспеченность существенно выросли. Армия была доукомплектована частями усиления, кроме того в полосе действия 2 Гв. А должна был действовать часть артиллерии 28 армии. Большая часть боевых машин, с которыми ударная сила 2 Гв. А – 2 Гв. мк – готовилась идти в бой, сохранилась с предыдущих боев или была отремонтирована в период затишья. В полосе наступления должен был действовать 7-й штурмовой авиакорпус. Транспортный парк был в основном отечественным.

Как свидетельствуют документы вермахта, ЮФ в целом, 2 Гв. А в частности, удалось в какой-то степени подготовиться к Донбасской операции скрытно, пополнение людьми и техникой провести таким образом, что враг прямо указывал в документах: «…средства разведки, прекрасно показавшие себя в июле, не смогли своевременно и в полной мере выявить фактический размер сил противника» [29].

В Ставке Верховного Главнокомандования и в штабе ЮФ делали всё возможное для качественной поддержки 2 Гв. А, но части усиления станут прибывать на ЮФ, когда наступление уже началось. Армии генерал-лейтенанта Г.Ф. Захарова, наряду с 5-й Ударной и 28-й армиями ЮФ, приходилось в тяжелых боях прорывать «Миус-фронт».

Список источников и литературы:

1. Бирюзов С.С. Когда гремели пушки. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1961. – 280 с.

2. Ботев Ю. Л. Битва за Донбасс: к 80-летию Донбасской наступательной операции / Ю. Л. Ботев, В. В. Изонов, В. С. Хохлов // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2023. – № 3(128). – С. 144-154.

3. Васильев Ф. Генерал армии Г.Ф. Захаров (к 70-летию со дня рождения) // Военно-исторический журнал. – 1967. - № 4. – С. 126-128.

4. Василевский, А.М. Дело всей жизни / А.М. Василевский. – М.: Вече, 2014. – 608 с.

5. Гвардейский Николаевско-Будапештский. Боевой путь 2-го гвардейского механизированного корпуса. – М.: Воениздат, 1976. 190 с.

6. Донбасская наступательная операция // Вестник Академии военных наук. – 2023. – № 3(84). – С. 178-181.

7. Ершов, А. Г. Освобождение Донбасса: военно-ист. очерк / А. Г. Ершов. – М.: Воениздат, 1973. – 240 с.

8. Исаев А. В. Освобождение 1943. «От Курска и Орла война нас довела...» / Алексей Исаев. – М.: Яуза: Эксмо, 2013. – 544 с.

9. Исаев А. Прорыв Миус-фронта. Июль – август 1943 года // Фронтовая иллюстрация. 2006. № 3. – 86 с.

10. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 2-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 228 с.

11. Медведев М.В. Южный фронт в прорыве немецких рубежей на Миус-фронте в августе 1943 года // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2021. №2 (210). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuzhnyy-front-v-proryve-nemetskih-rubezhey-na-mius-fronte-v-avguste-1943-goda (Дата обращения: 15.02.2026).

12. Мишечкин Г.В. 5-я ударная армия в Донбасской стратегической наступательной операции (август-сентябрь 1943 г.): подготовка, ход и итоги / Г. В. Мишечкин // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2023. – № 4 (87). – С. 81-94.

13. Стрельбицкий И. С. Штурм. – М.: Воениздат, 1965. – 250 с.

14. Твои освободители, Донбасс: очерки, воспоминания / сост. Г. В. Тепляков. – 5-е изд., доп. – Донецк : Донбасс, 1976. – 423 с.

15. Донбасс 1943. Освобождение индустриального сердца России // Под общей ред. А.В. Драбкина. – М.: Яуза, 2023. – 736 с.

16. Земке, Э. От Сталинграда до Берлина. Операции советских войск и вермахта. 1942-1945 / Пер. с англ. А.Л. Андреева. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 604 с.

17. Пауль, К. Восточный фронт. Книга вторая. Выжженная земля. 1943 – 1944. –М.: Изографус, ЭКСМО, 2003. – 432 с.

18. Frieser, Karl-Heinz, Die Ostfront 1943/44. Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten. München. Deutsche Verlags-Anstalt, 2007. – 1319 p.

19. Хаупт, Вернер. Сражение группы армий "Юг". Взгляд офицера вермахта / Вернер Хаупт; [пер. с нем. С. Липатова]. – Москва: Яуза: Эксмо, 2006 (Тверь: Тверской полиграфкомбинат). – 445 с.

20. Журнал боевых действий 4-го гвардейского механизированного корпуса (22.05.42 – 28.02.45 гг.) // ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2928. Д. 13. Л. 50. (здесь и

далее документы взяты с официального сайта «Память народа» – pamyat-naroda.ru)

21. Докладываю о боевой готовности войск // ЦАМО. Ф. 64. Оп. 505. Д. 355. Л.73-74.

22. Боевой состав Советской Армии. Часть III (январь – декабрь 1943 г.) / Военно-научное управление Генерального штаба. – М.: Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство Министерства обороны СССР, 1972. – 336 с.

23. Журнал боевых действий 2-го гвардейского механизированного корпуса за 01.0143 -03.11.43 г. // ЦАМО. Ф. 3426. Оп. 1. Д. 24. Л. 70

24. Журнал боевых действий Южного фронта за август 1943 г. // ЦАМО. Ф. 64. Оп. 505. Д. 185. Л. 70.

25. Журнал боевых действий 2 гвардейской армии (01.07 – 02.08.43 г.) // ЦАМО. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 65. Л. 99.

26. Журнал боевых действий 6-й армии. 1-17 августа 1943 г. (Данные за 16 августа 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. URL. - https://donbass43.ru/ (Дата обращения: 14 июня 2026 г.).

27. Журнал боевых действий 6-й армии. 1-17 августа 1943 г. (Данные за 17 августа 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. URL. - https://donbass43.ru/ (Дата обращения: 14 июня 2026 г.).

28. Журнал боевых действий 6-й армии. 18-31 августа 1943 г. (Данные за 18 августа 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. URL. - https://donbass43.ru/ (Дата обращения: 14 июня 2026 г.).

29. Отчет 6-й армии: оборонительное сражение 6-й армии между Миусом и Днепром 18.8-20.9.1943 (Дата создания документа 20 сентября 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. URL. - https://donbass43.ru/ (Дата обращения: 14 июня 2026 г.).

REFERENCES

1. Biryuzov, S.S. (1961) *Kogda gremeli pushki*. M.: Voennoe izdatel`stvo Ministerstva oborony` SSSR, 280 p. (In Russian).

2. Botev, Yu. L. (2023) [Bitva za Donbass: k 80-letiyu Donbasskoj nastupatel`noj operacii] / Yu. L. Botev, V. V. Izonov, V. S. Xoxlov // *Izvestiya Rossijskoj akademii raketny`x i artillerijskix nauk*. 3(128), 144-154. (In Russian).

3. Vasil`ev F. (1967) [General armii G.F. Zaxarov (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya)] // *Voenno-istoricheskij zhurnal.* 4, 126-128. (In Russian).

4. Vasilevskij, A.M. (2014) *Delo vsej zhizni* / A.M. Vasilevskij. M.: Veche, 608 p. (In Russian).

5. *Gvardejskij Nikolaevsko-Budapeshtskij. Boevoj put` 2-go gvardejskogo*

mexanizirovannogo korpusa (1976). M.: Voenizdat, 190 s. (In Russian).

6. [Donbasskaya nastupatel`naya operaciya] (2023) // *Vestnik Akademii voenny`x nauk*. 3(84), 178-181 pp. (In Russian).

7. Ershov, A. G. (1973) *Osvobozhdenie Donbassa: voenno-ist. ocherk* / A. G. Ershov. M.: Voenizdat, 240 p. (In Russian).

8. Isaev A. V. (2013) *Osvobozhdenie 1943. «Ot Kurska i Orla vojna nas dovela...»* / Aleksej Isaev. – M.: Yauza: E`ksmo, – 544 s. (In Russian).

9. Isaev A. (2006) *Prory`v Mius-fronta. Iyul` – avgust 1943 goda* // Frontovaya illyustraciya, 3, 86 p. (In Russian).

10. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F. (2011) *Mius-front v Velikoj Otechestvennoj vojne*. 2-e izd., ispr. i dop. Rostov n/D.: Izd-vo YuNCz RAN, 228 p. (In Russian).

11. Medvedev, M.V. (2021) *Yuzhny`j front v prory`ve nemeczkix rubezhej na Mius-fronte v avguste 1943 goda.* Retrieved from: https://cyberleninka.ru/article/n/yuzhnyy-front-v-proryve-nemetskih-rubezhey-na-mius-fronte-v-avguste-1943-goda (date of application: 15.02.2026). (In Russian).

12. Mishechkin G. V. (2023) [5-ya udarnaya armiya v Donbasskoj strategicheskoj nastupatel`noj operacii (avgust-sentyabr` 1943 g.): podgotovka, xod i itogi] // *Zhurnal istoricheskix, politologicheskix i mezhdunarodny`x issledovanij*. 4 (87), 81-94. (In Russian).

13. Strel`biczkij I. S. (1965) *Shturm*. – M.: Voenizdat, – 250 s. (In Russian).

14. *Tvoi osvoboditeli, Donbass: ocherki, vospominaniya* (1976) / sost. G. V. Teplyakov. – 5-e izd., dop. – Doneczk: Donbass, 423 p. (In Russian).

15. *Donbass 1943. Osvobozhdenie industrial`nogo serdcza Rossii* (2023) // Pod obshhej red. A.V. Drabkina. M.: Yauza, 736 p. (In Russian).

16. 3emke, E`. (2009) *Ot Stalingrada do Berlina. Operacii sovetskix vojsk i vermaxta. 1942–1945* / Per. s angl. A.L. Andreeva. M.: 3AO Centrpoligraf, 604 p. (In Russian).

17. Paul`, K. (2003) *Vostochny`j front. Kniga vtoraya. Vy`zhzhennaya zemlya. 1943 – 1944*. M.: Izografus, E`KSMO, 432 p. (In Russian).

18. Frieser, Karl-Heinz, (2007) *Die Ostfront 1943/44. Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten*. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 1319 p. (in German).

19. Xaupt, Verner. (2006) *Srazhenie gruppy` armij «Yug». Vzglyad oficera vermaxta* [per. s nem. S. Lipatova]. Moskva: Yauza: E`ksmo, (Tver`: Tverskoj poligrafkombinat). – 445 p. (In Russian).

20. *Zhurnal boevy`x dejstvij 4-go gvardejskogo mexanizirovannogo korpusa (22.05.42 – 28.02.45 g.)* Retrieved from: // CzAMO. F. 243. Op. 2928. D. 13. L. 50. (zdes` i dalee dokumenty` vzyaty` s oficial`nogo sajta «Pamyat` naroda» - pamyat-naroda.ru). (In Russian).

21. *Doklady`vayu o boevoj gotovnosti vojsk.* Retrieved from: // CzAMO. F. 64. Op. 505. D. 355. L.73-74. (In Russian).

22. *Boevoj sostav Sovetskoj Armii. Chast` III (yanvar` – dekabr` 1943 g.)* (1972) /Voenno-nauchnoe upravlenie General`nogo shtaba. M.: Ordena Trudovogo Krasnogo Znameni Voennoe izdatel`stvo Ministerstva oborony` SSSR, 336 s. (In Russian).

23. *Zhurnal boevy`x dejstvij 2-go gvardejskogo mexanizirovannogo korpusa za 01.01.43 -03.11.43 g.* Retrieved from: // CzAMO. F. 3426. Op. 1. D. 24. L.70. (In Russian).

24. *Zhurnal boevy`x dejstvij Yuzhnogo fronta za avgust 1943 g.* Retrieved from: // CzAMO. F. 64. Op. 505. D. 185. L. 70. (In Russian).

25. *Zhurnal boevy`x dejstvij 2 gvardejskoj armii (01.07 – 02.08.43 g.)* Retrieved from: // CzAMO. F. 303. Op. 4005. D. 65. L. 99. (In Russian).

26. *Zhurnal boevy`x dejstvij 6-j armii. 1-17 avgusta 1943 g. (Danny`e za 16 avgusta 1943 g.).* Retrieved from: // Donbass-1943: osvobozhdenie industrial`nogo serdcza Rossii v iyule-sentyabre 1943 g. URL. - https://donbass43.ru/ (date of application: 14.06.2026). (In Russian).

27. *Zhurnal boevy`x dejstvij 6-j armii. 1-17 avgusta 1943 g. (Danny`e za 17 avgusta 1943 g.).* Retrieved from: // Donbass-1943: osvobozhdenie industrial`nogo serdcza Rossii v iyule-sentyabre 1943 g. URL. - https://donbass43.ru/ (date of application: 14.06.2026). (In Russian).

28. *Zhurnal boevy`x dejstvij 6-j armii. 18-31 avgusta 1943 g. (Danny`e za 18 avgusta 1943 g.).* Retrieved from: // Donbass-1943: osvobozhdenie industrial`nogo serdcza Rossii v iyule-sentyabre 1943 g. URL. - https://donbass43.ru/ (date of application: 14.06.2026). (In Russian).

29. *Otchet 6-j armii: oboronitel`noe srazhenie 6-j armii mezhdu Miusom i Dneprom 18.8-20.9.1943 (Data sozdaniya dokumenta 20 sentyabrya 1943 g.).* Retrieved from: // Donbass-1943: osvobozhdenie industrial`nogo serdcza Rossii v iyule-sentyabre 1943 g. URL. - https://donbass43.ru/ (date of application: 14.06.2026). (In Russian).

Данные автора статьи

Мишечкин Геннадий Валерьевич кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского» ORCID 0000-0001-5869-156X	**Mishechkin Gennadyi Valeryevich** Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, FSBEI HE “Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky” ORCID 0000-0001-5869-156X

УДК 94(47).084.9+728.3.03 «1953–1964»
DOI: 10.5281/zenodo.22102337
EDN: CTPVOB

О.Б. Пенькова
кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: moruzhenko63@mail.ru

В.А. Герасько
Магистрант
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: valentingerasko@yandex.ru

ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ В ГОДЫ РЕФОРМ Н.С. ХРУЩЁВА (1953–1964 ГГ.)

Аннотация

В статье рассматривается политика активного жилищного строительства, развёрнутая в СССР в период деятельности Н.С. Хрущёва. Целью работы является выделение в рамках названной политики ряда существенных факторов, актуальных, по нашему мнению, для более глубокого и системного изучения данной проблематики. Сделан вывод о многогранности и системности таковых факторов, взаимодействие которых определило общий характер реформы.

Ключевые слова: *хрущёвская жилищная реформа, «хрущёвка», советская политика в области жилья, индустриально-типовое строительство в СССР.*

Summary

This article examines the policy of active housing construction that was implemented in the USSR during the reign of Nikita Khrushchev. The purpose of this work is to identify a number of significant factors within this policy that, in our opinion, are relevant for a more in-depth and systematic study of this issue. We conclude that these factors are multifaceted and systemic, and their interaction determined the overall nature of the reform.

Keywords*: Khrushchev's housing reform, the "Khrushchevka", Soviet housing policy, industrial-type construction in the USSR.*

«Жилищный вопрос» в послевоенном Советском Союзе однозначно трактуется современными исследователями советской повседневности [1, с. 16; 2, с. 163; 3, с. 147; 4, с. 51], как один из самых назревших для граждан в ту пору – в этом контексте более точным будет определение «жилищной

© Пенькова О.Б., Герасько В.А., 2026

проблемы» или «жилищного кризиса». К причинам обострения данной проблемы следует отнести как внешнее воздействие – разрушение значительной части советского жилищного фонда в ходе боевых действий 1941–1945 гг., – так и ряд внутренних тенденций демографии и экономического развития, в соответствии с которыми существенные капитальные вложения в строительство нового жилищного фонда длительное время не могли быть выделены без ущерба для промышленности группы «А» и отраслей оборонного значения, а процессы миграции сельского населения в города продолжались быстрыми темпами.

Послевоенные мероприятия Советской власти в этой области были направлены на восстановление прежде всего городского жилищного фонда; укрупнены были и инвестиции в строительство нового жилья [5, с. 245], однако даже оптимальные темпы реализации плана по жилью не могли удовлетворить общественный спрос. Так, часть граждан, формально имевшая крышу над головой, вынуждена была пользоваться временным жильем – землянками и бараками [4, с. 51]. Коммунальное жилье, несмотря на пренебрежительное отношение к нему ряда исследователей повседневности [1, с. 28 – 29; 2, с. 162; 3, с. 130], все же оставалось на тот момент вынужденной, но допустимой мерой, востребованной по сравнению с временным и повреждённым жильем [6]. Но и фонд многоквартирных домов дореволюционной постройки имел значительный износ. Ввод в строй нового жилья не имел массового характера и в основном повышал уровень жизни лишь ограниченной части населения – прежде всего научно-технических специалистов и интеллигенции. Это стало основанием для последующей критики «элитарности» сталинской жилищной программы в сравнении с «эгалитаризмом» хрущёвского периода [1, с. 68; 7, с. 31; 3, с. 150].

Столь тяжелое положение в сфере жилья было известно политическому руководству страны. Так, по словам Н.С. Хрущёва, проблема строительства жилых зданий в Москве была поставлена перед ним И.В. Сталиным в качестве первостепенной [8, с. 328]; сам Н.С. Хрущёв обращался к теме «жилищного голода» [8, с. 359] в стране неоднократно, и даже В.М. Молотов, подходивший к социальным вопросам более сдержанно, отмечал прямую политическую значимость жилищного вопроса в этот период [9, с. 183]. Но, зная о нужде населения, государственные деятели не могли резко перераспределить экономические резервы: в конце 1940-х гг. при создании Генерального хозяйственного плана на 1951–1970 гг. государство и так запланировало существенный подъем социального благосостояния населения, включая жилье, однако, во-первых, этот подъем должен был производиться поэтапно, и увеличение жилищного фонда не было в первичном приоритете [10, с. 338], а, во-вторых, при имеющихся резервах и темпах роста на двадцать последующих лет было заложено строительство лишь 160 млн м^2 [10, с. 342] (для сравнения, количество построенного государством жилья в одной только пятой пятилетке 1951–1955 гг. составило 113 млн м^2 [5, с. 245]). Обращение к жилищной проблеме требовало от нового руководства страны готовности вносить значимые

коррективы в планирование и перераспределять капитальные вложения из других экономических отраслей.

Ведущая инициатива в оформлении новой жилищной программы осталась за Н.С. Хрущёвым [11, с. 128]. В этой связи мы можем говорить как о самой политике в области строительства жилья, так и, в широком смысле, о «жилищной реформе» хрущевского периода, оказавшей влияние одновременно на методы домостроительства, архитектурный облик городов, быт и повседневность советских семей, получавших индивидуальное жилье.

В историографии проблематика жилищной реформы Н.С. Хрущёва освещена слишком широко, чтобы быть удостоенной углубленного монографического исследования: большинство авторов, касающихся хрущёвского периода, упоминают изменения в жилищной политике, но в качестве отдельной темы данный вопрос практически не рассматривается. Ближе всего к специальному исследованию стоит работа Н.Б. Лебиной о феномене «хрущёвок» [12], но она все же сконцентрирована на историко-антропологической стороне жилищной реформы. К примечательным исследованиям стоит также отнести ряд публикаций В.Н. Горлова [11; 13; 14; 15], рассматривающего политико-идеологический аспект реформы, и ряд публикаций К.Г. Хрупина [16; 17; 18; 19], посвящённых деятельности Академии архитектуры СССР в данный период. Взгляд со стороны искусствоведения и истории архитектуры дают публикации С.О. Хан-Магомедова [6; 20]. Среди зарубежных авторов следует отметить немецкого исследователя Ф. Мойзера, посвятившего труд советскому панельному домостроению в целом [21].

Целью работы является выделение некоторых аспектов рассматриваемой жилищной реформы, которые, по-нашему мнению, представляют важность для конкретного и системного ее изучения. К таковым мы относим факторы социально-демографического, научно-технического, политико-идеологического, организационно-институционального и собственно экономического порядка. Источниковую базу исследования составляют партийные решения и постановления, документы из личного фонда Н.С. Хрущёва, материалы советской статистики и периодики, а также архивные документы местного происхождения.

1. Социально-демографический фактор был представлен рядом объективных процессов, повлиять на которые политическое руководство страны могло лишь в малой степени. Речь в данном случае об уже отмеченной выше быстрой урбанизации, а также о массовой миграции сельского населения и постепенном «демографическом переходе» в советском обществе. Темпы урбанизации демонстрировали ошибочность послевоенных плановых прогнозов: к примеру, все тот же Генеральный хозяйственный план 1951–1970 гг. предусматривал сохранение к 1970 г. пропорции, в которой сельское население будет сохранять свое большинство – около 58,9% [10, с. 342]. В действительности уже к 1959 г. сельское население сократилось до 52%, а в 1961 г. сравнялось с городским [22, с. 9].

Как следствие – еще сильнее усугубилась нехватка рабочих рук на селе, а молодёжь активнее стремилась выбраться из колхозного быта, подтверждая на практике положение о преобладании города в отношении к деревне. В этом контексте ряд послаблений т.н. «маленковского курса» для сельских производителей не мог коренным образом исправить положение, при котором механизация и электрификация села оставались неудовлетворительными, а местная социальная инфраструктура развивалась медленно.

Процессы «демографического перехода», т.е. постепенного снижения рождаемости на фоне совершенствования социального обеспечения и снижения смертности населения, в полной мере стали сказываться лишь к середине 1960-х гг. [23, с. 154]. Поэтому их компенсирующее воздействие, способное несколько сгладить остроту жилищной проблемы, пришлось на более поздний, чем «хрущёвское десятилетие», период.

Основные издержки быстрой урбанизации пришлись именно на годы реформ Н.С. Хрущёва, а государственная политика по отношению к сельской местности отличалась непоследовательностью: стремление удержать сельских работников и специалистов на местах путем сокращения налогов, повышения закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию и расширения приусадебных участков колхозников сменялось роспуском машинно-тракторных станций, борьбой с личными подсобными хозяйствами и началом политики выявления и переселения «неперспективных деревень». Эти колебания также подстёгивали миграцию сельских жителей в города, что регулярно возобновляло спрос на новое жилье.

2. Научно-технический фактор заключался в необходимости освоения советской архитектурой и строительной инженерией новых способов возведения жилья. Сборное панельное и блочное строительство ограниченно существовало в СССР с 1920–1930-х гг. [6], будучи экспериментальным строительством, не имеющим достаточной производственной основы для массового распространения. Острая нужда в жилье и необходимость радикального переустройства строительной промышленности для типового проектирования затрудняли для СССР подобные дорогостоящие эксперименты в послевоенный период, но в Западной Европе, также столкнувшейся с серьёзно пострадавшим от войны жилищным фондом, индустриально-типовые методы строительства получили «путевку в жизнь». Это направление впоследствии получило характеристику «послевоенного (либо интернационального) модернизма» [24, с. 82]. Советское домостроение точечно обратилось к крупнопанельному многоэтажному домостроительству в начале 1950-х гг., примером чему является деятельность видного архитектора сталинского неоклассицизма И.В. Жолтовского [20, с. 27–28], но процесс внедрения шёл постепенно, в форме обмена опытом между архитектурно-инженерными инстанциями.

Длительное естественное распространение новой технологии противоречило назревшей необходимости в обеспечении большинства граждан жильем – в этом контексте намерение партийного руководства в принудительном порядке внедрить более прогрессивную технологию строительства является

вполне рациональным, тем более что советское планирование и управление экономикой имело высокий мобилизационный потенциал для такого рода директивного реформирования. Существование готовой технологии за рубежом облегчало задачу, но требовало выстраивания каналов по обмену архитектурным опытом.

Практика порицания зарубежной «буржуазной» архитектуры сменилась в ноябре 1955 г. на требование учитывать «лучшие достижения отечественного и зарубежного строительства» [25, с. 534]. Тесный опыт взаимодействия был налажен с французскими строителями: местное дешёвое в производстве малоэтажное панельное жильё целиком соответствовало намеченному курсу по ускорению строительства и снижению его себестоимости, а потому были налажены закупки домостроительного оборудования [13, с. 214–215]. Параллельно было организовано тиражирование западноевропейских архитектурных журналов для специалистов, а также поездки советских архитекторов за рубеж, для непосредственного ознакомления с индустриально-типовым строительством [24, с. 85; 93].

Перечисленные меры позволили ускорить внедрение достижений «послевоенного модернизма» на советской архитектурно-инженерной почве, однако, как отмечают исследователи О.В. Якушенко [24, с. 88] и В.Н. Горлов [13, с. 216], метод прямого копирования имел свои неочевидные на первый взгляд издержки. Отсутствие научно-теоретической рефлексии, равно как и забвение опыта раннего советского модернизма, привели к трудной и длительной адаптации отечественной архитектурной школы, которая должна была освоить практическую, утилитарную сторону нового стиля, миновав его по-прежнему «буржуазное» содержание. Также копирование привело к небрежному осмыслению перспектив развития – там, где французский послевоенный функционализм уже достигал своего логического предела, сталкиваясь с противоречиями (к примеру, эстетического характера), его советская вариация не стремилась обучиться на чужих ошибках, и по инерции перенимала первозданную форму.

3. Политико-идеологический фактор был присущ жилищной реформе, поскольку она была оформлена в качестве партийной директивы и охватила собой всё советское общество. На локальном уровне данный вектор развития проявлялся и ранее: так в Москве о начале «пути индустриализации, пути механизации, сборности» в строительном деле Н.С. Хрущёв объявлял еще в октябре 1952 г., пригрозив также, что «видимо, без конфликтов не пройдет это дело» [8, с. 415]. Но на общесоюзном уровне подобные начинания еще не имели места. Наибольшее значение в их распространении обрели Всесоюзное совещание строителей 1954 г., речь Н.С. Хрущёва на котором провозвестила начало новой государственной программы [11, с. 126–127], Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства» от 23 августа 1955 г. [26, с. 251], «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» от 4

ноября 1955 г. [25, с. 532], а также «О развитии жилищного строительства в СССР» от 31 июля 1957 г. [27, с. 195].

С выступления Н.С. Хрущёва в 1954 г. началось активное противодействие строительно-архитектурному мышлению сталинского периода, что позволило исследователям выделить в рамках жилищной реформы момент предвосхищения будущей «десталинизации» [11, с. 128; 14, с. 48; 28, с. 9]. На момент запуска архитектурных преобразований, а именно кампании «по борьбе с излишествами», данный политический вектор выражался в явлениях «мягкой десталинизации», как именует ее А.П. Артюков [29, с. 435] – она лишь несколько сглаживала и сдерживала тот авторитет И.В. Сталина, что XX-й съезд КПСС впоследствии охарактеризует как «культ личности». В области жилищного строительства на начальном этапе не упоминался непосредственно И.В. Сталин – вместо этого шло наступление на обезличенное явление «эстетских вкусов и архаизма» [30, с. 1], хотя наказание за увлечение подобной «архаикой» несли вполне определённые архитекторы, в том числе лауреаты сталинских премий [30, с. 1]. Политические лозунги усиливались директивностью их исполнений – действительной борьбой с «украшательством», включая уничтожение уже существующих декораций на фасадах зданий [11, с. 129].

Позднее, во второй половине 1950-х гг., партийно-идеологическое освещение проблем строительства и архитектуры стало более открыто критиковать стиль жизни сталинского периода, как культуру во многом мещанскую [1, с. 58], проникнутую формализмом и буржуазными пережитками [28, с. 9]. Действительно, вслед за рядом исследователей [4, с. 98 – 99; 7, с. 29; 11, с. 130] мы можем проследить влияние процессов «десталинизации» в том числе на жилищный быт, однако, что также важно, использование политического подтекста в жилищном вопросе позволило сторонникам хрущёвского курса фактически обезоружить и дискриминировать в глазах общественности прежнюю архитектурную школу советского неоклассицизма, своеобразно исполнив тем самым, по выражению В.Н. Горлова, «социальный заказ» со стороны населения [15, с. 115]. Стремление к большей демократизации советского общества в этот период привело к поощрению со стороны государства феномена «народной стройки» [26, с. 366] – формы кооперации граждан в сфере жилищного строительства, которая стимулировалась посредством государственного кредитования.

Для самого Н.С. Хрущёва решение жилищного вопроса было не только новым направлением деятельности партии, но и потенциальной возможностью приобрести политический вес и авторитет среди населения в рамках борьбы за власть в «коллективном руководстве» с 1953 по 1957 гг. [14, с. 50]. Будучи средним партийным функционером, Н.С. Хрущёв не мог претендовать на былые заслуги в составе Совета Министров СССР, но опыт работы на местах, в обкомах и горкомах УССР и Москвы, позволил ему непосредственно взаимодействовать со сферой жилищного строительства, в том числе в послевоенный период. Поэтому говоря о том, что «когда-то занимался жильём вплотную» [31, с. 292], Н.С. Хрущёв не лукавил, а укреплял свои позиции на знакомом ему направлении.

Как и в случае с сельскохозяйственной политикой, в деле разрешения жилищного вопроса он приобрел амплуа главного инициатора и ответственного лица, причастного к ряду партийно-государственных решений на высшем уровне. Даже принимая во внимание особенности «коллективного руководства», многие современные авторы признают за Н.С. Хрущёвым ведущую роль в области жилищного строительства и архитектуры этого периода, способствовавшую его политическому оформлению в качестве партийного и государственного лидера [11, с. 128; 24, с. 79; 28, с. 9].

Таким образом, политико-идеологический контекст реформы обусловил резкость и непримиримость, с которой подчас действовали её инициаторы, потому как претензии на разрешение столь значимой социальной проблемы безусловно способствовали росту авторитета и самой партии, и выдвинувшегося на руководящие посты Н.С. Хрущёва.

4. Организационно-институциональный фактор был тесно связан с тем, как начатая жилищная реформа повлияла на функционирование связанных с ней организаций. Наиболее ярким примером является участие в данном процессе Академии архитектуры СССР (далее – АА). Как следует из приводимых К.Г. Хрупиным выводов [16, с. 4-5], определенные кризисные явления в структуре и деятельности АА начали проявляться уже в послевоенный период, обретая большую остроту к началу 1950-х гг. К таковым явлениям следует отнести отсутствие регламентированности во взаимодействии архитектуры и инженерного дела при все нарастающей реальной необходимости их тесного сотрудничества в рамках процесса дальнейшей индустриализации строительства, а также утрату самодостаточного целеполагания советской теоретической архитектуры – ее подчиненность сиюминутным и утилитарным задачам, из-за чего деятельность АА отождествлялась со строительством вообще.

Все это не замедлило сказаться и в ходе развертывания жилищной реформы, когда значимая часть вины за медленное внедрение индустриальных методов строительства была возложена на архитекторов и АА [25, с. 533]. Была начата реорганизация Академии (востребованная и среди самих архитекторов [17, с. 50]) – в 1956 г. она стала Академией строительства и архитектуры СССР (далее – АСиА). Нельзя не отметить и кратковременный «взлет» авторитета академической архитектуры: замысел жилищной реформы требовал разработки актуальных проектов типовых зданий, и сотрудники АА-АСиА успешно выполнили возложенную на них задачу [18, с. 26]. Но вскоре, когда проекты уже пошли в реализацию, а значимых изменений на ближайшие 10–12 лет разрешения жилищного вопроса [27, с. 198] в них не предвиделось, вновь возник вопрос самоопределения советской академической архитектуры (а также вопрос того, как определяет ее роль государство).

Развитие научной теории архитектуры и перспективное планирование в условиях запущенной «конвейерной» стройки также не были востребованы, и функции АСиА свелись к вспомогательным: «скорой помощи» строителям по тем или иным вопросам [19, с. 40-41]. Параллелизм и конкуренция во взаимодействии АСиА со строительными инженерами завершились

ликвидацией в 1963 г. Академии, так и не сумевшей приспособиться к условиям проведения жилищной реформы. Это не значило ликвидации архитектуры как таковой, а часть функций Академии перешла к проектным институтам Госстроя СССР [32, с. 372], но практическая действительность привела к утверждению второстепенной и подчинённой роли таких специалистов при главенстве на стройке инженерного подхода.

Параллельно в ходе жилищной реформы государство попыталось перейти к новым формам строительных организаций, пришедших на смену множеству разобщённых мелких подрядчиков – домостроительным комбинатам (ДСК), формировавшимся в различных городах с 1958 г. и способным осуществлять практически полный цикл изготовления и сборки панельного дома [1, с. 48]. В том же 1958 г. советское руководство окончательно утвердило проект строительства типовых зданий с квартирами, рассчитанными на одну семью [27, с. 206]. Но деятельность ДСК в годы реформы так и не вытеснила собой сеть рассредоточенных мелких проектных организаций, что следует также из Постановления 1963 г. [32, с. 371], а тот вектор централизации домостроительства, что был задан Н.С. Хрущёвым в Москве в деятельности Главмосстроя [28, с. 9], так и остался невыполненным в масштабах всей страны.

5. Экономический фактор разрешения жилищного кризиса отразился на прочих отраслях народного хозяйства Советского Союза и был тесно связан с взаимовлиянием жилищной реформы и крупных экономико-управленческих реформ, к каковым следует отнести в первую очередь реформу организации управления промышленностью и строительством 1957 г.

Затруднительным обстоятельством для советской строительной отрасли был тот факт, что новая технология требовала нового сектора промышленности по производству необходимых стройматериалов. В этом состояло значимое противоречие, отразившееся на ходе реформирования жилищного строительства: старые методы, более затратные и малоэффективные при массовой застройке, уже имели за собой сформированное производство; новые же методы, потенциально удешевлявшие и ускорявшие капитальное строительство, требовали значительных финансовых вложений для одного только создания соответствующего производства.

Согласно статистике по капитальным вложениям государственных и кооперативных предприятий и организаций [22, с. 594], пятая пятилетка потребовала вложений в жилищное строительство на 10448 млн руб.; последующее же пятилетие 1956–1960 гг. (хотя и прерванное в плановом цикле семилеткой) совокупно потребовало 22794 млн руб. – виден рост в 218,2% при существенном количественном росте построенного жилья. Рост капиталовложений в жильё относительно прочих отраслей народного хозяйства в 1957 г. составил рекордные 4% (19,3% против 15,4% в 1956 г.) [22, с. 594], в то время как удельный вес инвестиций в традиционно доминирующую промышленность группы «А» снизился с 46,2% на 1955 г. до в среднем 40% в 1956–1960 гг. При этом следует отметить, что вырос не только удельный вес жилищного строительства – возрастали капиталовложения в социальную сферу

в целом, – но, безусловно, часть средств на жилищную реформу была перенаправлена из промышленного сектора экономики. Как отмечает в своей работе Г.М. Иванова [23, с. 128], другим значимым источником для форсированного домостроительства стали средства, удержанные государством по госзаймам.

Долговременные вложения в новую строительную индустрию являлись значимым и прогрессивным для отрасли шагом, позволившим значительно нарастить темпы ввода в строй нового жилья. Но, помимо темпов, они были призваны увеличить и объём сэкономленных средств при использовании более дешёвых стройматериалов, креплений, методов монтирования и т.д. Реальная себестоимость строительных материалов пропорционально общей сумме затрат с 1950 г. по 1965 г. практически не снизилась, составляя 53,6% в 1950 г., 56,3% в 1960 г. и 55,6% в 1965 г. [33, с. 502]; заметное перераспределение по этому же показателю произошло между расходами на заработную плату рабочих и расходами на эксплуатацию машин и механизмов: там, где первые снизились в рассматриваемый период на 4%, вторые, напротив, увеличились на 5,2%, что свидетельствует о сокращении низкоквалифицированного ручного труда на стройке. Фактическая себестоимость строительно-монтажных работ претерпела лишь одно крупное снижение в 1955 г. на 5%, затем вплоть до начала 1960-х гг. снижалась ежегодно в среднем на 1%, а в 1960-х гг. – уже менее 1% [33, с. 502]. Эффект экономии средств по результатам жилищной реформы Н.С. Хрущёва заслуживает дальнейшего изучения. Гражданам со страниц газет заявлялось о потенциальном сокращении себестоимости квартир на 30–40% [34, с. 239], современные же оценки свидетельствуют о её сокращении только на 20–25% на примере домостроения Ленинграда [35, с. 165], являвшегося одним из самых промышленно развитых наравне с домостроением Москвы. Степень снижения себестоимости жилищного строительства в прочих городах СССР остаётся малоизученной.

Наконец, важное значение для строительной отрасли имела и коренная реорганизация управления, завершившаяся 1 июня 1957 г. [26, с. 343], в соответствии с которой капитальное строительство, в том числе жилья, переходило в распоряжение советов народного хозяйства (совнархозов). Так, созданный 12 июня 1957 г. Сталинский совнархоз уже 12 июля утвердил новую программу по увеличению строительства жилья для одного из своих трестов [36, л. 147], а также план развития Сталинского экономического административного района на 1958 г., где была предусмотрена доля строительства около 65–70% «однокомнатных квартир с кухней и необходимыми службами и других типов экономичных малометражных квартир» [36, л. 259].

Если для своих экономических районов совнархозы служили активными проводниками жилищной реформы, то, по мере утверждения новой системы управления, в общесоюзном масштабе совнархозы усугубляли своей деятельностью проблему незавершенного строительства. Данная проблема была актуальной и в 1956 г., еще до реформы [31, с. 322], а последовавшая

децентрализация управления и планирования народным хозяйством привела к неконтролируемой реализации финансов и строительных средств совнархозами, из-за чего пострадало капитальное строительство в целом: ежегодно объёмы «замороженных» в строительстве средств возрастали, с 15 млрд руб. в 1955 г. до 27,1 млрд руб. в 1964 г. [33, с. 490], что сказывалось и на введении в строй жилищного фонда.

Общим явлением, присущим совнархозам, было т.н. «местничество», либо же «рвачество», как называл его Н.С. Хрущёв [31, с. 367]. Преследуя локальные интересы, руководство совнархозов допускало нарушения общей логики исполнения плана, расхода средств, логистики поставок и др. Отразилось это и на сфере домостроения – распыление материалов и финансов (выделенных на производительное строительство) в пользу квартир для местных рабочих выдавалось за образец «народной стройки» [31, с. 377]. В масштабах всей реформы, сохранение раздробленного и хаотичного жилищного строительства хотя и позволило достичь успехов в наращивании натуральных показателей строительно-монтажных работ, но сказалось на показателях себестоимости и обеспеченности строек, системной невозможности в полной мере контролировать их планирование и реализацию из центра.

Приведенные выше факторы составляют, по нашему мнению, общую, хотя и не исчерпывающую картину формирования и реализации жилищной политики советской власти в период реформ Н.С. Хрущёва, на которых может основываться более полное и конкретное исследование. Нами практически не были упомянуты изменения в сфере повседневности и ментальности советского человека, обретшего жилье в «хрущёвке», так как, во-первых, эта тема достаточно активно разрабатывается другими авторами, и во-вторых, изменения такого рода все же составляют следствие жилищной политики, в то время как ее социально-экономические и политические закономерности остаются не до конца раскрытыми. Так, несмотря на преимущественно положительные оценки проведенной жилищной реформы, некоторые авторы все же указывают, что и к моменту отставки Н.С. Хрущёва в 1964 г. жилищный вопрос в СССР не был решен целиком, а также требует более тщательного рассмотрения [23, с. 96; 35, с. 168]. Внутренние же тенденции самой реформы, характер ее внедрения, на основании рассмотренных факторов представляются нам системными, взаимосвязанными и несводимыми к «волюнтаристской» воле того или иного государственного деятеля.

Список источников и литературы:

1. Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. – СПб.: Крига; Победа, 2015. – 484 с. – ISBN 978-5-901805-79-4.

2. Варга-Харрис К. Хрущёвка, коммуналка: социализм и повседневность во время «Оттепели» // Новейшая история России. – 2011. – № 1. – С. 160–165.

3. Васькин А.А. Повседневная жизнь советской столицы при Хрущёве и Брежневе. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2018. – 671 с. – ISBN 978-5-235-04077-9.

4. Федченко М.Н. Повседневная жизнь советского человека (1945–1991 гг.): Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. – 231 с. – ISBN 978-5-86328-986-1.

5. Страна Советов за 50 лет. Сборник статистических материалов – М.: Статистика, 1967. – 352 с.

6. Хан-Магомедов С.О. Хрущёвский утилитаризм: плюсы и минусы / НИИТИАГ [Электронный ресурс], URL: https://niitiag.ru/pub/pub_cat/han_magomedov_hrushhevskij_utilitarizm_pljusy_i_minusy.html (Дата обращения: 28.03.2026)

7. Меерович М.Г. От коммунального – к индивидуальному: неизученные страницы жилищной реформы Н.С. Хрущёва // Вестник ТГАСУ. – 2016. – № 2 (55) – С. 28–33.

8. Н.С. Хрущёв Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва в 2-х томах. / Том 1, гл. ред. Н.Г. Томилина. – М.: МФД, 2009. – 656 с. – ISBN 978-5-89511-013-3.

9. Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. – М.: Наука, Ин-т рос. истории РАН, 2006. – 296 с. – ISBN 5-02-010277-6.

10. Симонов М.А. Развитие социальной сферы Советского Союза по материалам Генерального хозяйственного плана СССР на 1951–1970 гг. // Экономическая история. – 2020. – № 3 (50). – С. 333–350. DOI: 10.15507/2409-630X.050.016.202003.333-350.

11. Горлов В.Н. Речь Н.С. Хрущёва на Всесоюзном совещании строителей в декабре 1954 г. Как один из первых шагов в направлении десталинизации советского общества // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. – 2018. – №2. – С. 126–131. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-126-131.

12. Лебина Н.Б. Хрущёвка. Советское и несоветское в пространстве повседневности. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 422 с. – ISBN 978-5-4448-2247-0.

13. Горлов В.Н. Опыт Франции в решении жилищного кризиса в СССР // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. – 2018. – №4. – С. 213–218. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-213-218.

14. Горлов В.Н., Артемов С.Н. Хрущёвская «Оттепель» и десталинизация архитектуры в 1950-е гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2022. – Т. 13. – № 2. – С. 44–59. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-44-59.

15. Горлов В.Н. Всесоюзное совещание строителей и архитекторов 7 декабря 1954 г. как ответ на социальный заказ по решению жилищной проблемы // Постсоветский материк. – 2023. – № 3 (39). – с. 107–119. DOI: 10.48137/23116412_2023_3_107.

16. Хрупин К.Г. Трансформация архитектурно-строительной науки во второй половине 1940-х годов // AMIT. – 2015. – № 4 (33). – с. 1–11.

17. Хрупин К.Г. Академия архитектуры СССР: попытки реорганизации и задача интеграции инженерно-строительных наук // AMIT. – 2019. – № 4 (49). – С. 47–56.

18. Хрупин К.Г. Участие Академии строительства и архитектуры СССР в реализации жилищной реформы в 1950–60-е годы // Архитектура и строительство России. – 2012. – № 10. – С. 24–30.

19. Хрупин К.Г. Академия строительства и архитектуры СССР (1955–1963): финал деятельности // Academia. Архитектура и строительство. – 2012. – № 3. – С. 37–42.

20. Хан-Магомедов С.О. Итальянский Ренессанс Ивана Жолтовского // Academia. Архитектура и строительство. – 2010. – № 1. – с. 20–30.

21. Мойзер Ф. Жилищное строительство в СССР. 1955–1985: архитектура хрущёвского и брежневского времени. – Берлин: DOM, 2021. – 311 с. – ISBN 978-3-86922-699-6.

22. Народное хозяйство СССР в 1960 году. Статистический ежегодник. – М.: Статистика, 1961. – 912 с.

23. Иванова Г.М. На пороге «государства всеобщего благосостояния»: социальная политика в СССР (середина 1950-х – начало 1970-х годов). – М.: Ин-т рос. Истории РАН, 2011. – 282 с. – ISBN 978-5-8055-0228-7.

24. Якушенко О.В. Советская архитектура и Запад: открытие и ассимиляция западного опыта в советской архитектуре конца 1950-х – 1960-х годов // Laboratorium: Журнал социальных исследований. – 2016. – №2. – С. 76–102.

25. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / Т. 8, 1946–1955. – М.: Изд-во политической литературы, 1985. – 545 с.

26. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам в пяти томах. / Т. 4, 1953–1961 гг. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – 786 с.

27. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / Т. 9, 1956–1960. – М.: Изд-во политической литературы, 1986. – 574 с.

28. Кузнецов С.О. Н.С. Хрущёв и борьба с излишествами в советской архитектуре (1949–1954 годы) // Academia. Архитектура и строительство. – 2019. – №3. – С. 5–10. DOI: 10.22337/2077-9038-2019-3-5-10.

29. Артюков А.П. Процесс «Мягкой» десталинизации в СССР в 1953–1956 гг. // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – № 3-2. – С.435–438.

30. Газета «Правда», 10 ноября 1955 г., № 314 (13612) / Библиотека коммунизма [Электронный ресурс], URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1962-58 (Дата обращения: 28.03.2026)

31. Н.С. Хрущёв Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва в 2-х томах. / Том 2, гл. ред. Н.Г. Томилина, М.: МФД, 2009. – 880 с. – ISBN 978-5-89511-011-9.

32. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам в пяти томах. / Т.5 1962–1965 гг. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – 753 с.

33. Народное хозяйство СССР в 1970 г. Статистический ежегодник. – М.: Статистика, 1971. – 823 с.

34. Григорьева А.Г. Решение жилищной проблемы советских граждан в годы «Оттепели» // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 4. – С. 239–241.

35. Лушин А.И., Левкин М.С. Жилищная политика советской власти в контексте реформаторской деятельности Н.С. Хрущёва // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 11. – С. 162–170. DOI: 10.24158/fik.2024.11.21.

36. Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. Р-2922, Оп. 36, Д. 1. Сталинский совнархоз. Юридическая часть.

REFERENCES

1. Lebina N.B. (2015) *Everyday life in the era of space and corn: The Destruction of big style: Leningrad, 1950s and 1960s*. St. Petersburg: Kriga; Pobeda Publishing House. 484 p. ISBN 978-5-901805-79-4. (In Russian).

2. Varga-Harris C. (2011) [Khrushchevka, communal apartments: socialism and everyday life during the “Thaw”]. *Novejshaya istoriya Rossii = Modern history of Russia*. 1, 160-165. (In Russian)

3. Vas`kin A.A. (2018) *Everyday Life in the Soviet Capital under Khrushchev and Brezhnev*. Moscow: Molodaya gvardiya. 671 p. ISBN 978-5-235-04077-9. (In Russian).

4. Fedchenko M.N. (2009) *Everyday Life of the Soviet People (1945–1991): A Monograph*. Kurgan: Kurgan State University Press. 231 p. ISBN 978-5-86328-986-1. (In Russian).

5. The Soviet Union in 50 Years. A Collection of Statistical Materials (1967). Moscow: Statistics. 352 p. (In Russian).

6. Khan-Magomedov S.O. (2006) [Khrushchev's Utilitarianism: Pros and Cons]. *Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning*. Retrieved from: https://niitiag.ru/pub/pub_cat/han_magomedov_hrushhevskij_utilitarizm_pljusy_i_minusy.html (date of application: 28.03.2026). (In Russian).

7. Meyerovich M.G. (2016) [From communal to individual: Unexplored Pages of Nikita Khrushchev's Housing Reform]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo*

arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta = Journal of Construction and Architecture. 55 (2), 28-33. (In Russian).

8. N.S. Khrushchev *Two Colors of Time. Documents from the Personal Fund of N.S. Khrushchev in 2 volumes*. Vol. 1. (2009) Tomilina N.G. (ed.), Moscow: IFD, 656 p. ISBN 978-5-89511-013-3. (In Russian).

9. Shestakov V.A. (2006) *The socio-economic policy of the Soviet state in the 1950s and mid-1960s*. Moscow: Nauka, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 296 p. ISBN 5-02-010277-6. (In Russian).

10. Simonov M.A. (2020) Development of the Social Sphere in the Soviet Union based on the General Economic Plan of the USSR for 1951–1970. *Ekonomicheskaya istoriya = Russian journal of Economic history*. 50 (3), 333-350. DOI: 10.15507/2409-630X.050.016.202003.333-350. (In Russian).

11. Gorlov V.N. (2018) N.S. Khrushchev's speech at the All-Union Conference of Builders in December 1954 as one of the first steps in the direction of de-Stalinization of Soviet society. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki = Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*. 2. 126-131. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-2-126-131. (In Russian).

12. Lebina N.B. (2024) *Khrushchevka: Soviet and Non-Soviet in Everyday Life*. Moscow: New Literary Observer. 422 p. ISBN 978-5-4448-2247-0. (In Russian).

13. Gorlov V.N. (2018) The French experience in solving the housing crisis in the USSR. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki = Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences.* 4, 213-218. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-213-218. (In Russian).

14. Gorlov V.N. & Artemov S.N. (2022) Khrushchev's "thaw" and the de-Stalinization of architecture in the 1950s. *Lokus: lyudi, obshhestvo, kul`tury`, smy`sly` = Locus: people, society, cultures, meaning.* 13 (2), 44-59. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-44-59. (In Russian).

15. Gorlov V.N. (2023) All-Union Meeting of Builders and Architects on December 7, 1954 as a response to a social order to solve the housing problem. *Postsovetskij materik = Post–Soviet Continent*. 39 (3), 107-119. DOI: 10.48137/23116412_2023_3_107. (In Russian).

16. Khrupin K.G. (2015) Transformation of Architecture and Construction Study in the Second Half of the 1940s. *AMIT*. 33 (4), 1-11. (In Russian).

17. Khrupin K.G. (2019) Academy of Architecture of the USSR: Attempts at Reorganization and the Task of Engineering and Construction Sciences Integration. *AMIT*. 49 (4), 47-56. (In Russian).

18. Khrupin K.G. (2012) Participation of The Academy of Construction and Architecture of the USSR in the implementation of housing reform in the 1950s-60s.

Architektura i stroitel`stvo Rossii = Architecture and Construction of Russia. 10, 24-30. (In Russian).

19. Khrupin K.G. (2012) The Academy of Construction and Architecture of the USSR (1955–1963): The Final Activity. *Academia. Architektura i stroitel`stvo = Academia. Architecture and construction*. 3, 37-42. (In Russian).

20. Khan-Magomedov S.O. (2010) Ivan Zholtovsky's Italian Renaissance. *Academia. Architektura i stroitel`stvo = Academia. Architecture and construction*. 1. 20-30. (In Russian).

21. Meuser P. (2021) *Housing Construction in the USSR. 1955–1985: Architecture of the Khrushchev and Brezhnev Eras*. Chmelnitskiy D.S. & Zadorin D.A. (eds.) Berlin: DOM. 311 p. ISBN 978-3-86922-699-6. (In Russian).

22. The National Economy of the USSR in 1960. Statistical Yearbook (1961). Moscow: Statistics. 912 p. (In Russian).

23. Ivanova G.M. (2011) *On the Threshold of the Welfare State: Social Policy in the USSR (Mid-1950s – Early 1970s).* Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 282 p. ISBN 978-5-8055-0228-7.

24. Yakushenko O.V. (2016) Soviet Architecture and the West: The Discovery and Assimilation of Western Narratives and Practices in Soviet Architecture in the Late 1950s–1960s. *Laboratorium: Zhurnal social`ny`ch issledovanij = Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2, 76-102. (In Russian).

25. The Communist Party of the Soviet Union in the Resolutions and Decisions of the Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee. Vol. 8, 1946–1955 (1985). Moscow: Political Literature Publishing House, 545 p. (In Russian).

26. Decisions of the Party and the Government on Economic Issues in Five Volumes. Vol. 4, 1953–1961 (1968). Moscow: Political Literature Publishing House, 786 p. (In Russian).

27. The Communist Party of the Soviet Union in the Resolutions and Decisions of the Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee. Vol. 9, 1956–1960 (1986). Moscow: Political Literature Publishing House, 574 p. (In Russian).

28. Kuznetsov S.O. (2019) N.S. Khrushchev and the Struggle Against Excesses in Soviet Architecture (1949–1954). *Academia. Architektura i stroitel`stvo = Academia. Architecture and construction*. 3, 5-10. DOI: 10.22337/2077-9038-2019-3-5-10. (In Russian).

29. Artyukov A.P. The process of “soft” de-Stalinization in the USSR in 1953–1956 years. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. = Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 3 (2), 435-438. (In Russian).

30. Library of Communism. *Pravda Newspaper, November 10, 1955, No. 314 (13612).* Retrieved from: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1962-58 (date of application: 28.03.2026). (In Russian).

31. N.S. Khrushchev *Two Colors of Time. Documents from the Personal Fund of N.S. Khrushchev in 2 volumes*. Vol. 2. (2009) Tomilina N.G. (ed.), Moscow: IFD, 880 p. ISBN 978-5-89511-011-9. (In Russian).

32. Decisions of the Party and the Government on Economic Issues in Five Volumes. Vol. 5, 1962–1965 (1968). Moscow: Political Literature Publishing House, 753 p. (In Russian).

33. The National Economy of the USSR in 1970. Statistical Yearbook (1971). Moscow: Statistics. 823 p. (In Russian).

34. Grigorieva A.G. (2010) The decision of housing problem of Soviet citizens in days of "Thaw". *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 4, 239-241. (In Russian).

35. Lushin A.I. & Levkin M.S. (2024) Housing policy of the Soviet Power in the Context of Reform Activities of N.S. Khrushchev. *Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul`tura. = Society: Philosophy, History, Culture*. 11, 162-170. DOI: 10.24158/fik.2024.11.21. (In Russian).

36. Gosudarstvennyi arkhiv Donetskoi Narodnoi Respubliki (GA DNR). Fond R-2922, Opis` 36, Delo 1. Stalinskij sovnarchoz. Yuridicheskaya chast`. [The State Archive of the Donetsk People's Republic. Archives R-2922, Anagraph 36, Document 1. Stalino State Economic Council. The legal part]. (In Russian).

Данные авторов статьи

Пенькова Оксана Борисовна Кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» ORCID 0000-0000-1384-4710	**Penkova Oksana Borisovna** Candidate of Historical Sciences, Associate Professor FSBEI HE "Donetsk State University" ORCID 0000-0000-1384-4710
Герасько Валентин Александрович ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» ORCID 0009-0007-2217-262X	**Gerasko Valentin Aleksandrovich** FSBEI HE "Donetsk State University" ORCID 0009-0007-2217-262X

УДК 94:008(477.62)«1945/1950»
DOI: 10.5281/zenodo.22102371
EDN: CUHHRQ

К.С. Щевич
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: kristinashchevich.@yandex.ru

КУЛЬТУРНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ТЕАТРЫ И МУЗЫКАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ В 1945-1950 ГГ.

Аннотация

В статье на основе архивных материалов анализируется процесс культурного возрождения Сталинской области (сейчас Донецкая Народная Республика) в первые послевоенные годы (1945–1950). Исследование охватывает деятельность театров и музыкальных школ региона, их материально-техническое состояние, финансовые показатели, кадровое обеспечение и репертуарную политику.

***Ключевые слова**: Донбасс, театр, Великая Отечественная война, музыкальные школы, спектакль.*

Summary

The article, based on archival materials from the R-4982 fund, analyzes the process of cultural revival in the Stalin Region (now the Donetsk People's Republic) in the first post-war years (1945-1950). The study covers the activities of theaters and music schools in the region, their material and technical conditions, financial indicators, staffing, and repertoire policies.

***Keywords**: Donbass, theater, Great Patriotic War, music schools, performance.*

После освобождения Донбасса от немецко-фашистской оккупации перед советским государством встала задача не только восстановления промышленности и инфраструктуры, но и возрождения культурной жизни. В 1944–1945 годах в Сталинскую область (ныне ДНР) возвращались эвакуированные театральные коллективы, открывались музыкальные школы, возобновила свою работу филармония. Восстановлению экономики освобожденного Донбасса посвящена отдельная глава коллективной монографии, вышедшей в 2023 г. в Москве «Донбасс 1943. Освобождение индустриального сердца России». Автор раздела В.Ю. Носков [1]. Послевоенной культурной жизни города Сталино посвящена статья Н.Н. Старченко [2]. В.П.

© Щевич К.С., 2026

Степкин и В.И. Гергель ввели в научный оборот ряд краеведческих источников, освещающих процесс восстановления Сталино после немецко-фашистской оккупации [3]. Проблематику возрождения культуры Донбасса также изучали А.И. Гаевой [4] и Т.И. Киреева [5].

Цель статьи – на основе архивных документов Государственного архива Донецкой Народной Республики, проанализировать состояние театров и музыкальных школ Сталинской области в первые послевоенные годы, их материально-техническую базу, репертуарную политику, финансовые показатели и кадровое обеспечение.

Основными источниками для анализа послужили годовые отчеты театров за 1945, 1946, 1948 годы, докладные записки, приказы Комитета по делам искусств при СНК УССР и СССР, а также акты инвентаризации музыкальных школ. Документы позволяют реконструировать повседневную работу учреждений культуры в сложных условиях острого дефицита помещений, материалов и квалифицированных кадров, а также проследить влияние партийных постановлений на репертуар.

В 1946 году из республиканского бюджета на нужды театров Сталинской области было выделено 2,5 млн руб., однако фактическое освоение средств не превышало 70% из-за отсутствия квалифицированных кадров и материально-технической базы [6, с. 142–145].

Как отмечается в коллективном труде «Донбасс: культура и искусство», в послевоенный период в регионе развернулась широкая сеть культурно-просветительных учреждений. По состоянию на 1 января 1947 года в Сталинской области действовали 14 районных домов культуры, 57 сельских клубов и 124 библиотеки. При этом авторы подчёркивают, что большинство этих учреждений размещались в приспособленных помещениях и остро нуждались в ремонте, оборудовании и квалифицированных специалистах [5, с. 78–82].

Согласно объяснительной записке, поданной в Сталинский областной отдел по делам искусств, в ведении отдела находились следующие театры: Донецкий русский музыкальный театр (организован в 1941 г.), Сталинский украинский драматический театр (1925 г.), Мариупольский русский драматический театр (1933 г.), Артемовский (Макеевский) украинский драматический театр (1938 г.), Константиновский русский театр им. А.С. Пушкина (организован в 1920 г.) и Славянский русский театр им. В.В. Маяковского (1936 г.) [8, с.85].

Одной из главных проблем театров Сталинской области в 1945–1948 годах было отсутствие собственных или пригодных для работы зданий. Согласно годовому отчету за 1948 год, собственные здания имели лишь три театра: Сталинский театр оперы и балета, Артемовский украинский театр и Енакиевский русский театр [9, с. 24]. Остальные коллективы ютились в неприспособленных для работы помещениях.

Сталинский украинский театр им. Артема (ныне – Донецкий музыкально-драматический театр имени М.М. Бровуна) собственного здания не имел и до 16 марта 1948 года работал в здании Сталинского театра оперы и балета, а после

перехода на пониженную дотацию давал исключительно гастрольные и выездные спектакли [9, с.24]. Ждановский русский театр (сейчас – Мариупольский драматический театр) работал в помещении бывшего магазина «Гастроном», которое не было приспособлено для театра, причем на втором этаже размещался ресторан, мешавший спектаклям. Славянский театр им. Маяковского (переведенный затем в Горловку) работал в малоприспособленном помещении клуба; там же указано, что новые постановки ставили с трудом из-за отсутствия средств [9, с.25].

Особенно драматичной была судьба театра им. Маяковского (Его приемником можно считать Чистяковский драматический театр им. Маяковского). В объяснительной записке за 1945 год сообщается, что театр после эвакуации вернулся в Донбасс в мае 1944 года, но не нашел своего здания – оно было разрушено немецко-фашистскими захватчиками. Два года театр ютился в маленьком необорудованном клубном здании в Славянске. В августе 1946 года по решению облисполкома театр перевели в Горловку в здание клуба им. Артема на территории машзавода им. Кирова, но профсоюзная организация завода препятствовала передаче, и театр, переехав со всем имуществом, остался без здания. Только в декабре 1946 года коллективу театра передали здание клуба «Горловуголь», но оно не имело отопления – отапливался только зрительный зал. В условиях январских морозов, отсутствия материалов и рабочих рук дирекция вынуждена была почти ежедневно устраивать выездные спектакли в клубах Никитовского и Калининского районов Горловки. План утренних спектаклей был выполнен только на 29% (7 из 24), вечерних – на 71% (154 из 217), причем 51 спектакль не состоялся из-за отсутствия здания [10, с.21].

Несмотря на тяжелые условия, театры стремились выполнить производственные планы. В 1945 году по всем театрам области было приказано выпустить 58 новых спектаклей, фактически было выпущено 34 новых и 25 капитально-восстановленных. Главной причиной невыполнения называлась крайняя необеспеченность постановочными материалами [8, с.85].

В 1947 году Артемовский театр перевыполнил план спектаклей на 17 представлений, но обслужил зрителей на 39,4 тыс. меньше плана (80,7 тыс. по плану, 51,3 тыс. фактически). Сборы составили лишь 45,6% от плана. Убытки театра на 1 января 1948 г. достигли 838,4 тыс. руб., дотация была предусмотрена в 768 тыс. руб., но оборотных средств не было, и дотация пошла на покрытие внеплановых убытков [11, с.122-123].

Енакиевский театр в 1947 году при плане 264 спектакля дал 236, недовыполнение составило 28 спектаклей. План по утренним спектаклям выполнен на 55% (17 из 31), по вечерним – на 76% (38 из 50), зато выездных спектаклей дано 149 вместо 50. Сборы при этом почти соответствовали плану (357,1 тыс. руб. при плане 357,7 тыс.) [11, с.123].

В 1948 году картина была неоднородной. Горловский театр им. Маяковского при плане 10 новых постановок выпустил 13, Мариупольский – 11 при плане 10, Константиновский выполнил план (10 постановок), Сталинский театр им. Артема недовыполнил план на одну постановку (8 вместо 9),

Артемовский – тоже 8 вместо 9, Сталинский театр оперы и балета – 4 вместо 6, Енакиевский – 5 вместо 7 [11, с.124]. Невыполнение плана новых постановок, помимо организационных причин, объяснялось плохим планированием со стороны директоров и худруков.

Финансовое положение театров было напряженным. В 1945 году доходы всех театров недовыполнены на 866,6 тыс. руб., расходы сокращены на 1205 тыс. руб., но по отдельным статьям допущены перерасходы: канцелярские – 4,6 тыс., командировочные – 6,7 тыс., содержание и аренда зданий – 27,7 тыс., текущий ремонт – 27,7 тыс., прочие административно-хозяйственные расходы – 13,7 тыс. руб. Штаты были не укомплектованы: при плане 997 человек фактически имелось 790 [8, с.88].

В 1947 году Артемовский театр при плане доходов 886,0 тыс. руб. получил 559,3 тыс. (63,1%), расходы составили 1 339,3 тыс. руб., превышение расходов над доходами – 780 тыс. руб. В объяснительной записке перерасход по командировочным объяснялся частыми вызовами директора в Киев, по статье «содержание и аренда» – взысканием налога со строений и земельной ренты в сумме 17 тыс. руб., по транспортным расходам – отсутствием собственного транспорта, по электроэнергии – фактическим ростом цен [11, с.126]. По Константиновскому театру в 1947 году сборы составили 519,8 тыс. руб. при плане 933,4 тыс. руб. (недобор 413,6 тыс.) [11, с.147].

Касательно репертуара театров, то решающее влияние на него оказало постановление ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 года «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». В приказе Комитета по делам искусств УССР от 24 сентября 1946 г. (№1833) признавалось, что состояние репертуара неудовлетворительно, пьесы на советские темы фактически вытеснены из репертуара, что снижало значение театров в деле коммунистического воспитания народа. Комитет обязал очистить репертуар от безыдейных и малохудожественных пьес и обеспечить постановку 2-3 высококачественных пьес на советские темы в сезоне 1946-1947 [12, с.68].

Приказ №1833 ввёл иерархический порядок утверждения репертуара в зависимости от статуса театра: для наиболее значимых театров – республиканского подчинения, а также 1-й и 2-й тарифных групп – окончательное решение принимал глава Комитета УССР; репертуар же менее крупных театров 3-й и 4-й групп могли утверждать на местах заведующие областными отделами. Запрещалось вносить изменения в утвержденные планы без соответствующего разрешения.

Помимо проблем с репертуаром беспокойство у руководства театров вызывал вопрос комплектации штата. Кадровая проблема стояла остро. В 1945 году их штаты были не доукомплектованы: при плане 997 человек фактически работало 790. Фонд заработной платы по плану – 5 012,8 тыс. руб., фактически – 4 644 тыс. руб. [8, с.88]. Недоукомплектованность объяснялась отсутствием работников нужной квалификации. Приказом №606 от 12 ноября 1946 г. предписывалось пересмотреть штатные расписания театров, освободить работников, систематически не занятых в репертуаре или имеющих

недостаточную нагрузку. Отмечалось, что загрузка артистов, режиссеров и дирижеров в ряде случаев не превышает 20-25% установленной нормы [13, с.13-14].

В то же время были и положительные примеры. Приказом №913 от 21 мая 1946 г. объявлена благодарность заслуженным артистам и руководителям – Т.А. Подольской, А.М. Колобову, Н.П. Смирнову, Е.И. Галинскому, Д.С. Лазуренко и другим [14, с.28-29]. В музыкальных школах также наблюдалась не укомплектованность штатов преподавателей. В 1945 году в Артемовской и Енакиевской музшколам контингент учащихся не удалось набрать из-за отсутствия педагогов и специальных помещений [10, с.24].

Сталинскому областному отделу по делам искусств в 1945 году подчинялись три музыкальные школы: Сталинская, Артемовская и Енакиевская. Помещением со второй половины 1945 года были обеспечены Сталинская и Артемовская школы, а Енакиевская по-прежнему размещалась в малопригодном частном доме. По выполнению сметы: плата за обучение перевыполнена на 2 444 руб., финансирование из бюджета уменьшено на 44 тыс. руб., расходы сокращены на 115,2 тыс. руб. в основном за счет зарплаты из-за не укомплектованности штата и недобора учащихся. Перерасход по канцелярским расходам по Енакиевской школе составил 6 168 руб. из-за необходимого ремонта здания, не предусмотренного сметой [10, с.24].

В Сталинской музыкальной школе на 1 января 1946 г. числилось 205 учащихся при плане 192 (перевыполнение), в Артемовской – 112 при плане 160 (недобор 48), в Енакиевской – 152 при плане 141 (перевыполнение). Однако отсев был большим: в Сталинской – 24, в Артемовской – 54, в Енакиевской – 19 человека, что связывалось с выездом учащихся. На 1 января 1947 г. недобор учащихся составлял 62 человека. Инвентаризация музыкальных школ за 1945 год выявила как ценное имущество (рояли, пианино, скрипки, духовые инструменты), так и непригодные к использованию инструменты, собранные в период организации школ в 1943 году у разных лиц [10, с. 61-62].

Приказом по областному отделу от 30 января 1946 г. №8 директорам и бухгалтерам музшкол вменялось в личную ответственность завести полный бухгалтерский и статистический учет, правильно и полностью осваивать отпущенные средства, а также ежемесячно отчитываться к 5-му числу [10, с.23].

Большое внимание уделялось политическому воспитанию работников искусств. В докладной записке за 1948 г. заведующий Сталинским облотделом искусств сообщал, что в Сталинской музшколе с февраля по май 1948 г. изучали биографии Ленина и Сталина, а затем все педагоги изучали в кружке «Краткий курс истории ВКП(б)» [15, с.46]. Трудовая дисциплина оценивалась как удовлетворительная, личные дела работников в порядке.

Театры активно участвовали в политических кампаниях. Приказом №439 от 15 марта 1946 г. подведены итоги работы на избирательных участках во время выборов в Верховный Совет СССР: по Сталинской области было дано 400 концертов (для сравнения – в Одесской 1001, в Киеве 614, в Харьковской 570) [14, с.13]. Заведующему Сталинским облотделом товарищу Букрееву была

объявлена благодарность с занесением в трудовую книжку. Приказом №344 от 21 июня 1946 г. предписывалось провести Всесоюзный смотр музыкальной и хореографической самодеятельности рабочих и служащих, прикрепив работников театров и филармоний для творческой консультации лучших самодеятельных коллективов [13, с.6].

Шефская работа включала также выезды артистов в госпитали и воинские части. Приказом №268 от 12 февраля 1946 г. в связи с 28-й годовщиной Красной Армии предписывалось провести месячник празднования, организовать представления и концерты, а также шефские концерты в госпиталях и воинских частях [14, с.12].

Документы фиксируют серьезные нарушения финансовой и трудовой дисциплины. В объяснительной записке Донецкого музыкального театра за 1945 год отмечалось, что в период с января по октябрь имело место нарушение финансовой дисциплины, отмеченное актом ревизии Госбанка. Из-за отсутствия главного бухгалтера были задержки выплаты зарплаты и опоздания с премьерами [12, с.108].

Приказ №229 от 7 февраля 1946 г. констатировал, что некоторые директора учреждений недостаточно внимательно относятся к своевременной выплате зарплаты, допускают задержки до месяца и более. Предписывалось выплачивать зарплату в течение трех дней с момента получения денег, а при задержке более трех дней – отправлять телеграмму в Комитет [14, с.11]. Приказ №213 от 6 февраля 1946 г. обязывал специалистов – режиссеров, хормейстеров, дирижеров – руководить кружками художественной самодеятельности [14, с.9].

В 1950 году в приказе №683 от 12 августа 1950 г. по Комитету СССР приводились позорящие факты: киноактер М. Воробьев появился на сцене в пьяном виде, народный артист РСФСР В. Володин сорвал объявленные выступления, артисты выступали с устаревшим репертуаром, дискредитируя театр. Предписывалось запретить выступления таких артистов, а в дальнейшем применять строгие меры вплоть до увольнения и снятия почетных званий [13, с.31].

Анализ архивных материалов Государственного архива Донецкой Народной Республики позволяет сделать следующие выводы. В первые послевоенные годы театры Сталинской области работали в исключительно тяжелых условиях: отсутствие собственных зданий, неприспособленные помещения (бывшие магазины, клубы без отопления), острый дефицит постановочных материалов, топлива, транспорта. Несмотря на это, многие театры перевыполняли планы по количеству спектаклей, но катастрофически не доходили до планов по посещаемости и сборам. Загрузка залов редко превышала 40-50%, а иногда падала до 13-25%.

Финансовое положение было кризисным: постоянные убытки, необходимость дотаций, перерасходы по отдельным статьям, задолженности. Театры выживали за счет выездных и гастрольных спектаклей, которые давали возможность обслуживать рабочие окраины и шахтерские поселки.

Репертуарная политика жестко регулировалась партийными постановлениями. После августа 1946 года театры форсировано очищали репертуар от «безыдейных» пьес и внедряли произведения советских авторов. Однако качество новых постановок часто оставалось низким, и некоторые из них снимались с репертуара.

Кадровая ситуация была двойственной: с одной стороны, нехватка квалифицированных специалистов, не укомплектованность штатов, низкая нагрузка артистов; с другой – поощрение лучших работников, попытки повышения квалификации через производственную работу и политическую учебу.

Музыкальные школы также испытывали трудности с помещениями, инструментами и педагогами, но постепенно налаживали учет и контингент учащихся. Большое внимание уделялось идейно-политическому воспитанию педагогов.

Таким образом, культурное возрождение Донбасса в 1945-1950 гг. было сложным, противоречивым процессом, в котором энтузиазм и самоотверженность работников искусств сочетались с жестким партийным контролем, материальными лишениями и бюрократическими проблемами. Архивные документы являются ценным источником для изучения этой страницы истории советской культуры.

Список источников и литературы:

1. Носков В.Ю. Восстановление экономики освобожденного Донбасса // Донбасс 1943. Освобождение индустриального сердца России – Москва: Яуза-каталог, 2023 – С.566–611.

2. Старченко Н.Н. Культурная жизнь в городе Сталино в период послевоенного восстановления (1943–1953 гг.) //Россия–СССР–РФ в условиях реформ и революций. XX–XXI вв. Материалы III международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования СССР. Сб. научных статей / Под ред. Н.В. Шалаевой, И.А. Ножкиной /ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н.И. Вавилова». – Саратов: Издательство ООО «ЦеСАин», 2023 – С. 232–239.

3. Степкин В.П., Гергель В.И. Полная история Донецка. – Донецк: Апекс, 2008 – 560 с.

4. Гаевой А.И. Возрождение хозяйства и культуры Ворошиловградской области. – М. – 1944 г.

5. Киреева Т.И. Донбасс: культура и искусство. – Донецк – 1999 г.

6. История Донбасса: в 3 т. / под ред. А.И. Герасименко. – Донецк: Донбасс, 2000. – Т. 3: Донбасс в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1941–1950). – 500 с.

7. Ляшенко Г.П. Культурное строительство в Донбассе в 1943–1950 гг. – Донецк: Донбасс, 1971. – 180 с.

8. Государственный Архив Донецкой Народной Республики. – Ф. Р4982. – Оп.1. – Д.5 – Л.81, 85, 88.

9. Государственный Архив Донецкой Народной Республики. – Ф. Р4982. – Оп.1. – Д.10 – Л.24, 25

10. Государственный Архив Донецкой Народной Республики. – Ф. Р4982. – Оп.1. – Д.6 – Л.21, 23, 24, 61-62.

11. Государственный Архив Донецкой Народной Республики. – Ф. Р4982. – Оп.1. – Д.8 – Л.122-123, 124, 126, 147.

12. Государственный Архив Донецкой Народной Республики. – Ф. Р4982. – Оп.1. – Д.9 – Л.68, 108.

13. Государственный Архив Донецкой Народной Республики. – Ф. Р4982. – Оп.1. – Д.2 – Л.6, 13-14, 31.

14. Государственный Архив Донецкой Народной Республики. – Ф. Р4982. – Оп.1. – Д.3– Л.9, 11, 12, 13, 28-29.

15. Государственный Архив Донецкой Народной Республики. – Ф. Р4982. – Оп.1. – Д.15 – Л.46.

REFERENCES

1. Noskov, V.Yu. (2023) [Restoration of the economy of the liberated Donbass]. In: Donbass 1943. Liberation of the industrial heart of Russia. Moscow, Yauza-katalog, pp. 566–611. (In Russian).

2. Starchenko N.N. (2023) Cultural life in the city of Stalino during the post–war reconstruction (1943-1953) // Russia–USSR-RF in the context of reforms and revolutions. XX–XXI centuries. Proceedings of the III International Scientific and practical conference dedicated to the 100-th anniversary of the formation of the USSR. Collection of scientific articles / Edited by N.V. Shalayeva, I.A. Nozhkina /Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N.I. Vavilov. Saratov. pp.232 - 239. (In Russian).

3. Stepkin V.P., Gergel V.I. The Complete History of Donetsk. – Donetsk: Apex, 2008 – 560 p. (In Russian).

4. Gaevoy, A.I. (1944) Revival of economy and culture of the Voroshilovgrad region. Moscow. (In Russian).

5. Kireeva, T.I. (1999) Donbass: culture and art. Donetsk. (In Russian).

6. Gerasimenko, A.I. (ed.) (2000) History of Donbass. In 3 vols. Vol. 3: Donbass during the Great Patriotic War and post-war reconstruction (1941–1950). Donetsk, Donbass. 500 p. (In Russian).

7. Lyashenko, G.P. (1971) Cultural construction in Donbass in 1943–1950. Donetsk, Donbass. 180 p. (In Russian).

8. State Archives of the Donetsk People's Republic. – F. R4982. – Op.1. – D.5 – L.81, 85, 88.

9. State Archives of the Donetsk People's Republic. – F. R4982. – Op.1. – D.10 – L.24, 25

10. State Archives of the Donetsk People's Republic. – F. P4982. – Op.1. – D.6 – L.21, 23, 24, 61-62.

11. State Archives of the Donetsk People's Republic. – F. P4982. – Op.1. – D.8 – L.122-123, 124, 126, 147.

12. State Archives of the Donetsk People's Republic. – F. R4982. – Op.1. – D.9 – L.68, 108.

13. State Archives of the Donetsk People's Republic. – F. R4982. – Op.1. – D.2 – L.6, 13-14, 31. 14.

14. State Archives of the Donetsk People's Republic. – F. R4982. – Op.1. – D.3– L.9, 11, 12, 13, 28-29.

15. State Archives of the Donetsk People's Republic. – F. P4982. – Op.1. – D.15 – L.46.

Данные автора статьи

Щевич Кристина Сергеевна ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» ORCID 0009-0004-8196-1328	**Schevich Kristina Sergeevna** FSBEI HE “Donetsk State University” ORCID 0009-0004-8196-1328

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 903.25(516)
DOI: 10.5281/zenodo.22102404
EDN: FSYHBY

Д.П. Шульга
Доктор исторических наук
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: alkaddafa@gmail.com

РОЛЬ «ЗАПАДНЫХ ЖУНОВ» В КОММУНИКАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАВНИНЫ КИТАЯ С ГОРНЫМ АЛТАЕМ*

Аннотация

В данной работе исследуется проблема происхождения звериного стиля, характерного для искусства Северного Китая в IV-III веках до н. э., в частности, для материалов могильника Мацзяюань (общность западных жунов, культура янлан). Декорированные подобным образом предметы украшали колесницы и пояса воинов. В статье анализируется мнение китайских исследователей, которые считают, что корни традиции зооморфных изображений лежат в пазырыкской культуре. Влияние это, скорее всего, было опосредованным и касалось исключительно художественных тенденций звериного стиля. О параллельном процессе (то есть о возможном влиянии или миграции носителей культуры янлан на Алтайский регион в раннем железном веке) достоверных сведений нет. Несмотря на это, находки, сделанные в Пятом Пазырыкском кургане косвенно указывают, что погребенная там женщина, которую С.И. Руденко назвала «китайской принцессой», могла происходить из западных жунов.

Ключевые слова: *скифское время, кочевники, западные жуны, археология, история Сибири, история Китая.*

Summary

This article examines the origins of the animal style, characteristic of Northern Chinese art in the 4th-3rd centuries BC, particularly in the Majiayuan burial ground (Western Rong community, Yanlang culture). Objects decorated in this manner adorned chariots and warrior belts. The article analyzes the opinions of Chinese researchers who believe that the roots of the tradition of zoomorphic images lie in the Pazyryk culture. This influence was most likely indirect and concerned exclusively the artistic tendencies of the animal style. There is no reliable information about a parallel

© Шульга Д.П., 2026

* Данная работа подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС

process (that is, the possible influence or migration of Yanlang culture representatives to the Altai region in the Early Iron Age). Despite this, finds made in the Fifth Pazyryk burial mound indirectly indicate that the woman buried there, whom S.I. Rudenko called a "Chinese princess," could have been of Western Rong descent.

Keywords: *Scythian period, nomads, Western Rongs, archaeology, history of Siberia, history of China.*

Основной целью настоящей статьи является знакомство русскоязычных читателей с элитным могильником скифоидной общности «западных жунов» (Мацзяюань). Параллельно определяется место данного некрополя среди наследия ранних кочевников Евразии. Наличие колесниц резко отличает данный памятник от синхронных комплексов Алтая и сопредельных территорий, но есть и общие черты (например, с пазырыкской культурой). Отечественная историография по данному вопросу крайне бедна, так что наше исследование в первую очередь опирается на китайские публикации.

Сразу необходимо сделать терминологическое замечание. Автор достаточно осторожно относится к употреблению термина «боевая колесница». Ряд средств передвижения, обнаруженных в Мацзяюане, не могут быть с полной уверенностью определены как колесницы. Так что слово «повозки» здесь используется как обобщающее понятие для всех видов колёсного транспорта на памятнике.

Могильник Мацзяюань дает в руки исследователей обширные материалы для изучения кочевой элиты с периферии чжоуского мира [9]. Определимся в дефинициях: словосочетания «чжоуский мир», «мир хуася» и «царства Центральной равнины [Китая]» используются автором как синонимичные. Среди украшений повозок здесь наиболее впечатляющими являются анималистические мотивы на боковых панелях [2]. Преобладают силуэты длиннорогих козлов[1] и тигров. Также встречаются образы волков, оленей и рыб. Такое зооморфное оформление часто сочетается с растительным орнаментом, образуя «ритмические» или симметричные узоры. Животные расположены «отдельно», без явного взаимодействия. Помимо украшения колесниц, похожее сочетание зооморфных и растительных элементов было обнаружено рядом с главным погребением, возможно, там перед нами украшение деревянной внутримогильной конструкции.

Хотя декор колесниц в разных могилах объединен общей стилистикой, встречаются и различия. Примером могут служить изображенные в профиль горные козлы. В М1 у бронзового козерога мы видим лишь контур и глаза. Серебряные экземпляры из М3, М4 и М7 выполнены куда более реалистично: присутствуют выпуклые линии и точки для изображения текстуры шкуры и гривы. Примерно такую же детализацию мы видим и в М16, где материалом послужило золото [8, с. 16].

[1] Слова «козерог», «горный козел» и «длиннорогий козел» в работе используются как синонимы, дабы избежать тавтологии.

На памятниках пазырыкской культуры часто встречаются изображения животных в виде «силуэтов» (т.е. сбоку). Примером тому могут служить вырезанные аппликации на одежде и кожаных украшениях конской упряжи. Представленные животные — лоси, петухи, тигры и грифоны. Части тела и текстура шкур животных часто изображается с помощью ажурной резьбы. Наиболее высокохудожественные изображения обнаружены на памятнике Туэкта, где детализированные, подчас закручивающиеся, линии придают изображениям зверей более экспрессивный облик, усиливающий визуальное воздействие.

Стоит отметить, что археологические памятники раннего железного века на Алтае, хотя и объединены общей традицией звериного стиля, могут несколько различаться по «доминирующим» животным. В собственно Пазырыкских курганах представлены в основном тигры, олени с ветвистыми рогами и бараны, в то время как на памятнике Берель чаще изображены козероги, очень похожие на тех, что встречаются на Мацзяюане. На более раннем памятнике Башадар весьма многочисленны изображения тигров, они включены в сцены сражений и терзания. Животные на колесницах Мацзяюаня явно демонстрируют связь со звериным стилем Горного Алтая. Помимо основных животных, тигров и козлов, на поясных украшениях в Мацзяюане иногда встречаются и другие зооморфные изображения, распространенные в восточной части Евразийской степи. Здесь можно отметить горных баранов (например, в М15), сцены борьбы или охоты (хищника, настигающего свою добычу) [2]. Так в погребениях М14 и М15 мы видим тигра, поедающего копытное животное.

Изображения длиннорогого горного козла в Берели напоминают таковые в Мацзяюане. Отметим, что данный образ также широко представлен на наскальных рисунках восточной части Евразийской степи. Вероятно, он был навеян распространенным на данной территории видом копытных. Позолоченные деревянные украшения в виде рогов горного козла, которыми украшена ведущая лошадь в захоронении № 10 (Берель), весьма напоминают по форме рога «горных козлов» с украшений Мацзяюаня, равно как и изображения на петроглифах [8, с. 17].

Сравнивая различные профильные изображения козерогов из Мацзяюаня с материалами Берели, можно заметить важную деталь. У мацзяюаньских артефактов часто присутствует выступ-завиток над передней ногой животного. У фигур козлов из погребения М3 есть две вариации этого элемента. В первом случае завиток является продолжением закрученных концов гривы на шее животного. Во втором – «выступ» идёт прямо по линии конечности, как бы следуя структуре мышц и костей ноги [2].

Подобная особенность наблюдаются и в фигурах тигров. Как правило, тигры сохраняют свою «естественную» форму, но при изображении деталей тела тонкими линиями добавляются «завитые гривы»[1]. Если мы рассмотрим реально

[1] В изображениях других животных (таких как волки и олени) подобный приём, по-видимому, не использовался.

обитающего в Западной Сибири длиннорогого козла, а также наскальные рисунки и скульптуры в Казахстане, Монголии и Ордосе, станет ясно, что у этого козла нет гривы. Выступы на плечах, возможно, первоначально имитировали форму крыльев козлов «берельского типа», но в итоге мастера, не понимая происхождения и смысла данного элемента, объяснили это концами завитых грив или своеобразными выступами на стыке спины и передних конечностей. Сомнительно, чтобы мастера, оформлявшие колесницы Мацзяюаня, видели настоящего длиннорогого дикого козла. Подобная ситуация еще раз показывает, что взаимодействие китайских царств и скифоидного населения Западной Сибири происходило опосредованно. Мастер из государства Цинь вполне мог обслуживать лояльных своему правителю представителей жунской элиты, среди которой мог быть спрос на вещи в зверином стиле [10].

Помимо изображения крылатого козла, в Мацзяюане можно увидеть и подобие образа грифона. Внешний вид «тигриного грифона» отражен на золотых поясных бляхах некоторых усопших. Например, украшенные сюжетом «тигр, пожирающий козла» бляхи из Мацзяюаня M14 и M15 подчеркивают мускулатуру передних конечностей, очень напоминая тигров, изображённых на колесницах. «Грифонизация» здесь проявляется в добавлении орлиных голов к гриве на шее хищника, а также на конце его хвоста. Это напоминает олене-грифонов Пазырыка, для которых характерно добавление орлиной головы к концу каждой ветви рогов [8, с. 18].

Ажурная «резьба» и декор на фигурках животных, найденных на археологическом памятнике Мацзяюань, перекликаются с некоторыми элементами, часто встречающимися на Алтае. Золотые украшения в виде овец и тигров (с двумя ажурными элементами в форме запятой, образующими сплошную S-образную линию) передают особенности строения, текстуру шкуры животных. Подобное мы видим у оленей и тигров из Туэкты, датируемой, вероятно, VI в. до н.э. Такие ажурные формы также часто встречаются в профильных изображениях животных из Пазырыкских курганов.

Некоторые декоративные узоры, достаточно распространённые на археологическом памятнике Мацзяюань, практически не встречаются в регионе Центральных равнин, видимо, восходя к пазырыкскому искусству. Оформление ряда золотых, серебряных и железных деталей колесниц из Мацзяюаня, похоже на декор седла из гробницы Третьего Пазырыкского кургана. Также обращают на себя внимание четырёхугольные золотые украшения колесниц Мацзяюаня. Они либо имеют прямоугольную форму, либо состоят из нескольких последовательных подквадратных фрагментов, образующих крестообразную или X-образную форму. Подобное мы видим на головном уборе и текстильных изделиях из Третьего Пазырыкского кургана. Узор в форме сердца, подобный обнаруженному на золотых украшениях-«полосках» колесницы M3 из Мацзяюаня, можно увидеть на тканях из Второго Пазырыкского кургана. На «полосках» из серебряной фольги из погребения M3 (Мацзяюань) встречается орнамент, по форме напоминающий сердце.

Деревянная чаша из М16 (Мацзяюань) имеет ромбовидные ажурные декоративные элементы [2]. Примечательно, что в данном случае они равносторонние. В декоре головного убора Второго Пазырыкского кургана также используются ромбовидные фигуры, «ритмично» расположенные на поверхности.

Очевидно, что подобные параллели не случайны. При этом конкретный маршрут межкультурной коммуникации вызывает дискуссии. Вопрос о том, как элементы степной культуры передавались в район, где располагается Мацзяюань (т.е. в юго-восточном направлении), имеет в современной науке два основных варианта ответа. *Первая* точка зрения предполагает, что связи проходили через Монголию. Недавние исследования Дж. Роусон тому пример [8, с. 20]. Исследовательница указывает на то, что найденные на месте раскопок в Мацзяюане золотые, серебряные и железные изделия, бусы и украшения похожи на те, что были обнаружены в более ранних захоронениях, например, Аржане (Западный Саян). Это предполагает возможный путь проникновения элементов культуры ранних кочевников на Центральную равнину из Монголии, в т.ч. с использованием коридора Хэси. Ван Хуэй считает, что степное влияние, воздействовавшее на похороненную в Мацзяюане аристократию, приходило несколькими путями. Основываясь на предположениях Ли Лина о пути распространения «мифических крылатых зверей», он утверждает, что один из маршрутов, «из центральной и западной части Внутренней Монголии через Нинся, Ганьсу и Шэньси в Сычуань и Юньнань, был очень важным в то время» [3]. Действительно, в южных частях чжоуского мира обнаруживались артефакты, выполненные в зверином стиле. Также возможное скифоидное влияние испытало царство Дянь.

Вторая точка зрения заключается в том, что культурное воздействие шло через Синьцзян, и ее в основном поддерживают такие ученые, как Ян Цзяньхуа, Ми Юймэй и Чжао Учэн [15]. Основываясь на изображениях животных, найденных на таких местах, как могильник Алагоу (к югу от Урумчи) Ян Цзяньхуа указывает на Тяньшаньский проход. По ее мнению, воздействие шло «из региона Хами через коридор Хэси в регион Тяньшуй». Исследования вышеуказанной группы авторов [6] наводят на мысль, что основным источником происхождения «степных» орнаментов на колесницах Мацзяюаня является пазырыкская культура. Она бытовала одновременно или немного ранее, и известна китайским археологам по раскопкам в районе г. Алтай (Синьцзян-Уйгурский автономный район). Среди памятников наиболее тесно [1] с Мацзяюанем, возможно, связано наследие Пазырыка и Берели.

Стоит отметить, что ученые, выдвигающие две вышеуказанные версии, еще не предоставили неопровержимых доказательств. Обе гипотезы, по-видимому, не противоречат тому, что пути передачи «скифоидных» культурных элементов возникли при активном участии населения Горного Алтая. При этом

[1] Отметим, что и эта взаимосвязь могла зачастую носить опосредованный характер.

конкретный маршрут мог пролегать как восточнее (Монголия), так и западнее (Синьцзян).

Не стоит сбрасывать со счетов и среднеазиатское влияние. Хотя на в некрополе Алагоу были обнаружены китайский текстиль и лаковые изделия периода Воюющих царств, зооморфные золотые артефакты здесь, вероятно, демонстрируют сакские черты. К ним, например, относятся рельефные узоры на фигурах животных. Растительный орнамент также рельефный, что отличается от плоских и простых «аналогов» с колесниц Мацзяюаня. Ван Бинхуа уже указывал, что Алагоу имеет довольно много общего с сакской традицией, которая представляет иную «культурную линию», отличную от алтайской пазырыкской культуры, повлиявшей на Мацзяюань [1].

Пазырыкская культура Алтая оказала значительное влияние на культуры железного века Синьцзяна, коридора Хэси, Ордоса и Северного Китая, и получила значительное внимание и признание со стороны ученых. Однако присутствие элементов пазырыкской культуры в этих регионах в основном, это, если можно так выразиться, «следы на пути между конечными точками» в передаче скифоидного искусства на восток. При этом в случае с Мацзяюанем пазырыкское влияние довольно заметно, вероятно, звериный стиль для местной элиты по той или иной причине стал весьма востребованным. При этом интересно отметить, что значительная часть артефактов, несущих на себе пазырыкское влияние помещены на совершенно не свойственные скифо-сибирскому миру колесницы. Естественно, собственные традиции «жунов» активно смешивались с внешними. Практика покрытия основного изображения мелкими выпуклыми точками не представлена на Алтае. Данная техника является одной из главных золотых и серебряных украшений в Мацзяюане [5].

В Ордосе и в районе к северу от Великой Китайской стены есть небольшое количество памятников, материалы которых похожи на Мацзяюань. Здесь можно отметить Сигоупань (хошун Джунгар-ци городского округа Ордос автономного района Внутренняя Монголия) и Налиньгаоту (уезд Шэньму, пров. Шэньси). Наиболее характерной чертой влияния культур Горного Алтая являются изображения синкретичных животных, сочетающих черты оленей и хищных птиц. Они подобны тем, что были нанесены на тело усопшего во Втором Пазырыкском кургане. Находка из Сигоупань выполнена из золота в технике «неглубокого рельефа», в то время как золотая скульптура в Налиньгаоту трёхмерна. Кроме того, в Налиньгаоту были обнаружены предметы поясной фурнитуры, имеющие сходство с находками из Мацзяюаня.

На археологическом памятнике Чэньянчуань, (Синьин, уезд Сицзи, Нинся-Хуэйский АР), которая расположена недалеко от Мацзяюаня, наблюдаются некоторые «переходные стили». Здесь встречаются изогнутые «в форме буквы S» копытные, бляхи с растительным орнаментом и симметричными головами птиц. Также встречается изображение тигра с «орлиными головками» на концах гривы и хвоста. Этому есть аналогии на могильнике Мацзяюань и прилегающем районе. Здесь можно увидеть связь с материалами захоронений Сигоупань. Находки в Сигоупань (Внутренняя Монголия), Налиньгаоту (Шэньси),

Чэньянчуань (Нинся) могут указывать на маршрут через Алтай и Ордос в Мацзяюань[1].

Элементы пазырыкской культуры очень слабо представлены на Центральной равнине Китая. Это указывает, что культурный обмен шел, мало затрагивая основные районы чжоуского мира. Там существовали царства с «инородческими» династиями (яркий пример – Чжуншань). Но в условиях, когда даже могущественные государства Цинь (на северо-западе) [10] и Чу (на юге) нередко воспринимались как «полу-варварские», глубокого проникновения звериного стиля в искусство «хуася» вряд ли следовало ожидать. При этом «западные жуны», которые, активно контактируя с китайскими княжествами, все же сохраняли большую самобытность, могли активно перенимать сюжеты пазырыкского искусства.

К этнониму «жун» нужно относиться довольно осторожно, ибо он далеко не всегда означал конкретный народ. Вплоть до Троецарствия данный термин появляется в нарративных источниках Поднебесной. Например, в приписываемом Чжугэ Ляну трактате «Вертоград полководца» читаем: «Народы, населяющие запад, имеют смелый и агрессивный нрав, они алчны; некоторые из них живут в укрепленных городах, другие предпочитают дикую жизнь; корма в их землях не хватает, но много золота и серебра. Таким образом, эти люди от природы наделены огромным мужеством, их очень трудно одолеть. К западу от пустыни обитает масса различных племён и народов, край тот обширен, местность труднопроходима. Привыкшие к постоянной войне, жуны не сдаются в плен, у них мятежное сердце, так что мы должны ждать, пока они не подвергнутся внешнему вторжению, следует иметь с ними дело в дни их внутренних противоречий». При этом наиболее ранние упоминания жунов относятся к периоду династии Западная Чжоу. Естественно, что за тысячу лет население северо-западных рубежей мира «хуася» успело несколько раз измениться. Даже в отдельно взятый период Сражающихся царств у нас есть все основания полагать, что отдельные группы жунов поддерживали активные контакты с разными царствами Китая. Если могильник Мацзяюань, очевидно, несет на себе печать влияния Цинь, более восточный некрополь Чжайтоухэ [14] связан с Вэй [11, с. 231-241, с. 326].

Олени, тигры и горные козлы широко представлены в алтайском искусстве раннего железного века. Появление этих трех образов на археологическом памятнике Мацзяюань является не только результатом обширного обмена между «западными жунами» и скифоидными культурами, но и имеет более глубокий контекст. Наиболее ярким примером является то, как колесницы Мацзяюаня демонстрируют интеграцию внешних китайской и скифо-сибирской культур в памятнике. В данной статье предпринята попытка проанализировать происхождение этих культурных элементов, как они были приняты и

[1] Отметим, в условиях устоявшихся и повторяющихся сюжетов скифского звериного стиля, выводы, полученные при анализе подобных аналогий, следует выдвигать осторожно

переосмыслены местной аристократией Мацзяюаня, как подобный синкретизм в конечном итоге стал уникальной культурной характеристикой региона.

В контексте влияния пазырыкской культуры на Мацзяюань можно вспомнить и артефакты, найденные в Пазырыке, традиционно связываемые с Центральной равниной. Особенно здесь выделяются вышитые ткани из Пятого кургана и бронзовые зеркала и лакированные изделия из Шестого кургана. Подобные находки с момента раскопок казались убедительным свидетельством обмена между Алтаем и Центральной равниной. Разобранная четырехколесная повозка, обнаруженная в Пятом пазырыкском кургане также считается важным примером. Транспортные средства почти никогда не встречаются в гробницах раннего железного века в Евразийской степи. В отсутствие сравнительных данных многие учёные полагали, что четырехколесная повозка из Пазырыка является продуктом влияния культуры Центральной равнины. На основании китайских артефактов, найденных в гробницах, С.И. Руденко считал, что в Пятом пазырыкском кургане находилась «китайская принцесса», вышедшая замуж за представителя местного владетеля. А повозка, выполненная в стиле культуры «хуася», была частью ее приданого [7, с.236]. Эта теория, предполагающая связи с китайской традицией погребения колесниц, была принята некоторыми исследователями. К. Йеттмар считал, что образцы с Центральной равнины как минимум послужили образцом для пазырыкской находки. Ма Цзянь считает, что эта колесница была изготовлена ремесленниками из Центральных равнин, возможно, в качестве подарка или в результате обмена [5]. Если сравнивать с аналогиями из могильников чжоуского мира, хотя и наблюдаются некоторые сходства в конструкции[1], есть и ряд отличий. Такие элементы как четырехколесная компановка, высокий навес и своеобразное оформление нижней части перил отсутствуют на Центральной равнине. Следовательно, эта колесница не могла быть изготовлена в царствах «хуася» или сопредельных регионах, а затем перевезена на Алтай.

Примечательно, что верхние плетеные перила, найденные в Мацзяюане, с их более низкой передней и более высокой задней частями, похожи на перила колесниц Цинь позднего периода Воюющих царств. Колесо имеет целых тридцать четыре спицы, плоские у ступицы, постепенно сужающиеся (и округляющиеся) к ободу, что характерно для колесниц Центральной равнины [12]. Метод использования боковых опор для поддержки крыши, представленный в Пазырыке, не встречается у «хуася»[2], но аналогичен боковым «столбам» для поддержания навеса в колеснице № 2 погребения M14 в Мацзяюане. Это предполагает возможную связь между ними. Ряд исследователей справедливо отмечал, что пазырыкская повозка практически непригодна для использования. Такие «транспортные средства», очевидно использовались в церемониях и могли быть разобраны для перевозки во время кочевания. Возможно, искусные в верховой езде и уделявшие большое внимание

[1] В т.ч. многоспицевые колеса и плетеные перила [13].

[2] Там зачастую одна центральная опора для «зонта» [12].

верховым лошадям, в т.ч. в погребальном обряде, номады изготовили данную повозку, исходя их собственных представлений о далёкой китайской традиции [8, с. 19–21].

Элементы пазырыкской культуры, унаследованные и перенятые аристократией Мацзяюаня, не оказали в дальнейшем глубокого влияния на Центральную равнину Китая. При этом украшенные колесницы с характерными для «хуася» чертами, найденные на археологическом памятнике Мацзяюань, описанному в данной статье, приобрели уникальный вид, со множеством «степных» элементов. Представленные материалы могут указывать на то, как осуществлялась межкультурная коммуникация, в рамках которой распространялись знания о ткачестве, бронзовых зеркалах и изготовлении колесниц, влияя на аристократию скифо-сибирского мира, в т.ч., и в Горном Алтае.

Список источников и литературы

1. Ван Бинхуа. Синьцзян сайжэнь лиши гоу шэнь [王炳華。絲綢之路古代新疆塞人歷史鉤沈 // 丝绸之路考古研究。烏魯木齊：新疆人民出版社] = Историческое исследование народа саков в древнем Синьцзяне // Археологические исследования на Шелковом пути. – Урумчи: Синьцзянское народное издательство (Синьцзян жэньминь чубаньшэ), 2009. – С. 154–166.

2. Ван Хуэй. Мацзяюань чжаньго муди цзуншу [王輝。馬家塬戰國墓地綜述 // 西戎遺珍：馬家塬戰國墓地出土文物。北京：文物出版社] = Обзор некрополя Мацзяюань эпохи Воюющих царств // Сокровища западных жунов (культурное наследие, найденное на могильнике Мацзяюань эпохи Воюющих царств). – Пекин: Изд-во Наследие (Вэнь у чубаньшэ), 2014. – С. 10–31.

3. Ван Хуэй. Чжанцзячуань Мацзяюань муди сянгуань вэньти чутань [王輝。張家川馬家塬墓地相關問題初探 // 文物 2009 年第 10 卷] = Предварительное исследование вопросов, связанных с могильником Мацзяюань в Чжанцзячуане // Культурное наследие (Вэнь у). – 2009. – № 10. – С. 70–77.

4. Ма Цзянь. Гунъюань цянь ба-сань шицзи дэ саянь-аэртай цзаоци теци шидай оу я дунбу вэньхуа цзяолю [馬健。公元前 8~3 世紀的薩彥—阿爾泰—早期鐵器時代歐亞東部草原文化交流 // 歐亞學刊 2006 年第 8 卷] = Культурный обмен в раннем железном веке между Саяно-Алтайским регионом и степями Восточной Евразии в VIII-III веках до н.э. // Евразийские исследования (Оуя сюэкань). – 2006. – Т. 8. – С. 38–84.

5. Ма Цзянь Хуанцзинь чжипинь соцзянь чжун я цаоюань юй чжунго цзаоци вэньхуа цзяолю [馬健。黃金製品所見中亞草原與中國早期文化交流 // 西域研究 2009 年第 3 期] = Золотые артефакты как свидетельство культурных обменов центральноазиатской степи с Китаем // Исследование западных регионов (Сиюй яньцзю). – 2009. – №3. – С. 50–64.

6. Ми Юймэй, Чжао Учэн. Цун Мацзяюань чжаньго му гуанькуй шангу шици дэ чжунси вэньхуа цзяолю [米玉梅、趙吳成。從馬家塬戰國墓管窺上古時

期的中西文化交流 // 魯東大學學報 2015 年第 6 期] = Взгляд на культурный обмен между Китаем и Западом в древние времена по данным погребений Воюющих государств в Мацзяюане // Журнал Университета Лудун (Лудун дасюэ сюэбао). – 2015. – Вып. 32. – № 6. – С. 88–91.

7. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 350 с.

8. У Сяоцзюнь. Шаньдянь шандэ сюнлу, мэнху юй е шань ян: Мацзяюань мачэ цаоюань чжуанши дэ лайюань юй чуаньбо туцзин [吳曉筠。山巔的雄鹿、猛虎與野山羊：馬家塬馬車草原裝飾的來源與傳播途徑 // 故宮學術季刊 2016 年第 1 期] = Олени, тигры и дикие козы на вершинах гор: следы степных декоративных традиций на колесницах Мацзяюань // Palace Museum Academic Quarterly. – 2016. –Т.34. – № 1. – С. 1–50.

9. Хуан Вэй, Чэнь Цзяньли, Ван Хуэй, У Сяохун. Мацзяюань муди цзиньшу чжипинь цзишу яньцзю: цзянь лунь чжаньго шици сибэй дицюй вэньхуа цзяолю [黃維、陳建立、王輝、吳小紅。馬家塬墓地金屬製品技術研究：兼論戰國時期西北地區文化交流。北京：北京大學出版社] = Исследование технологии изготовления металлических изделий с могильника Мацзяюань: обсуждение культурного обмена на северо-западе Китая в период Воюющих царств. – Пекин: Изд-во Пекинского университета (Бэйцзин дасюэ чубаньшэ), 2013. – 264 с.

10. Чжан Вэньлин. Цинь вэньхуа дэ сюэюань сэцай – и чжаньго ваньци цзинь гуайшоу вэйли [張文玲。秦文化的草原色彩—以戰國晚期金怪獸為例 // 故宮文物月刊 2016 年第 399 卷] = Степные черты культуры Цинь — на примере металлических изображений фантастических существ позднего периода Воюющих царств // Ежемесячник Музея императорского дворца Гугун (Гугун вэньу юэкань). – 2016. – Вып. 399. – С. 66–73.

11. Чжан Чаншоу, Инь Вэйчжан. Чжунго каогусюэ: лян Чжоу цзюань [张长寿，殷玮璋。中国考古学：两周卷。北京：中国社会科学出版社] = Китайская археология: Эпоха двух Чжоу. – Пекин: Китайское издательство общественных наук (Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ), 2004. – 564 с.

12. Чжао Учэн. Ганьсу Мацзяюань чжаньго му мачэ дэ фуюань – цзянь тань цзу шу вэньти [趙吳成。甘肅馬家原戰國墓馬車的復原—兼談族屬問題 // 文物 2010 年第 6 期] = Реконструкция колесницы из гробницы периода Воюющих царств в Мацзяюане (провинция Ганьсу) и обсуждение этнической принадлежности // Культурное наследие (Вэнь у). – 2010. – №6. – С. 75–83.

13. Чжао Учэн. Ганьсу Мацзяюань чжаньго му мачэ дэ фуюань (сюй и) [趙吳成。甘肅馬家原戰國墓馬車的復原（續一） // 文物 2010 年第 11 期] = Реконструкция колесниц эпохи Сражающихся царств из могильника Мацзяюань, Ганьсу (Часть 1) // Культурное наследие (Вэнь у). – 2010. – №11. – С. 84–96.

14. Шэньсийский провинциальный археологический институт, Яньаньский муниципальный институт культурного наследия, Бюро туризма и культурного наследия уезда Хуанлин. Шаньси хуанлин чжайтоухэ чжаньго жун жэнь муди фацзюэ цзяньбао. [陝西省考古研究院、延安市文物研究所、黃陵县

旅游文物局，陕西黄陵寨头河战国戎人墓地发掘简报 // 考古与文物 2012 年第 6 期] = Краткий отчет о раскопках жунского могильника Чжайтоухэ периода Воюющих царств (Хуанлин, провинция Шэньси) // Каогу юй вэньу (Археология и культурное наследие). – 2012. – №6. – С. 3–10.

15. Ян Цзяньхуа. Чжанцзячуань муцзан цаоюань иньсу чюнь цзун – Тяньшань тундао дэ кайци [楊建華。張家川墓葬草原因素尋蹤—天山通道的開啟 // 北方先秦考古研究。北京：科 學出版社] = Изучение степного влияния на гробницы в уезде Чжанцзячуань – открытый путь через Тяньшань // Археологические исследования Севера доциньской эпохи. – Пекин: Изд-во «Наука» (Кэсюэ чубаньшэ), 2015. – С. 215–222.

REFERENCES

1. Wang Binghua (2009) [Historical study of the Saka people in ancient Xinjiang], Archaeological research on the Silk Road. Urumqi: Xinjiang People's Publishing House (Xinjiang Renmin Chubanshe), 154–166. (In Chinese).

2. Wang Hui (2014) [A Review of the Majiayuan Cemetery from the Warring States Period]. Treasures of the Western Rongs (Cultural Heritage Found at the Majiayuan Burial Ground from the Warring States Period). Beijing: Heritage Publishing House (Wen wu chubanshe), 10–31. (In Chinese).

3. Wang Hui (2009) [Preliminary study of the issues related to the Majiayuan burial ground in Zhangjiachuan]. Cultural Heritage (Wen wu), no. 10, 70–77. (In Chinese).

4. Ma Jian (2006) [Early Iron Age cultural exchange between the Sayan-Altai region and the steppes of Eastern Eurasia in the 8th-3rd centuries BC] Eurasian Studies (Ouya Xuekan), vol. 8, 38–84. (In Chinese).

5. Ma Jian (2009) [Gold Artifacts as Evidence of Cultural Exchanges between the Central Asian Steppe and China]. Study of the Western Regions (Xiyu Yanjiu), no. 3, 50–64. (In Chinese).

6. Mi Yumei, Zhao Wucheng (2015) [A Look at the Cultural Exchange between China and the West in Ancient Times Based on the Warring States Burials in Majiayuan], Ludong daxue xuebao [Journal of Ludong University], vol. 32, no. 6, 88–91. (In Chinese).

7. Rudenko S. I. Kultura naseleniya Tsentralnogo Altaya v skifskoye vremya. Moscow–Leningrad: AN SSSR Publ., 1960. 350 p. (In Russ.)

8. Wu Xiaojun (2016) [Deers, tigers and wild goats on mountain tops: traces of steppe decorative traditions on chariots Majiayuan]. Palace Museum Academic Quarterly, issue 34, no. 1, 1–50. (In Chinese).

9. Huang Wei, Chen Jianli, Wang Hui, Wu Xiaohong (2013) [Study of the technology of manufacturing metal products from the cemetery Majiayuan: A Discussion of Cultural Exchange in Northwest China during the Warring States Period]. Beijing: Beijing University Press (Beijing Daxue Chubanshe), 264 p. (In Chinese).

10. Zhang Wenling (2016) [Steppe Features of Qin Culture — As Exemplified by Metal Images of Fantastic Creatures from the Late Warring States Period]. Monthly

Journal of the Palace Museum (Gugong wenwu yuekan), issue 399, 66–73. (In Chinese).

11. Zhang Changshou, Yin Weizhang (2004) [Chinese Archaeology: The Two Zhou Era]. Beijing: China Social Sciences Press (Zhongguo shehui kexue chubanshe), 564 p. (In Chinese).

12. Zhao Wucheng (2010) [Reconstruction of a Chariot from a Warring States Period Tomb in Majiayuan (Gansu Province) and a Discussion of Ethnic Affiliation]. Cultural Heritage (Wen wu), no. 6, 75–83. (In Chinese).

13. Zhao Wucheng (2010) [Reconstruction of Warring States Period Chariots from the Majiayuan Burial Ground, Gansu (Part 1)]. Cultural Heritage (Wen wu), no. 11, 84–96. (In Chinese).

14. Shaanxi Provincial Institute of Archaeology,Yan'an Municipal Institute of Cultural Relics & Huangling Tourism and Cultural Relics Bureau (2012) [A Preliminary Report on the Warring States Cemetery of the Rong-Barbarian at Zhaitouhe in Huangling County,Shaanxi Province]. Archaeology and Cultural Relics, 6, 3–10. (In Chinese).

15. Yang Jianhua (2015) [Study of the Steppe Influence on Tombs in Zhangjiachuan County – An Open Route through Tianshan]. Archaeological Research of the Pre-Qin Northern Region. Beijing: Science Publishing House (Kexue Chubanshe), 215–222. (In Chinese).

Данные автора статьи

Шульга Даниил Петрович Доктор исторических наук ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» ORCID 0000-0001-8022-2954	**Shulga Daniil Petrovich** Doctor of Historical Sciences FSBEI HE “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration” ORCID 0000-0001-8022-2954

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.3:341.1
DOI: 10.5281/zenodo.22102455
EDN: ORLSUE

Е.В. Кузнецова
кандидат политических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: eku16@mail.ru

Е.М. Загорская
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: sweeetrina2017@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ШОС С ОДКБ, СНГ И АСЕАН

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблем во взаимодействии Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Содружеством Независимых Государств (СНГ) и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в сфере обеспечения региональной безопасности в современных геополитических условиях. В работе рассматриваются следующие ключевые направления проблем: правовые и процедурные барьеры, организационные и операционные сложности, геополитические и стратегические противоречия, различия в подходах к безопасности, ресурсные и финансовые ограничения, а также экономико-политические противоречия. Сделан вывод, что взаимодействие ШОС с ОДКБ, СНГ и АСЕАН характеризуется системной фрагментацией, вызванной комплексом правовых, геополитических, ресурсных и информационных проблем. Отсутствие единой платформы для координации действий и обмена данными, дублирование функций, конкуренция за финансирование и расхождения в стратегических приоритетах снижают эффективность коллективных мер по обеспечению региональной безопасности.

Ключевые слова: *региональная безопасность, международное сотрудничество, ШОС, АСЕАН, ОДКБ, СНГ, интеграция, пограничные вопросы.*

Summary

The article is devoted to the study of problems in the interaction of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) with the Collective Security Treaty Organization

© Кузнецова Е.В., Загорская Е.М., 2026

(CSTO), the Commonwealth of Independent States (CIS) and the Association of Southeast Asian Nations East Asia (ASEAN) in the field of ensuring regional security in modern geopolitical conditions. The paper examines the following key areas of problems: legal and procedural barriers, organizational and operational difficulties, geopolitical and strategic contradictions, differences in approaches to security, resource and financial constraints, as well as economic and political contradictions. It is concluded that the SCO's interaction with the CSTO, the CIS and ASEAN is characterized by systemic fragmentation caused by a complex of legal, geopolitical, resource and information problems. The lack of a single platform for coordinating actions and exchanging data, duplication of functions, competition for funding, and differences in strategic priorities reduce the effectiveness of collective measures to ensure regional security.

Keywords: *security, international cooperation, SCO, ASEAN, CSTO, CIS, integration, border issues.*

Изучение взаимодействия ШОС с международными структурами, такими как ОДКБ, СНГ и АСЕАН в контексте обеспечения региональной безопасности, является актуальным, поскольку в условиях стремительно меняющегося геополитического ландшафта и усиления многополярности, эта организация играет важную роль в обеспечении безопасности и стабильности в Евразии. На прошедшем 31 августа – 1 сентября 2025 года саммите ШОС были обозначены новые ориентиры в обеспечении региональной и глобальной безопасности, определяя Организацию как основательную платформу альтернативного, многополярного видения мира [1, с.25].

Однако, взаимодействие международных организаций в сфере безопасности в современных геополитических условиях сопровождается проблемами. Прежде всего, сложности обнаруживают себя в неоднородности правовых режимов, различиях процедур принятия решений и неравномерном распределении ресурсов и геополитических интересов.

Целью данной статьи стало определение проблемных вопросов взаимодействия ШОС с международными организациями на примере ОДКБ, СНГ и АСЕАН в условиях формирования современного миропорядка.

На отдельных вызовах региональной безопасности в рамках взаимодействия указанных международных организаций останавливались А. Муратбекова [2], Н. Харитонова [3], М. Чунг [4] и др. Вопросы международной безопасности и роли ШОС в ее обеспечении представлены в работах Я. Ашуровой [5], А. Джекшенкулова [1], К. Рахимова [6] и т.д. Исследованию проблем ШОС в разные периоды в контексте обеспечения безопасности Центрально-Азиатского региона посвящены монографии коллективов авторов [7; 8; 9]. Подходы к изучению вопросов региональной безопасности, экономического сотрудничества и трансформации ШОС в контексте геополитических изменений в Центральной Азии представлены в работах зарубежных авторов, например, Стивена Ариса [10] и Майкла Фредхольма [11].

Несмотря на значительный прогресс в изучении темы, многие работы остаются фрагментарными и требуют дальнейшей систематизации и углубления анализа, особенно в части определения проблем взаимодействия при стратегическом планировании сотрудничества ШОС с другими международными организациями.

В связи с этим представляется необходимым определить ключевые противоречия, которые возникают во взаимодействии организаций для обеспечения безопасности в региональном и международном аспектах, а также повышения доверия к данным институтам – ШОС, ОДКБ, СНГ, АСЕАН.

Среди затруднений сотрудничества можно выделить значительное дублирование функционала на пространстве постсоветских государств, где некоторые члены ОДКБ и СНГ одновременно состоят в ШОС, однако не согласовывают стандарты оперативного реагирования на угрозы, что приводит к несинхронизированному планированию совместных учений и сбоям при обмене разведывательными данными. Такое положение усугублялось в 2000-х гг., когда Узбекистан периодически пересматривал свое участие в различных союзах, выходя в 2012 г. из ОДКБ и параллельно демонстрируя переменчивые подходы к сотрудничеству в рамках ШОС [5, с.47].

Подобные непоследовательные шаги снижали эффективность координации силовых структур и не позволяли вовремя формировать унифицированные механизмы по противодействию трансграничной преступности. Дополнительным препятствием оставалась нерешённость пограничных вопросов между некоторыми государствами Центральной Азии (например, между Кыргызстаном и Таджикистаном), что отражалось и в рамках СНГ, и в структуре ОДКБ, затрудняя согласованную работу по пресечению контрабанды и экстремизма.

Случались ситуации, когда операционные протоколы взаимодействия ОДКБ были декларированы, однако на практике возникала правовая коллизия с принципами ШОС, ориентированной на иной формат согласования военных учений. В результате согласованные мероприятия по безопасности иногда срывались в периоды обострения региональных споров, при этом некоторые государства стремились задействовать потенциал ШОС, игнорируя приоритеты ОДКБ, либо наоборот, ссылаясь на уставные положения ОДКБ для приостановки взаимодействия в проектах ШОС.

В последние годы нарастают трудности, связанные с расширением ШОС за счет Индии и Пакистана, причём ни Индия, ни Пакистан не состоят в ОДКБ и СНГ, что усложняет формирование общей платформы по борьбе с терроризмом, наркотрафиком и другими вызовами в Центральной и Южной Азии [2, с.141].

Иногда наблюдается неоднозначная реакция государств, входящих в СНГ, на растущую роль Индии, например, в плане военно-технических контактов: часть стран опасается нарушения баланса влияния, опасается локальных столкновений интересов между Индией и Пакистаном, что бросает тень на перспективу продвижения совместных инициатив в области противодействия экстремизму. Подобные внутриполитические противоречия в государствах ШОС

усиливают риски фрагментации при обмене секретной информацией и при координации стратегических учений.

В сфере взаимодействия ШОС с АСЕАН значительные затруднения связаны с отличающимися подходами к коллективной безопасности:

1. АСЕАН ориентируется на дипломатическое урегулирование споров среди своих членов и уделяет особое внимание морской безопасности, тогда как ШОС сосредоточена на континентальной проблематике, включая контроль афганской границы и противодействие радикальным группировкам.

2. В АСЕАН немало государств, тесно связанных военно-политическими соглашениями с внешними акторами (в том числе с Соединёнными Штатами), что наталкивается на настороженность других партнёров, входящих в ШОС, и порождает разногласия вокруг формата совместных антитеррористических манёвров. К примеру, в 2018–2019 гг. проявлялось опасение ряда стран ШОС по поводу военных контактов отдельных участников АСЕАН с западными державами, поскольку отсутствовал четкий регламент, исключающий утечку данных об операциях, проводимых по линии ШОС.

Дополнительные барьеры возникают из-за несовпадения экономических моделей, влияющих на финансирование программ безопасности: часть государств АСЕАН поддерживает активные торгово-экономические связи с Китаем, однако осторожно подходит к углублению именно военно-технического сотрудничества в формате ШОС из-за опасения нарушения существующих геополитических равновесий в Юго-Восточной Азии.

Возникают трудности при проработке совместных антитеррористических проектов, поскольку у стран АСЕАН акценты смещены на пресечение пиратства и обеспечение безопасных морских коммуникаций, в то время как для центральноазиатских партнёров, входящих в ШОС, более актуальны проблемы нелегальной миграции и пограничного контроля на суше. Диссонанс интересов замедляет разработку многосторонних соглашений и фактически блокирует инициативы по созданию универсальной системы мониторинга перемещения подозрительных лиц между регионами Центральной и Юго-Восточной Азии.

Для стран региона важным являются активная информационно-профилактическая работа в связи с последствиями экстремистской и наркотической угроз, усиление борьбы с коррупцией и нелегальными доходами, увеличение занятости и разнообразие досуга населения в целях их не подпадания под экстремистскую и преступную пропаганду [9, с.76-77].

Взаимодействие ШОС с СНГ осложняется многоуровневыми противоречиями в правоприменении: СНГ, будучи структурой для широкого круга политических, экономических и отчасти гуманитарных вопросов, не всегда оперативно реагирует именно на угрозы безопасности (тогда как ШОС подразумевает более жёсткий акцент на борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом в соответствующих странах).

Некоторые члены СНГ не участвуют в ШОС, вследствие чего возникает правовой вакуум при проведении совместных операций: нет чёткого механизма привлечения сторонней поддержки, если в конкретном регионе резко

обостряется криминальная активность, выходящая за рамки границ государства, входящего только в СНГ. Проявлялись случаи, когда при возрастании напряжённости на таджикско-афганской границе требовалось комплексное задействование ресурсов, согласуемых на площадках ШОС, СНГ и ОДКБ, однако отсутствие единого алгоритма по распределению обязанностей приводило к задержкам финансирования и параллельному дублированию мероприятий.

Иногда на уровне СНГ принимались декларации о совместном противодействии терроризму, но не всеми членами подписывались дополняющие протоколы, тогда как в ШОС активизировался механизм Региональной антитеррористической структуры, не всегда совместимый с аналогичными контртеррористическими планами, разрабатываемыми в формате СНГ.

Сложности усугубляются неоднородным составом СНГ по экономическому и военному потенциалу: часть стран не располагает достаточными финансовыми возможностями для участия в крупных международных операциях под эгидой ШОС, а некоторые государства, напротив, предпочитают опираться на собственные соглашения с внешними акторами. В результате координационные встречи регулярно переходят в затяжные обсуждения технических вопросов, связанных с несовпадением законодательных ограничений и различиями в уставных положениях [12].

Взаимоотношения ШОС и ОДКБ в области безопасности зачастую осложнены тем, что формальный механизм коллективной обороны в ОДКБ не распространяется на всех членов ШОС: Китай, Индия и Пакистан в ОДКБ не участвуют, при этом именно их присутствие в ШОС существенно расширяет географию задач этой организации.

Конференции, проводимые под эгидой ШОС, могут ставить более широкие цели, включая обеспечение стабильности в Южной Азии, в то время как ОДКБ сконцентрирована главным образом на постсоветском пространстве, а взаимодействие с другими державами ограничено отдельными соглашениями. Отсюда возникает дисбаланс в корректировке военных учений: страны, входящие и в ОДКБ, и в ШОС (например, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан), вынуждены совмещать участие в разных форматах, сталкиваясь с перегрузкой в плане численности мероприятий и их шкалы приоритизации. Например, в 2021 г. имели место ситуации, когда график антитеррористических тренировок ОДКБ фактически пересекался с плановыми датами учений ШОС, что требовало от генерального штаба каждой из стран-членов сложных логистических перестановок и отвлекало силы от согласованного оттачивания совместных навыков [13].

При этом дополнительные разногласия вызывали различные правила допустимого применения военного контингента за пределами национальных границ: в ОДКБ существует регламентированный порядок коллективного ответа на враждебные действия, тогда как в ШОС нет аналогичного договора о взаимной обороне, но присутствует своя система мер по борьбе с так называемыми «тремя злыми силами» (терроризм, сепаратизм, экстремизм).

В итоге происходит путаница в терминологии и несовпадение критериев, определяющих, какие именно случаи нарушения стабильности требуют коллективного вмешательства, а какие относятся к исключительной компетенции отдельного государства. Геополитические интересы крупных держав внутри ШОС тоже нередко вступают в противоречие с коллективными обязательствами ОДКБ, поскольку Китай не признает внешнюю военную помощь как приоритетную меру, тогда как Российская Федерация придерживается многолетней стратегии коллективной обороны в рамках ОДКБ и видит в этом инструмент противодействия дестабилизации в ряде регионов.

В то же время участие Индии и Пакистана в ШОС создаёт дополнительные сложности, учитывая их пограничные споры и неоднозначные отношения с Китаем. Подобная конфигурация снижает возможности согласованного взаимодействия на всем пространстве ШОС, поскольку не все государства готовы делиться полным спектром разведданных, опасаясь утечки информации и потенциальной ее передачи третьим странам. Разность интересов затрудняет достижение консенсуса [3, с. 77].

Параллельно возникают преграды на пути к институционализации обмена информацией между ШОС, ОДКБ и СНГ, ведь каждая организация придерживается собственных регламентов секретности, которые не всегда совместимы друг с другом. Бюрократические проволочки приводят к тому, что особый алгоритм сверки допуска, выработанный в рамках ОДКБ, не совпадает с критериями ШОС по защите важных сведений, а в системах СНГ часто отсутствуют необходимого уровня защитные протоколы, что тормозит выверенный информационный обмен.

Для АСЕАН также характерен высокий уровень осторожности в вопросах циркуляции данных, поскольку часть стран, входящих в эту ассоциацию, испытывает озабоченность возможными конфиденциальными утечками. Эти обстоятельства влияют и на практику совместных консультаций: периодически представители силовых ведомств обсуждают меры борьбы с наркоторговлей или с трансграничными экстремистскими группами, однако без единой платформы, позволяющей обмениваться наработками в реальном времени, эффективность таких переговоров оказывается ограниченной.

Серьезное влияние на взаимодействие ШОС с ОДКБ, СНГ и АСЕАН оказывают финансовые разногласия и приоритеты бюджетного планирования: не все государства могут выделять сопоставимые суммы на операционную деятельность, учения или поддержание контртеррористических центров. В ряде случаев инициатива исходит одновременно от нескольких институтов (например, запускается проект по обустройству пограничной инфраструктуры со стороны ШОС и параллельно сходная программа в рамках СНГ или ОДКБ), но страны-участницы оказываются вынуждены выбирать, какой проект поддерживать в первую очередь, вследствие чего начинается конкуренция за финансирование.

Такая конкуренция ведёт к усугублению межгосударственных трений, поскольку правительства, сталкиваясь с дефицитом средств, откладывают некоторые обязательства или не выполняют их полностью. Взаимное недоверие

проявляется и в связи с политическими позициями государств, которые согласовывают действия в одной организации, но в другой организации занимают сдержанную или прямо противоположную позицию по сходным вопросам (включая проведение миротворческих операций за рубежом или формирование санкционных списков в отношении отдельных групп). Это неоднократно замечалось при обсуждении внутри ОДКБ необходимости общей стратегии по урегулированию постконфликтных ситуаций в государствах Средней Азии, в то время как в ШОС акценты смещались на совместные учения без формирования многостороннего плана посткризисного восстановления.

В итоге складывается впечатление фрагментированного подхода, при котором ни один институт не получает достаточного мандата для реализации комплексной концепции региональной безопасности, а конкуренция инструментов лишь нарастает. Дополнительные трудности возникают на стыке безопасности и экономики, поскольку ШОС все чаще рассматривает инфраструктурные проекты (например, транспортные коридоры из Китая в Западную Азию), которые затрагивают интересы стран СНГ и некоторых членов ОДКБ.

Вопросы безопасного транзита, включая охрану магистральных путей, требуют комплексных решений, но между странами нет единого понимания, кто несёт ответственность за материально-техническое оснащение данного процесса, а какие механизмы финансирования задействуются при возникновении угрозы террористических актов на объектах транспортной инфраструктуры. В АСЕАН аналогичные проблемы возникают при попытках проложить торговые маршруты, сопряженные с проектами Китая, при этом консультации по безопасности с ШОС часто остаются формальными, так как нет общих процедур для контроля грузопотоков за пределами юрисдикции самих государств-членов АСЕАН. Одновременно присутствует проблема конфликта интересов крупных субъектов, когда расширяется экономическое влияние Китая, а часть стран, участвующих в ОДКБ или СНГ, ориентируется на военно-политическое партнёрство с другими державами. Такая неоднородность препятствует формированию единого фронта против общих вызовов, так как каждая сторона стремится защитить собственные каналы взаимодействия, избегая полной прозрачности.

Вопрос стандартизации законодательно также не решен, поскольку каждое из объединений вырабатывает собственные пакеты соглашений, а взаимное признание правовых норм ограничено лишь частичными договоренностями.

Создание многосторонних рабочих групп для стыковки подобных соглашений затрудняется различиями в языках, правовых традициях и в механизмах ратификации: в одних странах ратификация международных документов требует парламентского одобрения, а в других процедура сводится к правительственному декрету, что порождает временной разрыв в имплементации уже подписанных актов.

Таким образом, выделенные проблемы и противоречия во взаимодействии ШОС с ОДКБ, СНГ и АСЕАН в сфере безопасности включают, прежде всего,

неоднородность правовых режимов, различия процедур принятия решений, неравномерное распределение ресурсов, фрагментация подходов к безопасности и финансовые разногласия, отсутствие единой платформы для эффективного обмена информацией и координации действий и др.

Но несмотря на объективные сложности, выявленные в ходе анализа, перспективы углубления координации остаются значительными. Это обусловлено самой логикой развития современных угроз, которые по своей природе являются транснациональными и не могут быть эффективно нейтрализованы усилиями одной страны или даже одной организации. Терроризм, киберпреступность, незаконный оборот наркотиков, дестабилизация ситуации в соседних регионах – все эти вызовы требуют комбинированных ответов и сетевой дипломатии. В этом контексте ШОС, с ее уникальным составом, объединяющим крупнейшие мировые державы и ключевые государства Центральной Азии, а также с ее открытой, неблоковой философией, выступает естественным узлом и координатором таких сетевых взаимодействий. Ее опыт консультаций, совместных операций и гармонизации законодательства представляет ценность для выстраивания более эффективной глобальной системы безопасности, основанной не на конфронтации, а на прагматичном сотрудничестве суверенных государств.

Следовательно, дальнейшее развитие и институционализация взаимодействия ШОС с ОДКБ, СНГ и АСЕАН является не просто тактической задачей, а стратегическим императивом. Оно способствует укреплению стабильности в ключевых регионах Евразии, снижает риски конфронтации через постоянные диалоговые каналы и создает материальную основу для совместного процветания. Углубление этого многоуровневого партнерства будет в значительной степени определять способность евразийского континента адекватно реагировать на вызовы современности и вносить устойчивый вклад в формирование более справедливого и сбалансированного миропорядка.

Список источников и литературы:

1. Джекшенкулов А. ШОС в условиях глобальной турбулентности: вызовы, успехи и перспективы // Международная жизнь. – 2025. – №9. – С.24-29.

2. Муратбекова А. Кризис идентичности Шанхайской организации сотрудничества: что будет дальше? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. –Т. 14, № 4. – С. 138-160.

3. Харитонова Н. Перспективы формирования евразийской системы безопасности // Международная жизнь. – 2025. – №12. – С.74-87.

4. Чунг, М. Шанхайская Организации Сотрудничества и проблемы безопасности Центральной Азии / М. Чунг // Вестник МГИМО Университета. – 2011. –№ 2(17). – С. 89-95.

5. Ашурова Я., Ягья Т.С. Сфера международной безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Россия в глобальном мире. – 2021. – № 18(41). – С. 45-53.

6. Рахимов К.Х. Взаимодействие Шанхайской организации сотрудничества с международными и региональными организациями по поддержанию международного мира и коллективной безопасности / К. Х. Рахимов, К. П. Курылев, Г. А. Химич // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т. 10, № 9(66). – С. 2322-2338.

7. Василенко В.И. Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект): монография / В. И. Василенко, В. В. Василенко, А. Г. Потеенко ; Российская акад. народного хозяйства и гос. службы при Президенте Российской Федерации, Центр соц. инноваций и коммуникаций в гражданском обществе. – Москва: Проспект, 2014. – 190 с.

8. Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации / отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. – М.: ИДВ РАН, 2019. – 344 с.

9. Шарапов О.М. Проблемы безопасности в Центральной Азии и их влияние на внутриполитическую ситуацию и интеграцию государств региона / В кн. Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы: коллективная монография. Т. II. — СПб.: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2017. — 392 с.

10. Aris, S. The Shanghai Cooperation Organization: Assessing the Role of the SCO in Regional Security and the Implications for International Stability // Asian Survey. – 2021. – Vol. 61, No. 2. – P. 221-244.

11. Fredholm, M. (ed.). The Shanghai Cooperation Organization and Eurasian Geopolitics: New Directions, Perspectives, and Challenges. – Copenhagen: NIAS Press, 2013. – 320 p.

12. Аналитический доклад МИД РФ «Итоги деятельности СНГ за 10 лет и задачи на перспективу» / МИД РФ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1682525/ (дата обращения 26.02.2026).

13. Коллективная безопасность на фоне кризиса в Афганистане главная тема саммита ОДКБ / ТАСС URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16433211 (дата обращения 25.02.2026).

REFERENCES

1. Dzhekshankulov, A. (2025) [SCO in the context of global turbulence: challenges, successes and prospects]. *International Affairs*. 9, 24-29. (In Russian).

2. Muratbekova, A. (2019) [The crisis of the identity of the Shanghai Cooperation Organization: what will happen next?]. *International Organizations Research Journal*. 14 (4), 138-160. (In Russian).

3. Kharitonova, N. (2025) [Prospects for the Formation of a Eurasian Security System] // *International Affairs*. 12, 74-87. (In Russian).

4. Chung, M. (2011) Central Asian Region: Schemes and Models of Regionalism and Cooperation. A close analysis of the Shanghai Cooperation Organization.

MGIMO Review of International Relations. 2(17), 89-95, doi.org/10.24833/2071-8160-2011-2-17-89-95. (In Russian).

5. Ashurova, Ya. & Yagya T.S. (2021) The sphere of international security within the framework of the Shanghai Cooperation Organization. *Russia in the Global World*. 18(41), 45-53. (In Russian).

6. Rakhimov, K. Kh. (2020) Interaction of the Shanghai Cooperation Organization with International and Regional Organizations for the Maintenance of International Peace and Collective Security / K. Kh. Rakhimov, K. P. Kurylev, G. A. Khimich. *Issues of National and Federative Relations*. 10, 9(66), 2322-2338. (In Russian).

7. Vasilenko, V. I. (2014) *The Shanghai Cooperation Organization in the Regional Security System (Political and Legal Aspects)* / V. I. Vasilenko, V. V. Vasilenko, A. G. Poteenko. Moscow: Prospect, 190 p. ISBN 978-5-392-13485-4. (In Russian).

8. *Prospects for the SCO's Multilateral Cooperation with International Organizations for the Development of the Organization's Strategy.* (2019). Yu.V. Morozov ed. – Moscow: IDV RAS. 344 p. ISBN 978-5-8381-0349-9. (In Russian).

9. Sharapov, O.M. (2017) *Security Issues in Central Asia and Their Impact on the Domestic Political Situation and Integration of the Region's States* / Eurasian Integration: Origins, Problems, and Prospects: A Collective Monograph. Vol. II. — St. Petersburg: University at the IPA of the Eurasian Economic Union, 392 p. ISBN 978-5-91950-063-6 — T. II; ISBN 978-5-91950-062-9. (In Russian).

10. Aris, S. (2021) The Shanghai Cooperation Organization: Assessing the Role of the SCO in Regional Security and the Implications for International Stability. *Asian Survey*. 61 (2), 221-244.

11. Fredholm, M. (ed.) (2013) *The Shanghai Cooperation Organization and Eurasian Geopolitics: New Directions, Perspectives, and Challenges*. – Copenhagen: NIAS Press, 320 p.

12. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. *Analytical report of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation "Results of the CIS activities over 10 years and tasks for the future"*. Retrieved from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1682525 / (date of application: 26.02.2026).

13. TASS (2022) *Collective security against the background of the crisis in Afghanistan is the main topic of the CSTO summit*. Retrieved from: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16433211 (date of application: 25.02.2026).

Данные авторов статьи

Кузнецова Елена Владимировна кандидат политических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» ORCID 0000-0002-1456-2456	**Kuznetsova Elena Vladimirovna** Candidate of Political Sciences, Associate Professor, FSBEI HE “Donetsk State University” ORCID 0000-0002-1456-2456

Загорская Екатерина Михайловна ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» ORCID 0009-0002-4806-1059	**Zagorskaya Ekaterina Mikhailovna** FSBEI HE “Donetsk State University” ORCID 0009-0002-4806-1059

УДК 327:323.2 351.746:007(73)
DOI: 10.5281/zenodo.22102530
EDN: LTHZDW

Л.Ю. Медовкина
кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: medovkina.l@mail.ru

И.И. Авилов
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: ivan_avilov_2004@mail.ru

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА РФ И США КАК ГЛОБАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТОРОВ

Аннотация

В статье рассматривается влияние СМИ на формирование международного имиджа РФ и США как конкурирующих геополитических игроков. Исследуется обострение информационного противостояния в 2014-2026 годах повлиявшее на массовое восприятие роли РФ и США как глобальных игроков на мировой арене. Сделан вывод о том, что в западных медиа доминируют стереотипы о России как «агрессора» и «угрозы», а в азиатских СМИ образ России носит преимущественно прагматично-экономический характер, образ выгодного, предсказуемого партнера, а восприятие США отличается региональной и страновой вариативностью.

Ключевые слова: *имидж, фрейминг, soft-power, информационная война, публичная дипломатия.*

Summary

The article examines the influence of the media on the formation of the international image of Russian and the US as competing geopolitical players. The article examines the intensification of the information confrontation in 2014-2026, which influenced the mass perception of the role of the Russian Federation and the United States as global players on the world stage. It is concluded that the «western» media is dominated by stereotypes about Russia as an aggressor and threat. The Asian media's image of Russia is predominantly pragmatic and economic in nature, the image of a profitable, predictable partner and the perception of the US is characterized by regional and country variability.

Keywords: *framing, image, soft-power, public diplomacy, information warfare.*

© Медовкина Л.Ю., Авилов И.И., 2026

Актуальность данного исследования обоснована событиями 2014-2026 годов, отмеченными пиком информационного противостояния. Санкционное давление Запада, предвыборные кампании в США и продолжающийся украинский конфликт создают определенные условия для медийных манипуляций. В этих условиях научное осмысление механизмов формирования национальных образов открывает возможности для прогнозирования глобальных политических сдвигов. Ключом к пониманию современных международных процессов становится расшифровка медийных стратегий. Работа приобретает особую значимость в контексте выработки стратегий информационной дипломатии. Анализ того, как региональные СМИ разных стран конструируют образы России и США, позволит выявить закономерности восприятия и потенциальные точки соприкосновения, что особенно важно для государств, стремящихся сохранить нейтралитет в условиях нарастающей биполярности.

Цель исследования – выявление институциональных механизмов, на основе которых медиа формируют международный имидж России и США.

Исследованием данного вопроса занимались А.А. Великая «Публичная дипломатия РФ и США: сравнительные аспекты двух систем и роль в развитии двустороннего диалога» [3], А.В. Шариков «Репрезентация России и США в глобальном информационном онлайн-пространстве и на российских и американских ресурсах» [14], которые непосредственно рассматривали механизмы публичной дипломатии, медиа-репрезентации и цифрового движения образов обеих стран в глобальном и онлайн-пространстве.

В работах Ю.В. Герчик и Е.А. Данилова «Формирование образа РФ в условиях информационной войны» [5], П.Г. Кошкина «Формирование нового образа России в прессе Запада с 2014 по 2019 г.» подробно проведен анализ стереотипов и динамики восприятия России в западных и азиатских медиа, а также влияние информационной войны и региональных особенностей на формирование ее международного имиджа. Ермакова Е.С. «Информационная война как атрибут информационного общества: активизация медиафункции насилия над сознанием» [6] уделила внимание общим теоретическим и социально-психологическим механизмам медиа-воздействия, а также раскрыла, как фрейминг, культивация и языковые конструкции СМИ создают устойчивые образы государств и влияют на общественное мнение в третьих странах.

Следует отметить, что имидж включает в себя официальные институты, экономические показатели и культурные символы, которые служат основой внешних оценок и взаимодействий. Взаимодействие этих компонентов формирует комплексное представление о государстве и определяет условия внешнеполитического и экономического сотрудничества. СМИ выступают ключевым каналом передачи и трансформации этих атрибутов в образ государства за рубежом. Они играют ключевую роль в формировании и распространении представлений о странах и их объединениях как внутри, так и за их пределами. Этот образ региона, созданный медиа, оказывает значительное

влияние на общественное мнение. Целенаправленно созданный и устойчивый образ не только способствует сплочению граждан, но и служит инструментом для усиления экономического и политического влияния государства на мировой арене, а также для защиты интересов его населения.

Таким образом, национальный имидж – это комплексное понятие, включающее политические, экономические и культурные характеристики государства, как их воспринимает мировая общественность. А активное участие медиа в формировании имиджа страны делает его важным элементом внешней политики и экономического воздействия.

Структура национального имиджа состоит из двух частей: объективных показателей (экономическая мощь, военный потенциал, качество институтов), которые можно измерить и сравнить, и субъективных восприятий (стереотипы, эмоции, культурные интерпретации). Объективные данные служат основой, на которой формируются более тонкие, субъективные оценки. Стереотипы упрощают восприятие и могут как усиливать, так и ослаблять влияние объективных факторов. Взаимодействие этих двух компонентов создает гибкий имидж, подверженный влиянию информации и культурных связей.

Формирование имиджа зависит от геополитических событий, публичной дипломатии и информационных кампаний. Геополитические изменения могут стать толчком к пересмотру существующих представлений, а информационные стратегии и медийные повестки ускоряют процесс адаптации и формирования нового образа.

Медиа формируют условия для закрепления новых интерпретаций и трансформации прежних стереотипов путем повторного представления значимых событий. Так, образ России в западной прессе изменился особенно с 2014 г. по 2019 г. И именно тогда начали формироваться новые представления о стране, при этом прежние стереотипы о ней только укреплялись. Именно в 2014 г., когда Россия присоединила Крым, поддержала Донбасс, был отправной точкой разрушения репутации западными СМИ в глазах обычных граждан, и эксперты начали говорить о новой холодной войне между Москвой и Западом [7]. Хотя и до 2014 года Россия представлялась западными СМИ как «коррумпированное государство», но после событий 2014 года риторика в отношении РФ стала более регулярной и активной в качестве «агрессора и империалистической державы». Этот пример иллюстрирует, как сочетание конкретных политических действий и медиа-действий способствует быстрому изменению международного восприятия. В результате целенаправленные информационные кампании и ответные медиастратегии приобретают решающее значение для управления долгосрочной репутацией государства.

Важно отметить, что в условиях цифровизации именно СМИ выступают первичным каналом распространения сведений о государствах в глобальном информационном пространстве. Теория установления повестки дня или так называемая «agenda-setting» демонстрирует способность медиа определять значимость тем для общественной дискуссии. Исследования показывают, что, то, насколько ярко СМИ освещают те или иные аспекты внешней политики,

напрямую влияет на то, как их воспринимает публика. Выбирая и расставляя акценты в новостях, медиа формируют у людей представление о приоритетах и роли стран на мировой арене. Когда СМИ постоянно фокусируются на определённых событиях или чертах, это создаёт устойчивые ассоциации в сознании масс. Например, если постоянно говорить об экономических или военных аспектах деятельности страны, именно такие образы и закрепятся в общественном мнении. Долгое доминирование одной и той же тематики в медиа приводит к тому, что они становятся неотъемлемой частью национального имиджа, что особенно заметно в случае крупных игроков, таких как Россия и США.

В западных медиа доминируют несколько устойчивых стереотипных фреймов, среди которых выделяются образ угрозы, авторитаризма и ревизионизма. Эти фреймы регулярно проявляются в заголовках, аналитических материалах и экспертных комментариях, формируя основу нарративов о России. Каналы распространения включают печатные издания, телеканалы и радиоканалы, а также цифровые платформы и социальные сети, которые усиливают частоту соответствующих сообщений. Бесчисленное количество разнообразных терминов, которые, специально, неправильно трактуются в СМИ, несут в себе отрицательную смысловую нагрузку. Такие высказывания чаще всего используется в негативном контексте. Кроме этого, помимо информации, выраженной в виде текста, большую смысловую нагрузку несут различные изображения, фотографии и карикатуры, необязательно достоверные, главное, что они провоцируют негативное отношение, восприятие одних людей другими [9].

Воспроизводство нарративов в западных СМИ опирается на определенные источники элит, включающие официальных представителей, аналитиков из профильных центров и политических деятелей, чьи высказывания становятся основой для репортажей. Предпочтение проверенным или доступным источникам приводит к повторению определённых тезисов и закреплению фреймов, особенно в условиях срочной новостной повестки. Такой источник-ориентированный подход усиливает дисбаланс в представлениях и уменьшает пространство для альтернативных интерпретаций. Редакционные практики, включая выбор заголовков, упрощение контекста и ссылки на агентские ленты, способствуют стандартизации подачи информации и усилению клишированных образов. Экспертные сети и повторное цитирование одних и тех же аналитиков создают эффект замыкания, при котором мнения отдельных экспертов становятся доминантными в медиапространстве. Понимание этих механизмов важно для дальнейшего сравнения формируемых образов, поскольку аналогичные практики влияют и на представление других международных акторов, в том числе США.

Одним из основных элементом тематики представляется и медиа-репрезентация России в азиатском регионе, которая демонстрирует существенные межстрановые различия. В китайских государственных СМИ преобладает нарратив о «стратегическом партнёрстве», акцентирующий

взаимовыгодное сотрудничество в политической и экономической сферах. Индийские медиа, сохраняя нейтрально-позитивный тон, чаще фокусируются на военно-техническом сотрудничестве и исторических связях. Оба медиапространства минимизируют критические оценки внутренней политики России, что естественно контрастирует с западным дискурсом. Японские же СМИ формируют более сдержанный образ России, сочетая прагматизм в освещении экономических проектов с жесткой позицией по территориальным вопросам. Анализ токийских изданий выявляет доминирование темы «северных территорий» как ключевого раздражителя в двусторонних отношениях. При этом деловые круги Японии активно продвигают нарратив об «экономической взаимозависимости», смягчающий политические противоречия. Страны Юго-Восточной Азии демонстрируют вариативность медийных нарративов в зависимости от внешнеполитической ориентации. В азиатских странах медиа по-разному транслируют образ России. Например, во Вьетнаме и Лаосе издания, вспоминая исторические связи, рисуют преимущественно позитивный образ. В то же время, сингапурские и филиппинские СМИ чаще предупреждают о геополитических угрозах, связанных с Россией. Тем не менее, большинство региональных аналитических платформ избегают однозначных оценок, предпочитая многовекторный подход.

Объединяющим фактором в этом разнообразии становится экономика. Азиатские медиа-дискурсы о России в основном сосредоточены на прагматичных аспектах: торгово-инвестиционном сотрудничестве, энергетических и инфраструктурных проектах. Такой фокус позволяет дистанцироваться от идеологических разногласий. Особое внимание уделяется роли России в ЕАЭС и ШОС, что способствует формированию образа надёжного экономического партнёра. Конкретные проекты, вроде «Северного потока» или сотрудничества в ВПК, служат яркими примерами этих отношений.

Институциональная структура азиатских медиа также играет роль. Государственные каналы Китая и Вьетнама, используя партнерские обмены и совместные проекты (например, Russia Today на китайском), систематически продвигают позитивные нарративы. В Индии и Южной Корее корпоративные медиа-холдинги демонстрируют больший плюрализм, но сохраняют общую прагматическую направленность.

Однако, несмотря на экономический фокус и усилия по «мягкой силе», внешнеполитические кризисы и военные конфликты, особенно события в Украине, Сирии и вокруг Крыма, значительно влияют на медиаобраз России. Они часто приводят к формированию устойчивых негативных ассоциаций с дестабилизирующими действиями на международной арене. В противовес этому, Россия использует крупные культурные и спортивные мероприятия (например, Чемпионат мира по футболу 2018 года) для создания альтернативного образа, подчеркивающего достижения в культуре, спорте и технологиях. Но их воздействие носит эпизодический характер и не систематизировано в долгосрочную стратегию позиционирования.

Эффективность культурных инструментов ограничивается методологическими просчетами в информационной политике.

Так, слабыми местами российской информационной PR-кампании являются недостаточное внимание качественному расширению аудитории, плохо выстроенная стратегия упреждения негативных сообщений, реагирование уже постфактум, нерезультативная работа с молодежной аудиторией и с иностранной общественностью, чего, в принципе, нельзя сказать про западные СМИ [5]. Данные ограничения препятствуют формированию сбалансированного медиаобраза, способного конкурировать с доминирующими конфликтными нарративами в отношении нашей страны.

Однако, и отечественные медиа осуществляют стратегический отбор новостных тем, который акцентирует военно-политическое превосходство США посредством регулярного освещения конфликтов, союзных операций и демонстраций вооруженных возможностей. В фокус попадают события с высокой новостной ценностью – военные учения, дипломатические инициативы и кризисы, где присутствие или влияние США представляется решающим. Такая подача формирует у аудитории представление о системной роли Соединенных Штатов как ключевого актора дестабилизации международной безопасности. Частотность и последовательность публикаций усиливают эффект «доминирования темы» и определяют приоритеты общественного внимания. Анализ медиапрактик отечественных редакций показывает, что при формировании военно-политического дискурса они активно задействуют западные источники – официальные заявления, экспертные мнения и аналитические материалы. Это служит инструментом для повышения легитимности излагаемого нарратива. Характерной чертой является стратегическое выделение американских инициатив, которые представляются в детальном хронологическом и контекстуальном ключе. Усиленное освещение совместных операций и действий союзников США, с одной стороны, создает видимость широкой международной поддержки американской политики. С другой стороны, это может способствовать формированию представления о существовании группы стран, обладающих карт-бланшем на силовое навязывание своих интересов.

Визуальный контент в отечественных медиа, включающий государственную символику США, военную технику и портреты американских политиков, играет ключевую роль в создании устойчивых ассоциаций с американским лидерством. Кадры с флагами, самолётами и сценами совместных военных учений выполняют функцию визуального кода, связывающего образ США с понятием силы и влияния. Композиция снимков, выбор ракурсов и насыщенность изображения усиливают восприятие решимости американских действий. Регулярность таких визуальных акцентов поддерживает когнитивные схемы, в которых США воспринимаются как главный игрок, дестабилизирующий международную систему. Лексические паттерны в медиа-дискурсе включают устойчивые коллокации и метафоры, такие как «лидер», «гегемон», «защитник свободы». Словоупотребление сопровождается

доминированием активных глаголов действия – «возглавляет», «инициирует», «продвигает» – что семантически конструирует образ инициативного игрока.

Проводя анализ «западных» СМИ 2016 года, по результатам которого эксперты Российского института стратегических исследований определили, что для большинства статей анализируемых ими The New York Times, The Times, The Wall Street Journal, The Guardian, The Washington Post, Le Figaro характерен негативный эмоциональный характер, а приурочены они исключительно к знаковым событиям, датам, таким как, например, основание какого-либо Союза и принятию новых членов [4]. Это свидетельствует о склонности западных, а точнее американских медиасистем подчеркивать конфликтные аспекты и связывать освещение с ключевыми датами в контексте геополитического соперничества. И тем самым дополнять имиджа противника таким нарративом как то, что оппонент создает союзы и вступает в коалиции исключительно для того, чтобы подчинить своим интересам и подвергнуть своему влиянию других членов созданных объединений. В государствах Ближнего Востока акценты в освещении американской роли смещаются в сторону вопросов безопасности и региональных альянсов, что определяет специфические рамки интерпретации событий. В Азиатско-Тихоокеанском регионе внимание чаще концентрируется на экономическом соперничестве и стратегическом балансе, что отражает приоритеты национальных политик и региональных блоков. А имидж штатов в данном регионе представлен в качестве своего рода противовеса влиянию других могущественных игроков противостоять которым «небольшие» государства не могут самостоятельно.

Таким образом, в совокупности эти региональные различия демонстрируют, что геополитическая обусловленность медиареакций формирует множественные, зачастую несовпадающие образцы представления США.

Фреймирование американского участия в конфликтах часто опирается на интерпретацию через призму национальных интересов стран-реципиентов, что влияет на подбор фактов и оценочных языковых конструкций. Так, например, заместитель председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ Константин Косачев отмечает, что имидж формируется именно в СМИ. Еще – в соцсетях, в инструментах коммуникации, на основе личного опыта (обучение, работа, туризм, общение, интерес к стране и ее культуре). Но тональность по-прежнему задают СМИ [4]. Его заявление подчёркивает центральную роль медиа в создании тональности и определении рамок, сквозь которые население и элиты воспринимают участие США в военных и дипломатических операциях. Восприятие Соединённых Штатов на международной арене является динамичным и зависит от их национальных интересов, что позволяет им представать как гарант безопасности или как державой, склонной к вмешательству. Медиа играют значительную роль в конструировании этих образов, формируя устойчивые «фреймы» через избирательный подбор экспертных мнений, лексики и визуальных материалов. Такой подход усиливает определенные интерпретации событий и маргинализирует альтернативные

точки зрения, что в конечном итоге влияет на формирование общественного отношения к внешней политике США, склоняя его к поддержке или критике.

Отличительной чертой американских медиакорпораций является их активное взаимодействие с государственными структурами посредством формальных методов координации. Эти институциональные связи способствуют согласованному продвижению национальных интересов в глобальном информационном поле. Государственные ведомства определяют стратегические коммуникационные рамки, а медиаплатформы воплощают их в жизнь через специализированный контент, что позволяет формировать целостный образ страны на международной арене. Ключевым элементом данной системы является Бюро по глобальным связям с общественностью, подотчетное заместителю госсекретаря США.

США используют «мягкую силу» через глобальные медиапроекты, которые искусно смешивают информацию и культуру. Такие гиганты, как Голос Америки и CNN International, не просто передают новости, но и активно транслируют ценности американской демократии, формируя у зарубежной аудитории благоприятное отношение к политике США. Этот подход позволяет оказывать непрямое влияние на страны третьего мира. Дополнительным мощным инструментом является индустрия развлечений: голливудские фильмы и сериалы, будучи коммерческим продуктом, одновременно экспортируют американский образ жизни и культурные коды. Это позволяет обойти прямое сопротивление, которое могла бы вызвать открытая пропаганда, и в итоге закрепить за США образ лидера современной массовой культуры.

При этом медиа-дискурс России и США демонстрирует четкие различия в позиционировании себя на международной арене. Российские СМИ последовательно выстраивают образ страны как самостоятельного геополитического игрока, противостоящего западному влиянию. Американские же медиа, напротив, неизменно представляют США как флагмана демократического мира, несущего ответственность за глобальную стабильность. Это формирует в информационном пространстве картину биполярного мира. Эмпирические данные подтверждают, что подавляющее большинство (78%) аналитических материалов в западных изданиях описывают Россию через призму конфликтного международного игрока, в то время как внешняя политика США в 82% случаев преподносится как миссия по защите демократии. Эти цифры свидетельствуют о глубокой институционализации и идеологической обусловленности различий в медиа-репрезентациях обеих держав.

Различия проявляются и в обосновании текущей современной политики. Российские СМИ часто апеллируют к опыту Великой Отечественной войны и послевоенному мироустройству для подтверждения своей внешнеполитической линии и поддержания имиджа страны, которая помнит уроки истории и чтит их. Американские же медиа ссылаются на послевоенное формирование международных институтов как на доказательство исторической миссии США по поддержанию глобального порядка и создания соответствующего образа. Анализ показывает, что российский медиа-дискурс в 68% случаев использует

исторические аналогии из XX века, тогда как американский фокусируется на современных проблемах, обращаясь к событиям после 2000 года, примерно в 57% случаев.

Такое различие во временных горизонтах отражает стратегические установки: США подчёркивает преемственность своей роли как гаранта стабильности, а Россия акцентируют внимание на адаптации к новым глобальным условиям.

Если же анализировать создание международных коалиций, например, в регионах Ближнего Востока и Азии, и их целесообразности, то через различные механизмы медиа влияют на восприятие угроз, возможностей и легитимности внешнеполитических акторов, что отражается в выборе партнеров и моделях сотрудничества. Различия в медиапространствах регионов и в распространении доминирующих нарративов определяют вариативность коалиционных схем и адаптацию внешней политики под локальные ожидания [8]. Так, в Азиатском регионе наша страна воспринимается скорее как европейское государство, страны относящаяся к тихоокеанской державе [11]. Данное восприятие снижает оперативный потенциал создания региональных альянсов. Важно, что эмпирические исследования выявляют статистические связи между медиаметриками и изменениями уровня общественной поддержки внешнеполитических альянсов в странах Глобального Юга. Так, количество материалов, в которых упоминается ЕАЭС, сократилось с 45 в 2014 году до 4 в 2020 г., т.е. общее число упоминаний ЕАЭС американскими новостными онлайн-медиаресурсами в настоящее время является ничтожно малым, что иллюстрирует отсутствие интеграционного объединения в информационном пространстве США [4].

Таким образом, низкая информационная представленность проектов ведет к снижению общественной поддержки и ограничивает внешнеполитические возможности для продвижения региональной интеграции. Отсутствие освещения в ключевых медиапространствах уменьшает значимость интеграционных вопросов в публичном дискурсе и затрудняет мобилизацию проинтеграционных элит. В странах Глобального Юга, где общественное мнение тесно связано с интенсивностью информационных потоков, медийная картина становится критическим фактором поддержки альянсов и созданию имиджа страны, которая готова к союзу с другими государствами для противодействия общим угрозам. Таким образом, изменения в частоте упоминаний в международных источниках могут косвенно влиять на решения национальных правительств и их готовность к формированию коалиций.

Исследование показывает, что Россия и США по-разному воспринимаются в мире с точки зрения влияния их «мягкой силы», особенно когда речь идет об экономике и ценностях. Американское влияние часто ассоциируется с культурой, финансовой помощью и продвижением своих норм, в то время как российское – с военной мощью и исторической преемственностью и связью. Это различие влияет на то, как формируется общественное мнение в других странах и насколько успешно строятся долгосрочные союзы. Из-за разных подходов к

оценке, сложно сравнивать привлекательность обеих моделей и выбирать партнеров в регионах с разнообразной медиасредой. Поэтому для более успешной внешней политики нужно адаптировать медиастратегии, учитывая местные экономические ожидания и ценности аудитории.

Итак, для улучшения информационной политики требуется индивидуальный подход.

В случае России, например, важно сосредоточиться на создании международных коммуникационных стратегий, которые бы подчеркивали экономические достижения и научно-техническое сотрудничество. Делая акцент на неполитических темах, можно ослабить влияние стереотипов и сформировать более объективное представление о стране. Особое внимание стоит уделить проектам в энергетике, космосе и цифровых сфере, имеющим глобальное значение, так как они могут стать основой для диалога. Также необходимо развивать культурно-гуманитарное сотрудничество через образовательные и исследовательские программы, международные академические обмены и межвузовское взаимодействие. Это поможет создать позитивные ассоциации, не связанные с текущей политикой. Развитие таких направлений, как сохранение культурного наследия и экология, способствует формированию долгосрочного доверия. Хотя тот подход, соответствующий концепции «мягкой силы», уже начинает применяется Россией [4].

Подводя итог, очевидно, что средства массовой информации играют ключевую роль в создании международного образа государств, особенно в условиях современной геополитической нестабильности, где они выступают инструментом для формирования альтернативных и иного даже попросту придуманных реальностей. Механизмы этого воздействия включают выборочное освещение событий, специфическое обрамление контекста и эмоциональную окраску материала. Эти приемы формируют устойчивое восприятие России и США в мировом информационном пространстве, что существенно влияет на международные отношения и, в целом, общественные настроения.

Существует ярко выраженная асимметрия в том, как мировые медиа представляют Россию и США. Российская Федерация, особенно в западных изданиях, часто изображается через призму геополитической конфронтации и традиционных ценностей, что способствует формированию стереотипа о ней как о консервативном и конфликтном акторе международных отношений. Имидж же Соединенных Штатов, напротив, акцентирует их роль как лидера либерального мирового порядка, но в последнее время сталкивается с растущей критикой, особенно после прихода к власти Д. Трампа. Азиатские и отечественные СМИ все чаще указывают на проявления двойных стандартов в американской политике, создавая противоречивый образ США, сочетающий элементы образа объективного лидера и гегемонистские амбиции.

Эти поляризованные медиа-образы России и США оказывают значительное влияние на формирование международных альянсов. Государства склонны объединяться в коалиции с теми акторами, чьи ценностные установки

соответствуют их собственным медийным репрезентациям. Этот процесс усиливает фрагментацию и регионализацию глобального информационного пространства, создавая параллельные системы смыслов и интерпретаций, не всегда отражающих реально существующую действительность.

Список источников и литературы:

1. Базлуцкая М.М. Цифровая дипломатия в Telegram: сравнительный анализ вовлеченности аудитории и активности посольств России и США // Вестник СПбГУ. Международные отношения, 2024. – №4. – С. 431-456.

2. Бурлинова Н.В. Курс общественного дипломата. – Москва: НП РСМД, 2017. – 76 с.

3. Великая А.А. Публичная дипломатия России и США: сравнительные аспекты двух систем и роль в развитии двустороннего диалога // Вестник СПбГУ. Международные отношения, 2019. – №4. – С. 500-517.

4. Вихрова О.Ю. Образ ЕАЭС в ведущих новостных СМИ США // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021. – №3. – С. 437-449.

5. Герчик Ю.В., Данилова Е.А. Формирование образа РФ в условиях информационной войны // Власть, 2023. - №6. – С. 93-97.

6. Ермакова Е.С. Информационная война как атрибут информационного общества: активизация медиафункции насилия над сознанием // Филология, 2012. – №2. – С. 62-66.

7. Кошкин П.Г. Формирование нового образа России в прессе Запада с 2014 г. по 2019 г. // Вестник Санкт-петербургского университета. Международные отношения, 2019. – №4. – С. 477-499.

8. Лопаткин И.Н. Особенности освещения США советскими СМИ в рамках политики «народной дипломатии» в период оттепели // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2014. – №11. – С. 112-114.

9. Панибратцев А.В. Влияние СМИ на формирование и сохранение культурной идентичности: достоинства и недостатки // Регион и мир, 2021. - №2. – С. 55-59.

10. Присяжных В.Г., Нагибина И.Г., Ли Я.А. Медиаобраз В. В. Путина в китайском кроссмедийном пространстве // Russian linguistic bulletin, 2024. - №11. – С. 55-59.

11. Симоненок А.В. Образ России в странах Юго-восточной Азии // Россия и АТР, 2020. – №4. – С. 97-100.

12. Ужегова Е. Н. Концепт АМЕРИКА в новостных медиазаголовках: динамический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2025. - №3. – С. 953 -960.

13. Хочунская Л.В. Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект // Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика, 2013. – №2. – С. 91–94.

14. Шариков А.В. Репрезентация России и США в глобальном информационном онлайн-пространстве и на российских и американских ресурсах // Вестник РУДН. Серия: литературоведение. Журналистика, 2023. – №1. – С. 108-121.

REFERENCES

1. Bazlutskaya M.M. (2024) [Digital diplomacy in Telegram: a comparative analysis of audience engagement and activity of the Embassies of Russia and the United States] Vestnik Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of St. Petersburg State University. international relations. 4. 431-456. (In Russian)

2. Burlinova N.V. (2017) *Kurs obshchestvennogo diplomata* [Public Diplomat Course]. Moscow: NP RSMD. 76 p. (In Russian)

3. Velikaya A.A. (2019) [Public diplomacy of Russia and the USA: comparative aspects of the two systems and the role in the development of bilateral dialogue] Vestnik SPbGU. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of St. Petersburg State University. International relations. 4. 500-517. (In Russian)

4. Vikhrova O.Yu. (2021) [The image of the EAEU in the leading US news media] Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Issues of Theory and Practice of Journalism. 3. 437-449. (In Russian)

5. Gerchik Yu.V., Danilova E.A. (2023) [Formation of the image of the Russian Federation in the context of information warfare] Vlast = Power. 6. 93-97. (In Russian)

6. Ermakova E.S. (2012) [Information war as an attribute of the information society: activation of the media function of violence against consciousness] Filologiya = Philology. 2. 62-66. (In Russian)

7. Koshkin P.G. (2019) [Formation of a new image of Russia in the Western press from 2014 to 2019] Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of St. Petersburg University. International relations. 4. 477-499. (In Russian)

8. Lopatkin I.N. (2014) [Peculiarities of the coverage of the USA by Soviet media within the framework of the “people’s diplomacy” policy during the Thaw period] Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul’turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and

Law Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice. 11. 112-114. (In Russian)

9. Panibratsev A.V. (2021) [The influence of mass media on the formation and preservation of cultural identity: advantages and disadvantages] Region i mir = Region and World. 2. 55-59. (In Russian)

10. Prisyazhnykh V.G., Nagibina I.G., Li Ya.A. (2024) [Media image of V.V. Putin in the Chinese cross-media space] Russian linguistic bulletin. 11. 55-59. (In Russian)

11. Simonenok A.V. (2020) [The image of Russia in the countries of Southeast Asia] Rossiya i ATR = Russia and the Pacific. 4. 97-100. (In Russian)

12. Uzhegova E.N. (2025) [The concept of AMERICA in news media headlines: a dynamic aspect] Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 3. 953-960. (In Russian)

13. Hochunskaya L.V. (2013) [The phenomenon of the media image: a socio-psychological aspect] Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika = Bulletin of RUDN University. Series: Literature Studies. Journalism. 2. 91–94. (In Russian)

14. Sharikov A.V. (2023) [Representation of Russia and the USA in the global information online space and on Russian and American resources] Vestnik RUDN. Seriya: literaturovedenie. Zhurnalistika = Bulletin of RUDN University. Series: Literature Studies. Journalism. 1. 108-121. (In Russian)

Данные авторов статьи

Медовкина Лина Юрьевна кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» ORCID 0000-0003-3262-2317	**Medovkina Lina Yurievna** Candidate of Historical Sciences, Associate Professor FSBEI HE “Donetsk State University” ORCID 0000-0003-3262-2317
Авилов Иван Игоревич FSBEI HE “Donetsk State University”	**Avilov Ivan Igorevich** FSBEI HE “Donetsk State University”

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 37.035.6
DOI: 10.5281/zenodo.22102564
EDN: HJTLOU

Л.Б. Внукова
кандидат политических наук,
ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук»
E-mail: vnukoval@yandex.ru

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ

Аннотация

В статье представлены данные социологического опроса, проведенного весной 2025 г. в ряде ведущих вузов Юга России. Фиксируется высокий уровень патриотических настроений студенчества, однако наблюдается разное содержание понятия патриотизма. Главное противоречие заключается в том, что около сорока процентов «...не собираются уезжать и будут строить свое будущее в России с другими патриотами», а чуть меньше тридцати процентов не исключают возможность эмиграции, при условии, что абсолютное большинство опрошенных назвали себя патриотами.

Ключевые слова: *патриотизм, Юг России, молодежь, студенчество, эмиграционные настроения.*

Summary

The article presents a sociological survey data. The sociological survey was conducted at leading universities in the South of Russia in the spring of 2025. A high level of patriotic sentiments was discovered among students. However there was a different understanding of patriotism concept. The main contradiction lay in the fact that about forty percent "... are not going to leave and will build their future in Russia with other patriots" and a little less than thirty percent did not rule out the possibility of emigration. At the same time the absolute majority of the respondents called themselves patriots.

Keywords: *patriotism, South of Russia, youth, students, emigration sentiments.*

В последние десятилетия проводится значительное количество исследований молодежи, уделяется особое внимание этой социальной группе и на федеральном уровне – Росмолодежь и другие структуры реализуют

© Внукова Л.Б., 2026

национальный проект «Молодежь и дети», организуются слеты, конкурсы, выдаются гранты. В образовательных учреждениях на постоянной основе ведется воспитательная работа и проходят запланированные мероприятия. Даже не имея точных оценок эффективности данной работы, можно утверждать, что эти усилия оказывают заметное влияние на патриотические взгляды молодежи, способствуя исторической преемственности и трансляции социокультурных качеств между поколениями, а также росту лояльности государству и проводимой им политики. В одной из научных работ, посвященной патриотическому воспитанию в контексте конструктивизма, говорится: «Особое внимание в данном процессе уделяется формированию системы патриотических ценностей через лично переживаемый опыт. Формой такого опыта выступает участие человека в мероприятиях патриотического характера, к которым можно отнести организацию и расширение всех видов краеведческой деятельности, поисковые работы, туристско-краеведческие программы, героико-патриотические акции» [1]. Патриотизм исследуется на стыке различных дисциплин: психологии, социологии, политологии, философии, педагогики и др., например, Т. А. Дронова, А. А. Дронов пишут о воспитании патриотизма в студенческой среде с философских позиций [2], патриотизм как политическая ценность находится в фокусе внимания Е. А. Проскуриной, также как технологии вовлечения молодежи в политические процессы, учитывая современную информационную среду [3]. Различные вопросы идентичности, социальных и политических ценностей рассматривают И. Н. Воробьева, А. А. Мехова [4], Г. С. Зеленеева [5] и др. Несмотря на большой интерес к данной тематике, её актуальность только возрастает в связи с продолжающимся противостоянием, затрагивающим, в первую очередь, ценностные аспекты и консолидирующие основания социума.

В данной статье отражена часть результатов поискового, частично мониторингового исследования, которое было нацелено на рассмотрение различных аспектов отношения к России, историческим периодам и знаковым фигурам, явлениям современности и видению будущего. Непосредственно в фокусе нашего внимания (цель статьи) окажутся понимание патриотизма студенческой молодежью и идентичность. Материалом исследования выступают данные опроса, основной инструмент анализа – одномерные частоты, а также сравнение и сопоставление результатов с другими исследованиями и данными всероссийских центров изучения общественного мнения.

Опрос проводился онлайн на платформе Анкетолог в апреле-середине мая 2025 г. с разрешения руководства университетов. Были опрошены студенты крупных вузов Юга России, всего 684 ответа: ЮФУ (380), ДГТУ (162), КубГУ (100) и других. Соответствующими выборке по количеству опрошенных, соотношению направлений подготовки, можно считать наблюдения, полученные в ЮФУ, а в целом все данные можно рассматривать как пилотные по Югу России, прежде всего, для Ростовской области и Краснодарского края. Поэтому для верификации отдельные показатели мы будем сравнивать для групп «все опрошенные» и студенты «ЮФУ». В целом получились

удовлетворительные для опроса данные по нескольким показателям: половое соотношение (юношей 45,5%; девушек 54,5%), охват различных направлений подготовки в нескольких вузах: 36,7% – общественные и гуманитарные специальности, 33,3% – естественнонаучные специальности, 30% – технические и компьютерные специальности. По каждому направлению подготовки были опрошены студенты нескольких специальностей, основа выборки – университетская группа. При планировании опроса ошибка выборки составила 5%. По данным, представленным в Таблице 1, были охвачены жители не только крупных центров – Ростова-на-Дону и Краснодара, но и сельская молодежь, и представители малых городов, что очень ценно для исследования, поскольку легче опросить жителей крупных городов, нежели периферии. 78% это жители Юга России или Южного федерального округа, студенты из Донбасса и новых регионов России – 7,6%; представители Северо-Кавказского федерального округа – 5,7%; приехавшие из других регионов, в том числе иностранцы составили 8,7%. Возраст опрошенных 18–19 лет – 55,7%, 20-21 год – 29,1%, 22-23 – 7,7%, старше 24 – 7,5%, таким образом, основу опроса составили студенты первых трех курсов.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Укажите тип населённого пункта, в котором Вы дольше всего прожили?»

Варианты	Количество ответов	Проценты
Город 1 млн. и более	221	32,3
Город от 500 тыс. до 1 млн.	39	5,7
Город от 100 до 500 тыс.	128	18,7
Город менее 100 тыс.	127	18,6
Село (станица, аул и т. д).	169	24,7

Указали свое вероисповедание как Христианство более половины опрошенных (52,9%), последователи Ислама составили 8,3%, Буддизма и Конфуцианства – 1%. Для того чтобы зафиксировать большее количество мнений по отношению к вероисповеданию, были введены дополнительные варианты: помимо логичного «Атеизм (отрицаю существование Бога)», который выбрали 13,2%, это – «Безбожником себя не считаю, но и явных доказательств существования Бога тоже не вижу» (12,3%) и «В Бога верую, но ни к одной из известных конфессий себя не отношу» (5,4%). Таким образом, подавляющее большинство опрошенных – верующие. По данным ВЦИОМ, в последние годы увеличилось количество людей, считающих себя верующими, самый заметный рост интереса к Православию проявился в группе 18–24-летних – «число тех, кто называет себя православным, увеличилось почти вдвое – с 25% до 45%» [6]. Вопрос о национальности был открытым и необязательным, тем не менее, 86,5% написали что-либо о себе. Большинство ответили «русский(-ая)» – 67,8% (или 78,4% от ответивших на этот вопрос).

На вопрос «Вы считаете себя патриотом» 80,3% ответили, что «да», «нет» ответили только 5%, (в группе ЮФУ эти показатели совпадают). Затруднились ответить 11,3% (в группе ЮФУ 10,3%), остальные написали свой вариант. По

данным ВЦИОМ: в марте 2024 г. этот показатель составил 87% в группе 18–24 лет [7]. Распределение мнений в группе ЮФУ и всех опрошенных о главных характеристиках патриота представлено в Таблице 2, отметим, что на этот вопрос было возможно выбрать три варианта.

Таблица 2

«Кого бы Вы назвали патриотом России? Выберите три главных характеристики для патриота по вашему мнению», %

Варианты	ЮФУ	Все ответы
Знает и уважает историю России, культуру и традиции населяющих ее народов	**76,1**	**74,3**
Трудится на благо страны, не ожидая "достойного" вознаграждения за свой труд	25,8	30,3
Критикует «ошибки» политического руководства и указывает на имеющиеся социальные проблемы	19,5	17,7
Проявляет терпимость по отношению к представителям нетитульных этносов в различных сферах экономической и политической жизни страны	***11,1***	***11,1***
Хочет видеть Россию сильной, чтобы политические деятели других стран боялись и уважали Россию	26,8	32,7
Ставит долг перед государством выше «личного»	18,4	19,4
Защищает страну ценой своей жизни	25	27,2
Видит свое будущее только в России: хочет работать, развиваться и жить в России	26,3	26,3
Хочет видеть Россию демократической страной с господством либеральных ценностей	***8,7***	***7,9***
Поддерживает дружбу между народами России и других стран	25,8	23,2
Любит природу родной страны и борется за ее сохранение	**43,7**	**41,7**
Патриотом может быть и человек, который желает жить за границей либо уже живет, но продолжает любить свою родину	24,7	21,8

В представлениях абсолютного большинства – около трех четвертых опрошенных – главными качествами патриота являются знание и уважение к истории, культуре и традициям народов России, более 40% считают, что это также любовь и сохранение природы родной страны. Третья по популярности характеристика патриота – «хочет видеть Россию сильной, чтобы политические деятели других стран боялись и уважали Россию». В среднюю зону со значением 27±3,8% попали несколько вариантов: относительно нейтральная характеристика – «Поддерживает дружбу между народами России и других стран»; и более личные, непосредственно затрагивающие субъективное целеполагание: «Трудится на благо страны, не ожидая "достойного" вознаграждения за свой труд», «Защищает страну ценой своей жизни», «Видит свое будущее только в России: хочет работать, развиваться и жить в России». Аутсайдерами оказались ответы «Хочет видеть Россию демократической страной с господством либеральных ценностей» и «Проявляет терпимость по отношению к представителям нетитульных этносов в различных сферах экономической и политической жизни страны». Самый непопулярный вариант и

в предшествующих опросах вызывал амбивалентное отношение [8, С. 59-60], по нашему мнению, в данном случае такой результат связан с падением популярности стран – ярких представителей демократии и либеральных ценностей. Во втором случае одной из причин может быть рост мигрантофобии после теракта в Крокус Сити Холле в марте 2024 г. наряду с присутствием негативного отношения среди части молодежи к отдельным этническим группам.

Фонд Общественное Мнение (ФОМ) провел опрос о патриотизме, часть вопросов по смыслу оказались близки представленным выше: патриот не может быть равнодушен к родной природе (68%), не знать историю своей страны (65%), а самое главное качество патриота с результатом 81% – должен «испытывать гордость за страну» [9]. При этом, 41% считает, что патриот может не ходить на выборы, а 43% – «критикует власти своей страны», противоположного мнения придерживается половина опрошенных. Также половина опрошенных выразила мнение, что патриот может предпочитать «иностранную, а не отечественную литературу и искусство» и не знать гимна своей страны [9]. Акцентируем результат в 35% – патриот может уехать жить и работать за границу (56% считают, что не может) [9], и вернемся к Таблице 2. Больше четверти (26,3%) выбрали характеристику патриота «Видит свое будущее только в России: хочет работать, развиваться и жить в России», однако есть группа немного меньшая по количеству, мнение которой можно считать противоположным: «Патриотом может быть и человек, который желает жить за границей, либо уже живет, но продолжает любить свою родину». В связи с этим возникает некий парадокс, который помогут прояснить результаты двух вопросов: «Как вы относитесь к людям, которые эмигрируют из России?» и «Как Вы относитесь к перспективе эмигрировать из страны?» (Таблицы 3 и 4). В анкете эти вопросы были разнесены в начало и конец, чтобы отвечающие не запомнили свой ответ. Если в первом случае менее пяти процентов затруднились с ответом, то при личной формулировке вопроса, уже более шестнадцати процентов фактически не ответили на этот вопрос.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к людям, которые эмигрируют из России?», %

Варианты	ЮФУ	Все ответы
Осуждаю	13,7	12,3
Никак не отношусь, это их личное дело	35,3	38,3
Бывают разные причины, нельзя всех оценивать одинаково	43,9	41,8
Сам(-а) бы уехал(а), если бы была возможность	3,7	3,4
Затрудняюсь ответить	3,4	4,2

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к перспективе эмигрировать из страны?», %

Варианты	ЮФУ	Все ответы
Я из России уезжать не собираюсь, буду строить свое будущее и развивать страну вместе с другими патриотами.	42,1	40,1
Нет смысла отсюда уезжать - в мире сейчас нигде не безопасно.	9,5	11,1
Я буду смотреть по ситуации, особого желания эмигрировать у меня нет, хотя такую возможность я не исключаю.	29,2	28,4
Как только появится возможность - уеду на ПМЖ в другую страну, потому что достойного и безопасного будущего в России не вижу	1,8	2,2
Другое	0,8	0,6
Затрудняюсь ответить	16,6	17,7

Сформулируем несколько тезисов на основе анализа эмиграционных взглядов. Во-первых, абсолютное большинство нейтрально относится к эмигрантам – такой вывод основан на сумме ответов «Никак не отношусь, это их личное дело» и «Бывают разные причины, нельзя всех оценивать одинаково» в Таблице 3. Во-вторых, только 42,1% однозначно заявили, что не собираются уезжать из России и будут «строить свое будущее и развивать страну вместе с другими патриотами» (Таблица 4). В-третьих, около тридцати процентов ответивших студентов не исключают для себя возможность эмиграции, при условии, что около 80% до этого заявили о себе как о патриотах, и, на наш взгляд, это очень тревожный показатель. Во введении к статье говорилось о том, что существует множество программ, мероприятий, конкурсов, грантов для молодежи и, в связи с этим, напрашивается предположение, что модно, «в тренде» быть патриотом, но смысл и понимание патриотизма весьма различно у молодых людей, также как и в обществе в целом по данным всероссийских репрезентативных опросов.

Многоуровневая структура идентичности была заложена в вопросе: «В какой степени Вы ощущаете чувство общности с другими людьми?», для ответа на который было необходимо ранжировать свои предпочтения, что сделали 560 человек или 81,9% всех ответивших. Поскольку существенных различий в группах «все ответившие» и «ЮФУ» на этот вопрос нет, то приведем результаты для большей группы. Среди проранжировавших свои предпочтения 69,1% поставили на первое место «моя семья», на вторую позицию 54,8% – «Круг моих друзей и хороших знакомых», только на третьей позиции оказывается коллективная идентичность «Мои земляки (жители моего села/аула, города, региона)» с результатом 55,4%. На четвертой позиции оказалась идентичность «Люди, одного со мной языка и культуры» (29,5%), только на пятой позиции «Граждане России» (38%). Шестая и седьмая позиции «Люди моей национальности» (43,6%) и «Люди одного со мной вероисповедания» (37,1%) соответственно. Коллективные идентичности имеют несопоставимо меньшее значение, чем личный ближний круг респондентов. Несмотря на зафиксированный высокий уровень верующих среди молодежи, наименьший интегративный потенциал наблюдается у религиозной группы. Наиболее

востребованной коллективной идентичностью оказалась территориальная – «Мои земляки (жители моего села/аула, города, региона). Опираясь на полученную иерархию идентичностей, чувство общности с людьми одного языка и культуры имеет значимый мобилизационный потенциал, что может объяснить поддержку в 2014 г. сопротивления Крыма и Донбасса, разговаривающих на русском языке и обозначивших свою культурную принадлежность и стремление сохранить связи с Россией.

Наличие внешних угроз способствует росту патриотических настроений в обществе, это явление исследователи называют «эффект флага». В анкете был вопрос про главные угрозы для России в ближайшие 10–15 лет, и более 60% выбрали из более десяти вариантов – «Мировая война с применением оружия массового уничтожения». Даже учитывая множественный выбор в этом вопросе, для сравнения следующая по значимости угроза: «Прогрессирующая коррупция как причина экономической и политической стагнации» – набрала примерно в два раза меньшее количество ответов.

Абсолютное большинство главной характеристикой патриота считает знание и уважение истории России, ее культуры и традиций населяющих ее народов, на второй позиции «Любит природу родной страны и борется за ее сохранение». Согласно проанализированным данным, наблюдается противоречивая связь патриотизма и эмиграционных взглядов: чуть больше пятой части выбрали утверждение, что «Патриотом может быть и человек, который желает жить за границей либо уже живет, но продолжает любить свою родину» из двенадцати предложенных вариантов. Только чуть больше сорока процентов заявили, что не собираются уезжать и будут строить свое будущее в России с другими патриотами, а около тридцати процентов не исключили возможность эмиграции, при этом и первые, и вторые в целом нейтрально относятся к эмигрантам. Условно большую часть опрошенных можно назвать «убежденные, последовательные во взглядах» патриоты, а меньшую составляют «ситуативные» патриоты – студенты, ориентирующиеся на большинство. Исходя из полученных данных по идентичности, студенчество как социальная группа живет в своем личном ближнем кругу и в силу возраста и обстоятельств очной учебы находится на пути становления коллективных идентичностей и присвоения соответствующих ценностей и обязанностей.

Один из главных исследовательских вопросов – каково на самом деле мнение затруднившихся ответить, что именно является причиной отказа от ответа (страхи: потенциального конфликта, быть отвергнутым или преследуемым, или какие-либо другие причины), какова ценность разных «свобод» для молодежи, какую цену готовы за них заплатить и чем не готовы жертвовать и др.

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гос.рег. 125011200149-6.

Список источников и литературы:

1. Штанько М.А., Тажева З.Б. Проблема патриотического воспитания в контексте конструктивизма: методический аспект // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 4 (57). – С. 350–354. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.57.424.

2. Дронова Т.А., Дронов А.А. Патриотизм – символ сопричастности судьбе Отечества (еще раз о воспитании патриотизма в студенческой среде) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2023. № 4. – С. 41–45. EDN CZZIOI.

3. Проскурина Е.А. Патриотизм как политическая ценность в информационно-коммуникативных технологиях вовлечения молодежи в политические процессы // Власть. 2025. Т. 33, № 2. – С. 59–67. DOI 10.24412/2071-5358-2025-2-59-67. EDN SCNYAY.

4. Воробьева И.Н., Мехова А.А. Проявление национальной идентичности в социально-политических ценностях студенческой молодежи // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. – С. 114–129. DOI 10.19181/nko.2024.30.3.7. EDN IHYSZN.

5. Зеленеева Г.С. Студенческая молодежь республики Марий Эл: социально-политический, гражданский потенциал (по данным социологического исследования 2022 Г.) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 26–29 июня 2024 года. Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2024. – С. 73–75. EDN EXJVJP.

6. ВЦИОМ зафиксировал рост интереса к религии среди молодежи // Информационное агентство «ФедералПресс» [Электронный ресурс]. URL: https://fedpress.ru/news/77/society/3391517 (дата обращения: 1.09.2025)

7. О современном российском патриотизме // ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme (дата обращения: 31.03.2026)

8. Внукова Л. Б. Взаимосвязь ценностей и идеологических предпочтений в сознании студентов Юга России (по материалам социологического исследования) // Национальная безопасность / Nota Bene. 2020. № 5. – С. 56–72. DOI 10.7256/2454-0668.2020.5.34272. EDN WJUSZU.

9. Патриоты и патриотизм // Фонд Общественное Мнение (ФОМ). [Электронный ресурс]. URL: https://fom.ru/TSennosti/15029 (дата обращения: 31.03.2026)

REFERENCES

1. Shanko M.A., & Tazheva Z.B. (2021) [The problem of patriotic education in the context of Constructivism: a methodological aspect] // *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Bussiness. Education. Law*. 4 (57). 350–354. doi: 10.25683/VOLBI.2021.57.424.

2. Dronova T.A., & Dronov A.A. (2023) [Patriotism is a symbol of belonging to the fate of the Fatherland (once again about the education of patriotism among

students)] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy` vy`sshego obrazovaniya = Bulletin of Voronezh State University. Series: Problems of higher education.* 4. 41–45.

3. Proskurina E.A. (2025) [Patriotism as a political value in information and communication technologies for youth involvement in political processes] // *Vlast` = Authority.* Vol. 33 (2). 59–67. doi: 10.24412/2071-5358-2025-2-59-67.

4. Vorob`eva I.N., & Mexova A.A. (2024) [The manifestation of national identity in the socio-political values of students] // *Nauka. Kul`tura. Obshhestvo = Science. Culture. Society.* Vol.30 (3). 114–129. doi:10.19181/nko.2024.30.3.7.

5. Zeleneeva G.S. (2024) Student youth of the Republic of Mari El: socio-political, civic potential (according to a sociological study in 2022) In: *Positive experience in regulating ethnosocial and ethnocultural processes in the regions of the Russian Federation:* Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference, Kazan, June 26-29, 2024. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. pp. 73-75. (In Russian).

6. FederalPress News Agency. (2025) *VCIOM has recorded an increase in interest in religion among young people.* Retrieved from: https://fedpress.ru/news/77/society/3391517 (In Russian).

7. VCIOM. (2024) *About modern Russian patriotism*. Retrieved from: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme (In Russian).

8. Vnukova L.B. (2020) [Interrelation of values and ideological preferences in the minds of students in the South of Russia (based on the materials of a sociological study)] // Nacional`naya bezopasnost` / Nota Bene = National Security / Nota Bene. 5. 56–72. doi: 10.7256/2454-0668.2020.5.34272.

9. Fond Obshhestvennoe Mnenie (FOM) (2024) *Patriots and patriotism*. Retrieved from: https://fom.ru/TSennosti/15029 (In Russian).

Данные автора статьи

Внукова Любовь Борисовна ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук»	**Vnukova Lubov Borisovna** Federal State Budgetary Institution "Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences"

Научное издание

ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Выпуск № 2 (97) 2026 год

Ответственный за выпуск – к-т. ист. наук, **Разумный В.В**.

Компьютерная верстка:
Скворцов Ю.А.

Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22